

52481

К

2003
ГОД КАЗАХСТАНА
В РОССИИ

Герольд Бельгер

Гармония
духа

آبای

ابرای قۇنانبای اولىنا
تاڭدامالى

ماقسۇم ئىلى
ئادامىك كۆ
اولىگى
دۇرمان

ۋى

Герольд Бельгер

*Гармония
духа*

Москва
«Русская книга»
2003

УДК 82/89

ББК 84-4-83+81/21223

Б 44

Выпущено по заказу Министерства культуры,
информации и общественного согласия
Республики Казахстан

Художник
Т. Мухатов

Белгер Герольд

Б 44 Гармония духа. – М.: Русская книга, 2003. – 288 с.

Переводчик, прозаик, публицист Герольд Бельгер (1934) родился в России, в семье поволжских немцев, однако с малых лет и поныне живет и трудится в Казахстане. Он вырос в казахском ауле, окончил казахскую среднюю школу, проникся казахской ментальностью, работая в сфере трех культур – казахской, немецкой и русской.

Духом казахов пронизано и все его творчество. В данный сборник Г. Бельгера включены его очерки-эссе о духовном родстве и единстве разных культур, о перекличке исполинов Духа, о самобытности и богатстве казахского речестроя, о нравственных устоях казахского аула. В потоке вечной гармонии автор настойчиво ищет и находит незыблемые основы духовного бытия.

ISBN 5-268-00525-1

УДК 82/89

ББК 84-4

© Аким Тарази, 2003.

© Оформление Объединение художников – книжных графиков Казахстана, 2003.

© Издательство «Русская книга», 2003.

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. Муканова
г. Петропавловск

ЧЕРЕЗ ВЕКА И РАССТОЯНИЯ

Было это в Париже накануне рождественских праздников. После какого-то молодежного концерта Булат Окуджава повел меня в дом своего знакомого композитора, сухощавого бородатого француза. Народу собралось немало, и после легкого угощения мы начали петь и пели охотно и долго, пели в одиночку и все вместе. Обстановка была на редкость теплая, дружеская, настроение — приподнятое, и меня, по природе замкнутого, охватила вдруг приятная легкость, и я тоже подпевал, подтягивал, как мог, потом, отважившись, спел песню Абая “Темной ночью горы дремлют”, сложенную на стихи Гете, переведенные им же, Абаем, на казахский язык.

— Неужели это сочинил казах?— спросил кто-то из гостей.— А мелодия очень похожа на европейскую...

Я улыбнулся, вспомнив удивительный, поистине уникальный случай, выпавший на долю известного гетеевского стихотворения “Ночная песнь странника”.

...На исходе прошлого столетия в отдаленном уголке казахской степи, где еще господствовали нравы азиатского Востока, творил, сражаясь с невежеством, борясь “один против тысячи”, наш великий поэт Абай. Именно в эти годы он увлеченно переводил на родной язык русскую поэзию — Пушкина, Лермонтова, Крылова, Бунина. А это было время, когда у казахов еще не было профессиональной письменной литературы, хотя пышно расцветало устное народное творчество, акыны-импровизаторы, певцы-сказители, защищая честь своего рода, восхваляя знатных феодалов, влиятельных старцев и святых аруахов — духов предков, вступали в искрометные айтысы — поэтические состязания. И только Абай, в молодые годы обучавшийся в мусульманской духовной школе — медресе, а позже, уже в зрелом возрасте, самостоятельно изучивший русский язык, настойчиво тянулся к животворным источникам знания. И поэзия его напоминала одинокую трепетную свечу в бескрайней степи,

окутанной мраком патриархального Востока. И благодаря неимоверным усилиям одинокого гения в конце XIX века все же была проложена тропинка к русской, а через нее к мировой литературе. Абай, должно быть, интуитивно, чутьем и сердцем своим угадывал, улавливал какие-то родственные и созвучные с европейской поэзией и музыкой мотивы. И я абсолютно поверил в искренность слов парижанина, сказанных им тогда, четырнадцать лет тому назад, в тот памятный вечер накануне рождества, о чем-то ему близком и родственном в мелодии Абая.

Слова в той песни, которую я, безголоый, спел тогда моим друзьям, зародились в Европе, в горах Тюрингии, и здесь их знают как "Ночную песнь странника" Гете, а каждый русский с полным, основанием считает ее переложение "Горные вершины", осуществленное Лермонтовым, частицей своей культуры. И вот уже сто лет, благодаря переводу и музыке Абая, песню "Темной ночью горы дремлют" поют повсеместно в казахской степи. Факт кажется парадоксальным. Но лишь на первый взгляд.

Ведь поэт, если он наделен божьим даром, независимо от того, кто он по языку и обычаям, обладает, кроме своей национальной индивидуальной особенности, еще и чем-то общенациональным, точнее, общечеловеческим, что, несомненно, сближает, объединяет, роднит народы, преодолевая века, расстояния и языковые барьеры. Великие поэты всех времен и народов были великими гуманистами и интернационалистами, являясь, как выразился сам Абай, не только сыновьями своих отцов, а сынами всего человечества.

Обо всем этом подумалось мне сейчас, когда по просьбе издательства я принялся писать напутственное слово к своеобразному поэтическому этюду-эссе моего друга, писателя и переводчика Герольда Бельгера. А он, я знаю, к теме духовной близости, духовного родства разноязыких художников слова издавна питает особое пристрастие. В творчестве больших поэтов он ищет и находит не просто перекличку каких-то идей, тем и сюжетов, очевидную взаимосвязь и взаимовлияние, но и священную общность духа, общность неких единых корней-формул, выражающих всечеловеческое братство, извечное и естественное стремление к единству. Лингвистический, литературный, эстетико-философский анализ знаменитой гетевской миниатюры и ее гениальных переложений, осуществленных Лермонтовым и Абаем, не являются для Бельгера самоцелью или всего лишь благодарным объектом для филологического поиска. "Ночная песнь странника" и ее русский и казахский аналоги дают ему прежде всего основание, повод для серьезных обобщений.

Общность и созвучность духа и таланта автор находит не только в прошлом. Он сталкивает и прослеживает судьбы разных людей, причудливым, но закономерным образом так или иначе как бы причастных к гетевскому творению. Примеры и факты, собранные им по крупице для доказательства изблюбленной идеи, звучат убедительно. Его влекут не только корни человеческого единения, но и затейливые ростки его развития.

Не случайно так прикипел сердцем к этой теме Герольд Бельгер. Он, выросший в казахском ауле на берегу Ишима, окончивший казахскую школу, с детства впитал музыку казахской речи, и мудрая поэзия Абая для него так же дорога, как и мне, казаху: Поэтому-то он и испытывает неподдельную радость и гордость, увидев в Ташкентском литературном музее в ряду прославленных поэтов Востока и портрет Абая. Немец по национальности, Герольд воспринимает и великого Гете прежде всего через его "Западно-Восточный диван", с радостью находя в нем ориенталистские мотивы. А пишет он свои произведения по большей части на русском языке, и таким образом в нем самом, в его душе согласно и слаженно звучат три струны, составляя как бы триединый мотив.

Созвучие, согласие, сопричастность, содружество, сочувствие, единство, братство, родство — слова-понятия, которыми Бельгер пользуется особенно часто и охотно. Они наиболее емко и точно выражают его настрой. И доподлинно так: созвучие проявляется всюду. На созвучии зиждется природа, на нем строятся добрые человеческие отношения. Созвучие духа и талантов существует явственно. Это хрупкая категория, истинная суть человеческой общности, которую в наше очень беспокойное время нужно повсюду выявлять, обнародовать и беречь как самое ценное, непреходящее, что тысячелетиями терпеливо создано и выпестовано многострадальным разноязыким человечеством.

Абдижамил НУРПЕИСОВ,

лауреат Государственной премии СССР 1982

ПОСТСКРИПТУМ

У меня нет основания отказываться от этих слов, написанных мною более десяти лет назад. И потому не считаю нужным вносить какие-то коррективы. Даже в отношении времени, которое я и тогда охарактеризовал как очень беспокойное. Таким оно, к сожалению, осталось и поныне.

Что же касается автора этой книги, то он, верный своей излюбленной теме, все эти годы напряженно размышлял о духовном Созвучии и родстве двух титанов поэзии — великого немца Иоганна Вольфганга Гете и великого казаха Абая. За эти годы Бельгер не однажды посещал родные места казахского гения, впитал бессмертный дух его поэтического дара, опубликовал десяток статей о его творчестве, выпустил своеобразную книжку “Гете и Абай”, обретшую мгновенную популярность.

“Странно: мне кажется, я чувствую Абая”, — пишет Бельгер в этой книге и поясняет: “Полагаю, что чувствовать что-либо творчество — несомненно, объемнее и значительнее, чем понимать. Понять, постичь нормальный человек в состоянии многое. А вот почувствовать, то есть, воспринимать через сердце, через душу — очень непросто. Это как любовь, как дар: либо они есть, либо — нет”.

Это тонко и верно подмечено.

Почувствовать — значит понять сердцем, проникнуться душой. Только почувствовав, можно говорить о постижении сути. Не одно столетие человечество постигает суть мирового явления по имени Гете.

Постигание сути Абая еще не вышло за пределы национального. Человечеству еще предстоит открыть для себя, понять, осмыслить Поэта, выразившего дух казахов. Именно это, как я понимаю, является “сверхзадачей” Герольда Бельгера. Этим, видимо, и объясняется его целеустремленность, настойчивость и упорство в постижении глобальной темы — Гете-Абай. Бельгеру было двадцать лет, когда он, студент Казахского педагогического института имени Абая, написал курсовую работу “Ночная песнь странника” Гете в переводах Лермонтова и Абая”. С тех пор прошло четыре десятилетия, и вот к 150-летию со дня рождения казахского классика Бельгер подготовил новую книгу, в которую он включил почти все свои работы, посвященные творчеству Гете и Абая.

На мой взгляд, это серьезный труд. Книга рассчитана — едва ли не главным образом — на двуязычного и трехязычного читателя, способного сопоставлять, размышлять, сравнивать, вникать в поэтическое, вдохновенное слово, которое “по жилам течет огнем”.

Достоинство книги — помимо его познавательной значимости — в том, что Бельгер пишет о созвучности, родственности поэтов, которые — говоря словами автора, — являются олицетворением всего человеческого, прекрасного, возвышенного и благородного.

Абдижамил НУРПЕИСОВ 1992

ГЕТЕ И АБАЙ

ОЧЕРК-ЭССЕ

Не уставай пытливым оком
Следить за зияющим потоком,
К земным избранникам примкни.

Гете

Чтоб светоч истины узреть —
Должны быть зрячими сердца.

Абай

Странно, ко мне кажется, что я чувствую Абая.

В этом предложении я интонирую не слово “странно”, а, слово “чувствую”.

Полагаю, что чувствовать чье-либо творчество — несомненно, объемнее и значительнее, чем понимать. Понять, постичь нормальный человек в состоянии многое. А вот почувствовать, то есть, воспринимать через сердце, через душу — очень непросто. Это как любовь, как дар: либо они есть, либо — нет.

Ведь песня, что от сердца спета,

Владеет всей душой поэта, —

утверждает Гете в стихотворении “Признание”. О том же хорошо сказал Абай:

Слово, понятное умом,

Ускользает, как звук пустой.

Но по жилам течет огнем,

Коль берешь его всей душой.

(пер. Вс. Рождественского)

Правда, у Абая в оригинале сказано не “всей душой”, а “прилежным сердцем” (“*ынталы жүрек*”) — “Слово, прочувствованное прилежным сердцем, растекается по всем жилам” — но суть мысли от этого не меняется.

Неслучайно, видно, одно из наиболее частых слов в поэзии Гете — Herz (сердце) во всех его бесконечных смысловых нюансах. Неслучайно, конечно, и то, что, оно, сердце (*жүрек*) — любимый, всеобъемлющий образ в творчестве Абая. Сколько раз он к нему прибегает и сколько разнообразных находит к нему определений! Вот, к примеру: “*ыстық жүрек*” (горячее сердце), “*асау жүрек*” (строптивное сердце), “*асыл жүрек*” (драгоценное сердце), “*жас жүрек*” (юное сердце), “*мүз жүрек*” (ледяное сердце), “*сұм жүрек*” (коварное сердце), “*жау жүрек*” (отважное сердце) и т. п.

Истина: слово, воспринятое сердцем, дороже, весомей слова, понятого умом.

Возможно, кому-то кажется, что мой путь к Абаю должен лежать через Гете: как-никак я ведь немец, хоть и вырос и воспитался в казахском ауле. Но это не так. Как раз к Гете я робко подбираюсь с годами через Абая. Станным это может показаться только с первого взгляда. Даже к “Ночной песне странника” Гете я пришел от абаевской “*Қараңғы түнде тау қалғып*” через лермонтовские “Горные вершины”. Иначе говоря, шел путем обратным — от устья к истоку.

Что ж... пути познания причудливы и неисповедимы.

Менее всего хотелось бы мне прослыть непросвещенным в освещении заявленной в заглавии моего эссе е-охватной темы, хотя, понятно, я никак не отношу себя ни к абаоведам, ни к гетеведам. Однако тема эта волнует меня давно в плане несомненной и закономерной родственности муз, в плане очевидной духовной переклички двух гениев двух столь разных народов. Стоит ли говорить о том, что тема эта — Гете и Абай, если не ошибаюсь, никем никогда не только не затрагивалась, но в тесной и конкретной такой близости даже в мыслях не допускалась. Между тем меня давно, со студенческих лет, — то смутно-зыбко, то явственно-отчетливо — смущало и радостно волновало определенное созвучие этих двух великих мужей человеческого духа. Просто до поры до времени мне не удавалось определить и выразить это явное созвучие. Я его находил

не только в очевидном тождестве иных мыслей и раздумий и в определенной переключке каких-то стихотворных строчек, но и в родственности — ни больше, ни меньше! — психофизической натуры двух Поэтов, в схожести их судьбы, в не всегда объяснимой с точки зрения здравого рассудка близости их порывов, стремлений, переживаний. Тесный фрак придворного и министра одного и просторный стеганный чапан другого не являлись для меня помехой в видении и ощущении их духовного созвучия.

Именно созвучия, многоликого, многопластового, светлого и судьбоносного. Этим словом — СОЗВУЧИЕ — я назвал свою книжку, свое исследование-эссе о теме “Ночной песни странника” Гете, поставленной, как выяснилось, еще древнегреческим поэтом Алкманом и блестяще переложенной на русский и казахский языки соответственно Лермонтовым и Абаем.

В данном очерке-эссе речь пойдет, однако, не об идейно-тематических и художественно-эстетических параллелях “Ночной песни странника”.

О Гете и Абае хочется говорить высоко и торжественно в плане философско-эстетического созвучия, единства поэтического духа, того, что Пушкин назвал союзом “волшебных звуков, чувств и дум”.

Даже в разной тональности мировосприятия и миропонимания Гете и Абая мне всегда мерещится некое родство, некое созвучие, достойные серьезного изучения и разговора, и, признаться, меня до сих пор удивляет, почему этой темой не заинтересовались глубоко и обстоятельно наши многомудрые литературоведы.

А правомерно ли ставить вопрос так — Гете и Абай? Какое значение придается здесь соединительному союзу “и?” Не субъективизм ли это? Не произвол, не причуда ли? Не притянута ли это, как выражаются немцы, насильно за волосы?

Ну, конечно, оба — и Гете, и Абай — великие поэты. Национальные гении. Олицетворение народа и эпохи. Только достаточно ли это для того, чтобы говорить о них

в едином контексте? Это в фантастике все возможно. Это в современной литературе сплошь и рядом происходят чудодейственные смещения во времени и пространстве. Даже термин такой существует — диахрония, то есть, совмещение разновременных пластов. Вот, к примеру, в известной новелле Анны Зегерс “Встреча в пути” по воле автора встречаются и живо беседуют в пражском кафе Гоголь, Гофман и Кафка. Они ведь тоже родственные души, хоть и жили в разных странах и разное время. И великолепно понимают друг друга.

Но, понятно, то художественный вымысел, литературный прием. Художник волен вообразить и описать подобную встречу и между Гете и Абаем: великим поэтам наверняка было бы о чем поговорить по душам, так как схожего в их судьбе и творчестве ничуть не меньше, чем у тех названных, выше знаменитых писателей из новеллы Зегерс. Ничего фантастического в том не было бы. Сказано же: поэт поэту — кунак. И велик соблазн заставить их встретиться, скажем, на вершине Кикельхан или у подножья Чингисских гор. Вообразить такую встречу совсем не трудно.

Однако мы в данном случае твердо стоим на платформе реальности и намерены говорить о гармонии духа, о целостном восприятии поэзии, о переключке муз, то есть, не об идеальном и мифическом, а о конкретном и реальном.

При одном только имени Гете у нас моментально возникает богатейший, причудливый ассоциативный ряд. Тотчас вспыхивают в нашем воображении ярчайшие знаки, символы, характеризующие время и место. И — самого поэта. “Величайший немец”, “колоссально велик” (Фридрих Энгельс). Олимпиец. Европа на стыке эпох. “Буря и натиск”. Блестящая плеяда немецких ученых, поэтов, философов. Веймар. Фридрих Шиллер. Титанический разнообразный творческий труд. “Фауст”. Человек-титан. Властитель дум. Конечный вывод мудрости земной: “Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой”... Бесконечные прижизненные многотомные издания трудов и переводы на большинство языков мира.

Ассоциативный ряд, возникающий при таком же коротком, звучном имени Абай, внешне значительно бледней, блеклей. Степь, бескрайняя, неоглядная. Топот копыт. Глухое бормотание домбры. Межродовые интриги и схватки. Яростная барымта. Народные песни, сказы, дастаны, киссы — неиссякаемый источник образного, метафорического, “красного” слова. Патриархальный уклад жизни. Мотив ранней усталости: “Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон”. Вопрошающее отчаяние, крик души: “Где он человек, способный внять слову?!” И первое издание небольшого сборничка стихотворений пять лет спустя после смерти...

Разные эпохи. Разная историко-культурная среда. Разный социальный уклад. Разный исторический опыт.

Разный уровень цивилизации.

Все разное.

Когда Гете умер в преклонном возрасте и в могуществе славы, всемирно признанный, всенародно почитаемый, облаканный всеми музами, Абай еще не родился — это произошло лишь в 1845 году. Современники Гете — это Бухар-жырау Калкаман-улы, мудрый сказитель, смело поучавший самого грозного Аблай-хана, и Кулекеулы, прозванный Шалом-акыном. Дулат, Шортанбай, мятежный воитель Махамбет Утемисов могли бы — при фантастическом стечении обстоятельств — увидеть лишь престарелого Гете. Сверстником Гете был Иргизбай, предводитель-батыр и влиятельный бий, — прадед Абая.

Такова временная дистанция.

Нужно еще учесть и то, что степень исследовательской освоенности Гете и Абая, конечно же, не равнозначна. Для русского (и тем более зарубежного) читателя Абай — миф, белое пятно. Неадекватные переводы породили явное несоответствие в восприятии Абая на казахском и русском языках. Абай пока что узник собственного национального языка.

Вспоминается в этой связи вздох отчаяния в одной из статей профессора Х. Х. Махмудова (“Простор”, № 5, 1972): “О, если бы несколько произведений Абая были переведены на абаевском уровне на русский или английский-

ский, французский, немецкий, польский и другие языки, то, безусловно, Абай Кунанбаев фактически занял бы свое место на пьедестале среди великих представителей поэзии Европы и всего мира!”

Я нашел вырезку этой статьи в папках покойного моего друга Медеубая Курманова, гетеведа, переводчика “Фауста” на казахский язык. На полях этой цитаты рукой Медеубая — как сокровенное желание — начертано:

“О, если бы!..”

Так, о чем речь? Где она, та магическая нить, связывающая Гете и Абая? Где она, та колдовская точка соприкосновения, позволяющая говорить о гармонии духа, о феноменальной общности способа мышления великих личностей?

Утверждаю: есть она, эта магическая нить духовной близости и единения гениев. Есть!

Поэт из “Театрального вступления” к “Фаусту” говорит:

Пусть мысль твоя, когда она созреет,
Предстанет нам законченно чиста.
Наружный блеск рассчитан на мгновенье,
А правда переходит в поколенья.

(пер. Б. Пастернака)

И Абай постоянно взывает к “человеку мыслящему, с огнем в груди” (“*көкірегінде оты бар ойлы адам*”), к вдумчивому слову, к взвешиванию его (“*әр сөзін бір ойлап, салмақтасаң*”), к слову доброму, золотому изнутри, серебряному снаружи (“*іші алтын, сырты күміс сөз жақсысы*”), тепло ласкающему сердце (“*жүрекке жылы тиіп*”).

Вот, если следуя советам Гете и Абая, вникнуть в глубинный смысл их слова, в его проникновенную суть (“Но будь неповторимо, Слово, ты старше нас, ты вечно ново”, — говорит Гете; “Словам впустую не верь, их суть продумай, измерь”, — сказано у Абая), лишенную внешнего блеска и сверка, мы можем постичь истину, которая переходит в поколенья, и именно на этом пути познания — через вдумчивое чтение великих поэтов, чтение умом и сердцем — мы в состоянии нащупать

философско-эстетическое сходство их творческих порывов и мотивов.

В этом смысле весьма существенна и на все времена актуальна глобальная, хочется мне сказать, тема — Гете и Абай.

Маркс в предисловии к “Капиталу” заметил: “Всякая нация может и должна учиться у других”. Глубоко верный этот постулат в равной степени относится и к Гете, и к Абаю. Оба жадно и целеустремленно учились у других и постоянно звали свой народ к овладению культурой человечества. Но мы не можем категорически утверждать, что Абай учился у Гете (или у немецкой литературы) конкретно тому-то и тому-то, и творчество его испытало благотворное влияние “величайшего немца” в каких-то определенных параметрах. О взаимовлиянии, взаимодействии, взаимопроникновении в непосредственном, прямом, утилитарном значении этих понятий в данном случае речи нет. Речь идет о значительно более глубоком и емком — о философско-эстетическом созвучии мировосприятия двух духовных гигантов.

Взаимосвязь культур и литератур в широком философском значении необычайно многолика. Она проявляется порою там, где ее и не подозревают. Вот, к примеру, академик В. М. Жирмунский установил сходство мотивов в шотландской балладе “Эдвард” и казахском эпосе “Козы-Корпеш — Баян-слу”. Не интересно ли? Или возьмем так называемый мотив неуязвимости у героев Зигфрида, Ахилла, Исфендиара (“Шах-намэ” Фирдоуси), Алпамыса, на который также обратил внимание В. М. Жирмунский. Или известный германист Н. Н. Вильмонт написал большую, оригинальную книгу “Достоевский и Шиллер”, в которой с удивительной проникновенностью раскрывает философские, эстетические, морально-этические, психологические, художественно-литературные параллели и перекличку в творчестве немецкого романтика и гения русской реалистической литературы. Более того, Н. Н. Вильмонт считает правомочной параллель Достоевский и Данте, ибо в “Преступлении и на-

казании” поднимается “дантовская тема” — тема разрушения и восстановления человеческой личности.

В той связи приходят на память весьма знаменательные примечания-комментарии музыковед А. В. Затаевича к творениям тех или иных казахских народных певцов-композиторов. В его уникальном сборнике “1000 песен казахского народа” (1925) нередко встречаются такие фразы, как: “прелестная, почти лознгриновская мелодия”, “тема в характере рубинштейновской мелодики”, “напоминает песню Баяна из “Руслана и Людмилы”, “похожа на песню варяжского гостя из оперы “Садко”, “бретонская песенка из “Сборника французских народных песен”, “в приводимой песне есть что-то от Мусоргского”, “заключение напоминает окончание думки Ионтека из “Гальки” Монюшки”, “великолепная кантилена, которой не постыдился бы и любой европейский композитор” и т. д. Стоит ли говорить о том, что казахские народные композиторы, о которых так проникновенно пишет А. В. Затаевич, и слыхом не слышали об упоминаемых здесь музыкальных произведениях. Однако духовная перекличка, созвучие налицо.

Вообще взаимосвязь между искусством самых различных народов существовала всегда. И впервые философски обоснованно открыл ее, кажется, Иоганн Готфрид Гердер.

Вот именно в таком ракурсе, в таком освещении считаю необходимым (и плодотворным) рассматривать тему “Тете и Абай”.

Известно, что еще Мухтар Ауэзов, непревзойденный знаток Абая, четко и точно определил генезис великого казахского поэта: устное казахское народное творчество, восточная поэзия и русская литература (а через нее — литература европейская). Последний в названном ряду источник Абая изучен литературоведческой наукой и поныне еще недостаточно, если не сказать — слабо. Я говорю о соотношении западно-европейской литературы и творчества Абая.

И тут в первую очередь властно напрашивается тема “Тете и Абай”.

Убежден: именно в этом направлении ожидают исследователя интересные наблюдения и открытия. И в теме “Гете-Абай” путь научного исследования предстоит долгий и основательный: как всякий путь познания он идет от простого сопоставления литературных фактов, от выявления явных и скрытых сходств, аналогов, созвучий тем, идей и мыслей, творческих озарений и сомнений, от констатации и анализа сходства и различия к широким историко-культурным выводам и обобщениям, к выявлению характерных закономерностей в масштабном объеме.

Примечательно еще вот что: тема “Гете и Абай” отнюдь не бесстрастна, не абстрактна и не академична, как может показаться с первого взгляда. Она живо волнует современного читателя. Меня, например, обрадовал и одновременно удивил читательский резонанс по поводу моих статей “Как говорит Фауст по-казахски?” (1983), “Больше внимания к дорогому наследию” и “Гете и Абай” (1985), опубликованные в “Қазақ әдебиеті”. Я получил немало пространных и интересных писем от читателей. Помню взволнованный, по-настоящему заинтересованный разговор после моего выступления на эту тему в Вечернем университете культуры в Алма-Ате. Ученые литературоведы делились своими наблюдениями и соображениями, а один из них — Есенгельды Жакупов — рассказал о том, как, неизменно подчеркивая во всех своих лекциях по абаеведению глубокую философичность поэзии Абая, Мухтар Ауэзов неоднократно говорил, что именно этим своим качеством Абай поразительно близок Гете. О том я слышал тогда впервые и очень обрадовался: наблюдение глубокое, проницательное. И приятно, что оно подкрепляется столь весомым авторитетом в лице Мухтара Омархановича Ауэзова.

Само собою ясно, что Иоганн Вольфганг Гете не мог знать Абая Кунанбаева. Но Гете проникся терпким запахом, острой чувственностью, яркой цветистой образностью и сочностью ориенталистской поэзии, знал многих великих поэтов Востока, почувствовал их чутким сердцем и душой

Поэта, о чем свидетельствуют его проникновенные суждения и уникальный “Западно-Восточный диван” — поэтический гимн любви и красоте, катехизис жизнеутверждающей философии и гуманизма. Именно в “Западно-Восточном диване” нашло выражение гетевское кредо поэтического познания: “Кто хочет узнать поэта, да отправится в страну поэта”. И именно в той книге Гете прозвучал один из его основополагающих тезисов об единстве мира:

Gottes ist der Orient!
Gottes ist der Okzident!

Богом создан был Восток,
Запад так же создал Бог.

(пер. В. Левика)

Но знал ли Абай Гете? Если знал, то в какой мере? Можем ли мы на этот вопрос ответить утвердительно, если твердо знаем, что ни в поэзии Абая, ни в его “Гаклиях”, ни в редких и куцых воспоминаниях его современников имя Гете нигде ни разу не упоминается?

И тем не менее существует немало оснований для утверждения того, что Абай знал Гете — знал по многочисленным переводам на русский язык, по цитатам в бесчисленных журнальных статьях о Гете, из работ русских критиков, из бесед со ссыльными, опальными друзьями.

Известно, что Абай пристально изучал Пушкина, Тургенева, Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Некрасова. В творчестве, в литературно-критических трудах этих писателей Гете присутствует неизменно. Его цитируют, на него ссылаются, его пропагандируют, с ним спорят, им восторгаются, его низводят. Непросто даже подсчитать, сколько раз упоминается имя Гете в произведениях перечисленных выше писателей.

Не мог Абай пройти мимо этого имени. Увлекался Абай социологией, историей, статистикой, культуро-просветительством, читал экономические труды. Читал произведения философов Платона, Спенсера, Спинозу. Это нашло отражение в его философско-этических этюдах — “Гаклиях”.

Племянник Абая, Какитай Искак-улы Кунанбаев (как известно, ему принадлежит некролог памяти поэта, опубликованный в “Семипалатинском листке” в 1905 году и предисловие к им же изданному в 1909 году в Петербурге первому сборнику стихов Абая — по сути дела первая биография поэта), свидетельствует, что Абай любил читать Спенсера, Опитена, позитивную философию Лунса (Льюис), Дрепера.

Джордж Кеннан, американский путешественник и журналист, утверждает: Абай читал труды Джеймса Милля, Генри Томаса Бокля, Дж. В. Дрепера, “сильно”, по его словам, интересовался английскими и западноевропейскими философами. “Когда мы дважды говорили о книге Дрепера “Из истории общественной мысли в Европе”, он обнаружил большое знание предмета”. Об этом же пишет в некрологе “Абай” (Ибрагим) Кунанбаев и Алихан Букейханов в “Записках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического Общества” (1907).

Тот же Джордж Кеннан в книге “Сибирь и ссылка” (1906) тепло описывает вечер в кругу молодых семипалатинских ссыльных, с некоторыми из которых Абай состоял в дружбе. По словам Кеннана, на том вечере упоминались и читались отрывки из произведений Шекспира, Милля, Спенсера, Бокля, Бальфура, Стюарта, Гейне, Гегеля, Ланге, Ирвинга, Купера, Лонгфелло, Брет-Гарта и Гарриэт Бичер-Стоу¹. Можно предполагать, что и круг чтения Абая был довольно широк, разнообразен и серьезен. И хотя историки и литературоведы еще не полностью его определили, но и творчество поэта, и кое-какие воспоминания современников и потомков его позволяют говорить о правомерности такого утверждения. Начитанность степняка Абая (Какитай называет его самородком, а Алихан Букейханов вторит ему: “Абай был самородок, вынесенный судьбою в безвременье его родины”), вообще удивляет. В его “Таклиях” встречаются имена Гомера, Сократа, Софокла,

¹ См. М. Мырзахметов, Абай жүрген ізбенен, Алматы, “Қазақстан”, 1985, 148 бет.

Аристодима, Зевескиса, Жанны д'Арк ("Иоанна Арк"), Бабура и многих других. На научные источники, которыми, несомненно, пользовался Абай, указывает Бахыт Габдуллин в основательной статье "Абай и Сократ" ("Абай тағлымы", Алматы, Жазушы, 1986). А среди переводов Абая на казахский язык встречаются, помимо любимых им Пушкина, Лермонтова, Крылова, по одному стихотворению Гете, Мицкевича, Байрона, И. Бунина, А. Дельвига, Я. Полонского, Ф. Шиллера и — как недавно выяснилось — Надсона.

Начитанностью, образованностью, разносторонними интересами отличался и старший брат Абая (по отцу) — русский офицер Халилolla Ускенбаев. Любопытные сведения о нем приводит Г. Н. Потанин в своих воспоминаниях "В юрте последнего киргизского царевича": "Мне рассказывали об одном киргизском султane (уже умершем Уськенбаеве, который кончил курс в Омском кадетском корпусе и потом жил на родине в степи около Семипалатинска), что он любил вечерами рассказывать своим землякам содержание русских повестей и романов, и киргизы с таким интересом его слушали, что просили его записать свои рассказы; таким образом, получились тетради, написанные по-киргизски и содержащие в себе вольный перевод произведения Тургенева, Лермонтова, Толстого и др. Иногда во время этих литературных вечеров в юрте киргизы пускались в суждения, и тогда, как рассказывал очевидец, можно было слышать, как Уськенбаев пользовался русскими авторитетами: "Послушайте, а вот что об этом говорит известный русский критик Белинский", или "Вот какого мнения об этом был русский критик Добролюбов"¹.

Ценное свидетельство, имеющее прямое отношение к теме нашего разговора.

Все эти в общем-то известные факты я здесь повторяю с единственной целью внушить читателю мысль о том, что столь широко начитанный, любознательный Абай просто-напросто не мог не знать Гете. В какой степени — это уже другой вопрос.

¹ Русское богатство, 1896, № 8, стр. 83.

30-40-ые годы XIX века были апогеем интереса к Гете в русской журналистике. Это роковой промежуток времени — годы смерти великих поэтов: Гете (1832), Пушкина (1837), Лермонтова (1841). Но и позже Гете оставался очень популярным в русской литературе. Им сильно увлекались славянофилы — Шевырев, Киреевский, А. Григорьев, К. Аксаков и их будущие идейные противники, “западники” — Белинский, Станкевич, Грановский, Герцен, Бакунин, Тургенев и другие. Все русские литературные журналы XIX века были насыщены переводами из Гете. Они неизменно и обильно печатались в “Современнике”, в “Отечественных записках”, в “Москвитяне”, в “Сыне Отечества”, “Русской мысли”, “Вестнике Европы”, “Пчеле” и т. д.

Духовная зрелость Абая падает на 80-90-ые годы прошлого столетия. В эти годы он особенно увлеченно переводит Пушкина, Лермонтова, Крылова. И именно в эти годы в русских журналах печатаются автобиография и сочинения Гете, многочисленные рецензии на переводы Губера, Струговщикова, Вронченко, Вейнберга, Фета и других. В эти годы выходят собрания сочинений Гете. Даже “Разговоры Гете, собранные Эккерманом” выходят отдельным изданием в 1891 году в переводе Д. П. Аверкиева.

Можно ли предположить, что этот огромный поток литературы о Гете всецело прошел мимо сознания вдумчивого и любознательного читателя Семипалатинской городской библиотеки имени Гоголя — Абая Кунанбаева?

Вряд ли...

В числе друзей Абая были и “русские” немцы — Е.П.Михаэлис и А. Л. Блек. Известно, что Михаэлис очутился в Семипалатинском краю в 1869 г., потом жил и служил в соседнем Усть-Каменогорске до 1908 года. Умер 2 декабря 1913 года. С Абаем он познакомился в Семипалатинской городской библиотеке, когда тот спрашивал сочинения Толстого. Евгений Петрович Михаэлис был незаурядной личностью. Сын дворянина Шлиссельбургского уезда, он активно участвовал в революционном движении, был натурой активной, занимался наукой, исследованиями, переписывался с Менделеевым, Семеновым-Тянь-Шаньским, Обручевым. С Михаэлисом Абая связывала близкая, искренняя

человеческая дружба в течение двадцати лет. “Мои глаза на мир открыл Михаэлис”, — признавался Абай.

Александр Львович Блек, уроженец Саратова, студент юридического факультета Петербургского университета, народоволец, высланный на пять лет, находился в ссылке в Семипалатинске в 1883-1884 годах, работал в Статистическом комитете, в который чуть позже членом был избран и Абай, организовал музей и библиотеку. Трудно как-то допустить, что, встречаясь с Абаем, Михаэлис и Блек не упоминали имени Гете. Тут нелишне иметь в виду, что Блек, по свидетельству Дж. Кеннана, говорил по-французки, по-немецки, читал по-английски, имел тщательно подобранную библиотеку, находился в контакте с московским “Обществом переводчиков и издателей”, и ему, надо полагать, было о чем говорить с переводчиком русской поэзии на казахский язык. В ссылке А. Блек перевел на русский язык книгу Ф. Ланге “Рабочее движение. Его значение в настоящем и будущем”.

Трудно предположить также, что Абай, поклонник и переводчик Пушкина, не обратил внимания на “Сцену из Фауста”, на знаменательный диалог Мефистофеля и Фауста на берегу моря. Или что Абай не знал известных слов Пушкина о творении Гете: “...но “Фауст” есть величайшее создание поэтического духа; он служит представителем новейшей поэзии, точно как “Илиада” служит памятником классической древности”.

Наконец, Абай блестяще переложил “Ночную песнь странника” Гете через лермонтовские “Горные вершины” — “Қараңғы түнде тау қалғып...” А ведь и в журнале “Отечественные записки”, и во всех сборниках стихов Лермонтова стихотворение называется “Из Гете”. Следовательно, Абай не мог не знать, кому принадлежит оригинал прекрасной миниатюры. Это уже совершенно определено.

Что касается того, что имени Гете нет в стихах и прозе Абая... Что ж... мало ли чьих имен нет? Вот и четверостишие “Кең жайлау — жалғыз бесік жас балаға” является переложением “Дитя в люльке” Фридриха Шиллера, но Абай имени Шиллера нигде не упоминает. Или: “Көңілім менің қараңғы, бол, бол, ақын!” корнями уходит к Байрону. Лермонтов указывал источники, а Абай и

Байрона не называет. Очевидно, что и “Опыты” Монтеня были известны Абаю, но и имени французского философа-эссеиста в произведениях Абая не встретите.

То же самое и с Гете.

Абай вообще неохотно цитировал. Он многое переосмысливал по-своему, соответственно своему миропониманию, излагал свои мысли весьма своеобразно, поэтически и афористически, на казахский лад, на доступном для своих читателей — большей частью слушателей — языке. Иначе говоря, тяготел к соразмышлению правде мыслей своего времени. Даже ту или иную мудрую сентенцию он как бы транспонировал по-своему, расширяя границы национального духа, приравнивал как бы к общественно-социальным условиям Степи.

Правда, иногда он делал ссылку, вроде:

В назиданье потомкам
Мудрец ученый Дауани —
Так изрек, правдивец.

И литературоведы установили, что под именем ученого Дауани подразумевается Мухаммед ибн Асхад (Жалледдин) аль-Дауани.

Но подобные ссылки на источник встречаются у Абая нечасто.

Известно, что Мухтар Ауэзов основательно изучал так называемый круг чтения Абая, указывая на многочисленные первоисточники, нашедшие в каком-либо виде — в пересказе в открытых и скрытых ссылках, в прямой или косвенной цитации, в своеобразном творческом переложении, в созвучиях и перекличках — отражение в, его поэзии и философской прозе. Понятно, что это сложно и кропотливо — определить по каким-либо мыслям, высказываниям, как бы вскользь оброненным словам и фразам, этическим и философским категориям и дефинициям (“вроде как “якини иман” — вера сознательная и “иман таклиди” — вера слепая, три вида выражения любви, нравственная личность, душа (“я”) и плоть (“мое”), конкретность и абстрактность, “сила притягательная однородного”, “впечатлительность сердца” и т. д.) те художественные произведения и ученые трактаты древних

поэтов и мудрецов, которые совершенно очевидно привлекли пристальное внимание Абая (как, например,истики средневековья Ибн аль-Асир, Рашид-ад-дин, Мухаммед Гайдар, сборники Ахмета Яссави, Суфы Аллаяра и Сулеймена Бақыргани, поэтические творения Хафиза, Низами, Саади, Руми, Джами, многочисленные энциклопедии и словари). В четырехтомной эпопее “Путь Абая” мы находим множество упоминаний славных имен и произведений, составляющих круг чтения великого поэта. И мы знаем, что ни одно имя, ни одно произведение не употреблено Мухтаром Ауэзовым всуе. В третьей книге “Пути Абая” сказано: “Абай, накиннув на плечи тонкий чапан и надев легкую козью шапку, взял очки (теперь он уже не мог читать без них) и протянул руку к стопке книг, лежавших у постели. Там, рядом со всегдашними его спутниками — Пушкиным и Лермонтовым, — нынче появились Байрон и Гете в русском переводе”.

Деталь знаменательная, важная.

Нет, я ничуть не сомневаюсь в том, что Абай имел определенное представление о Гете и его творчестве. На этом убеждении построено и данное эссе.

В моем очерке, вероятно, будет немало отступлений и разных побочных замечаний по поводу и без повода. Здесь считаю нужным сказать немного о теме продуктивности в художественном творчестве — об этом Гете говорил нередко и охотно.

Иной скептик может сказать: “Гете и Абай... Разве они сопоставимы? Разве эти личности конгениальны? Разве их творения соизмеримы? Труды Гете — это нечто неохватное, непостижимое для человеческого ума, не один десяток томов! А сколько написано Абаем? Стихи, переводы, философско-этические этюды, три дастана, исследование о происхождении казахов, вместе с комментариями едва-едва составляют два тома. Чего сравнивать-то? Что сопоставлять?!”

Ставить вопрос так — совершенно неверно. Во-первых, я и не сравниваю и не сопоставляю. Величайшие

горные вершины самобытны и значительны сами по себе. А во-вторых, духовное наследие, постижение истины никогда не поддавались количественному измерению. В своих размышлениях о поэзии, о Слове, о назначении искусства Абай неоднократно говорил об этом. Не буду приводить здесь примеры: о том речь пойдет еще впереди.

Читая Абая, все время испытываешь необычайный простор мыслей, ширь дыхания. Иная строка — отточенная философская формула, дающая повод для простран-ных и глубоких раздумий. Иная миниатюра заключает, в себе систему мировосприятия и миропонимания. И мне порою кажется, что Гете в строгом, плотно облегающем ладную фигуру фраке, при звезде на груди, при всем своем сановном величии все же иногда поэтически небрежен, раскован, позволяет себе разные вольности и милые шалости, а Абай в своем мешковатом верблюжьем чапане поразительно собран, опрятен, эстетически строг. Больше всего ему претят всякие трюизмы. “Не для забавы я слагаю стих”, — кредо Абая. Как утверждают казахские критики, слова у него подогнаны друг к другу так плотно, что и волосок между ними не пролезет. Вспомним здесь лишь одно стихотворение Абая:

Тоты құс түсті көбелек
Жаз сайларда гүлемек.
Бәйшешек солмақ, күйіремек,
Көбелек әлмек, сиремек.

Адамзатқа не керек:
Сүйімек, сезбек, кейіімек,
Харакет қылмақ, жүгірмек.
Ақылмен ойлап сөйлемек.

Әркімді заман сүйіремек,
Заманды қай жан билемек?
Заманға жаман күйлемек,
Замана оны илемек.

Мотыльки, чей светел наряд,
Вам, цветы, привет свой дарят.
Но спугнет гроза, сад примят —
И они назад не летят.

Любям всем дана, всем подряд,
Череда удач и утрат,
Что всегда сомненьем томят
И скорей ответа хотят.

Время гонит всех — и стар иль млад,
Бремя злых помех снять бы рад!
Жизнь — тоска и смех, блеск и чад,
Срок придет, и ты смертью взят.

(Пер. М. Петровых)

Я посчитал здесь нужным привести оригинал параллельно с переводом, ибо перевод при всех художественных достоинствах и формальной близости все же излишне конкретизирован и — как бы это сказать — низведен в бытовую плоскость, что ли, примитивизирован в своем общеполитическом значении. Последняя строфа, к примеру, в прозаическом пересказе означает: “Всех ведет на поводу эпоха; кому дано править Временем? Лишь ничтожество царит во времени, но время и его сомнет”.

Получается нечто другое, чем в переводе, не правда ли? Ведь “жизнь — тоска и смех, блеск и чад” — плоский трюизм, несвойственный Абая. Это, скорее всего, нечто надсоновское.

Или возьмем стихотворение “Когда умру, не стану ль я землей”. Всего двадцать восемь строк, а вместили они целую человеческую жизнь, полную невзгод, неравной борьбы, достоинства, трагической доли. Это исповедь “человека с загадкой”, как называет поэт себя, душевный, предельно честный и искренний разговор о себе с грядущими потомками. “Пожалей, потомок, того, кто скорбен был и одинок”, “Боролся с тьмой, как мог... Не обессудь!”, “Суди, но помни: пусть страшна вина — за грех один карать не нужно дважды, а я, живой, за все платил сполна”, — говорит Абай. Разбор этого стихотворения — а оно звучит торжественно и величественно, как “Завет” Гете, как “Памятник” Пушкина — занял бы много места: столько смысла и экспрессии в каждом слове. Каждый философский этюд из “Гаклии” — предельно сжатый, конспективный трактат, размышление о сугубо актуальных нравственных, социальных, общественных проблемах. В них поистине словам тесно, а мыслям просторно.

Такая манера письма вообще характерна для Абая. Он знал цену слова. Дорожил им. Писал предельно лапидарно, плотно. Выражался упруго, лаконично.

Вот несколько примеров:

“Самые прекрасные мысли тускнеют, пройдя через человеческие уста”.

“Сын, почитающий лишь своего отца, — недруг народу; сын народа — и твой друг”.

“Гнев без силы — вдовец; ученый без последователей — вдовец; любовь без верности — вдова”.

(Пер. С. Санбаева)

“Кричащий в гневе — смешон, молчащий в гневе — страшен”.

“Слава — высокая скала. И змея забирается на нее ползком, и сокол достигает ее единым взмахом крыла”. “Плохой друг — как тень: в солнечный день беги — не убежишь, в пасмурный день ищи — не сыщешь”.

(Пер. Л. Соболева)

Оригинал и того короче, энергичней. Поэтому, думаю, так много потерь при переводе Абая на русский язык: строка оригинала в “русскую” строку никак не вмещается. Абаевский стих многомерен и многозначен. Он даже подстрочному переводу не всегда поддается. К иной строке подбираешь десяток вариантов и пишешь пространный комментарий. В этом я имел возможность убедиться сам.

Это свойство абаевского слова верно подметил известный казахский писатель-прозаик Такен Алимкулов, написавший емкое, блистательное исследование об Абая под характерным названием “Человек-загадка” (на казахском языке). В моем понимании это одна из наиболее ярких работ в абаеведении. Так вот, рассуждая о стихотворении Абая “Когда умру, не стану ль я землей”, Алимкулов замечает: “Об этом стихотворении можно бы написать книжку. Но я на это не пойду. Потому что излишества в анализе разжижают тему. Это во-первых. А во-вторых, о каждом стихотворении Абая можно написать если не книжку, то по крайней мере специальную статью”. И далее исследователь приводит слова Мухтара Ауэзова: “Абай — полноводная река. Я черпал из нее лишь половником”¹.

В этих словах — и Ауэзова, и Алимкулова — нет преувеличения, нет восторженной гиперболы.

Именно это имел в виду и Гете, говоря о духовной продуктивности. В беседе с Эккерманом Гете сказал: “И

¹ Т. Әлімқұлов. “Жұмбақ жан... Алматы, Жазушы, 1978. 56 бет.

еще я должен добавить: не количество созданного или совершенного определяет продуктивность человека. Мы знаем поэтов, которые считаются весьма продуктивными потому, что том за томом выпускают в свет стихи. Но я бы без обиняков назвал их непродуктивными, поскольку сделанное ими лишено жизни и прочности”¹.

Вот он, критерий истинного таланта: то, что не лишено жизни и прочности.

О “прочной жизни в грядущих поколениях” Гете говорил и в своем рассуждении о Гюго (“Но если он уповает на прочную жизнь в грядущих поколениях, то ему следует подумать о том, чтобы меньше писать и больше трудиться”). Наследство Абая, вмещавшееся в два небольших тома, в полной мере и достойно отвечает этому критерию продуктивности: это доказало и доказывает время.

Определение продуктивный человек в понимании Гете созвучно слову гениальный. Рафаэль, Моцарт, Шекспир, по определению Гете, “носители высшей духовной продуктивности”. Крупный знаток Гете германист Н. Н. Вильмонт утверждает: “С понятием продуктивности для Гете неразрывно связана и проблема бессмертия. Бессмертие не дано, а задано человеку: чем продуктивнее человек, тем он бессмертнее”.

Логика этих рассуждений в прямой мере, думаю, касается и Абая — именно в плане духовной продуктивности, почти синонимичной бессмертию. Не то ли имел в виду и Абай, утверждавший:

Но можно ли того назвать умершим,
Кто миру дал бессмертные слова?

(Пер. Л. Озерова)

О Гете написано бесконечно много. Даже представить этот монблан гетеведческой литературы страшно: поневоле оробеешь. Немало написано и об Абая ученых исследований (литература о нем составляет более четырех тысяч наименований). Можно назвать ряд фундамен-

¹ И.П. Эккерман. “Разговоры с Гете..”, Москва, “Художественная литература..”, 1981. стр. 563

тальных трудов. И все же — мне, к примеру — кажется, что истинная, потаенная, загадочная глубина Абая (“Я человек с загадкой, подумай и о том”) все еще не во всем объеме раскрыта, не освоена, не постигнута.

Может, это и невозможно?

Ведь чтобы постичь Абая во всем его духовном могуществе и многообразии необходимо подняться на ту же вершину, на которой стоит он, а не взирать на его величественную фигуру издалека с высоты ничтожных кочек. Но кому дано подняться на вершину Абая?

Абай неизмеримо глубже, чем это мы в состоянии пока понять и осмыслить. Как явление, как Личность он даже глубже собственного творчества. Это не парадокс. Многогранное творчество Гете — тоже еще не весь Гете. Хорошо это подметил чуткий и мудрый Джамбул.

В 1940 году во время чествования 95-летия со дня рождения Абая старый акын, долго всматриваясь в его портрет на сцене, сказал:

Терен ойдың түбінде теңізі бар,
Тесіле кеп қарасаң көңіл ұғар.
Сол теренге сүйсініп жан үңілмей,
Есіл сабаз ызамен өткен шығар!

Приведу подстрочный перевод:

На дне глубоких дум его — море,
Лишь зоркий взгляд души может его постичь.
Никто, видать, в ту глубь не заглянул с любовью,
Муж великий ушел из жизни с гневом-скорбью.

Какая точная, проникновенная догадка! Какая убедительная характеристика!

Стихотворение это называется “К портрету Абая”. В первой строфе стихотворения есть еще такие слова:

Ақыл, қайрат, білімді тең ұстаған
Өр Абайдың төтеген кім бетіне?

Умом, энергией, знаньем в равной мере наделенному
Кто смеет Абаю гордому перечить?

(подстрочный перевод)

Мне тотчас вспомнилось стихотворение В. А. Жуковского — “К портрету Гете”.

Свободу смелую приняв себе в закон,
Всезрящей мыслию над миром он носился.
И в мире все постигнул он —
И ничему не покорился.

Почти то же и весьма схожими словами выразил и поэт Боратынский в стихотворении-отклике на смерть Гете:

Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельно нашел он предел.

Не любопытно разве, что Жуковский, обращаясь к портрету Гете, а Джамбул — к портрету Абая, увидели почти одно и то же, или — по крайней мере — нечто весьма схожее? Разве трудно заметить параллель в таких строках, как “в мире все постигнул он” и “умом, энергией, знаньем в равной мере наделенный”; “всезрящей мыслию над миром он носился” (или, как у Боратынского, “крылатою мыслью он мир облетел”) и “на дне глубоких дум его — море”; “и ничему не покорился” и “кто смел Абаю гордому перечить?”

Мне это кажется тоже примечательным.

Не говорит ли и это о том самом магическом родстве разноязычного поэтического духа?

Все это, думается мне, очевидно перекликается с гетевской теорией духовной продуктивности гения. Высшая духовная продуктивность была уделом, счастливым даром, гордой судьбой великого степняка Абая.

Обратим внимание на генезис Гете и Абая. И здесь мы обнаружим немало сходства и созвучия.

Гении не случайно ведь приходят в этот мир. Сама природа заботится о прогрессе человеческого духа. Помните: общество нуждалось в титанах, и оно породило титанов? Белинский заметил в “Сочинениях Александра Пушкина”: “Создает человека природа, но развивает и образует его общество”.

Гете родился в 1749 году в захолустной, отсталой, усталой от бесконечных войн и княжеских междоусобиц Германии. Мы знаем, какую резкую, убийственную характеристику дал Ф. Энгельс феодальной Германии того времени. Приведу лишь одну фразу: "...одна отвратительная гниющая и разлагающая масса".

Молодой Гете испытывает острое недовольство убогой германской действительностью; он люто ненавидит немецкое мещанство, выражает протест против общественных порядков; в период "Бури и натиска" обращается к легендам, к натурам сильным и дерзким, презиравшим условности прогнившего общества; ничтожество среды угнетает, удручает его. Этим объясняется его бегство в Италию. Увлечение древнегреческими мифами, историей, искусством, классицизмом. Увлечение латинской поэзией. Душно ему в Германии, раздробленной на сотни княжеств и карликовых государств. Невыносимо до отчаяния. Он ищет и пытается найти, подавляя активность собственной природы, забвения в "иннерлихкайт" — в особой созерцательности душевного строя, в "задушевности", в уходе, в бегстве от грубой реальности в зыбкие глубины собственной души.

Тщетные поиски. Напрасные надежды.

Абай родился почти сто лет спустя в патриархально-феодальной степи. Вековая отсталость. Духовная изоляция. Колониализм. Мотивы скорби — "зар заман". Мусульманская книжность. Проблески, ростки русской демократической культуры. Из конца в конец просторной и величавой степи бредут-плывут богатые и бедные кочевья. Смутная тревога томит чуткого, любознательного и впечатлительного мальчика Ибрагима. Куда ему бежать? В Семипалатинское духовное училище-медресе? Чем утешить и утишить душевную смуту?

Физули, Шамси, Сайхали,
Навои, Са'ди, Фирдоуси,
Хожа Хафиз — бу амаси
Мәдет бер я шагири фәрияд.

Физули, Шамси, Сайхали,
Навои, Саади, Фирдоуси,
Ходжа Хафиз — все вы
Помогите моему стремлению.

(подстрочный перевод)

Ни молодой Гете, ни юный Абай еще не догадываются о своем предназначении. Души их формируются в муках. Один пишет стихи с восьми лет, другой — с четырнадцати.

“Отец Гете был имперским советником города Франкфурта и принадлежал к тамошней достаточной буржуазии. Это был человек спокойный, методический, благо-разумный, рассудительный, расчетливый и вместе с тем настоящий бюргер-формалист, — выразитель типа, довольно распространенного в Германии”, — говорится в книге А. Шахова “Гете и его время”¹.

Вчитаемся в эту характеристику, обратим внимание на ряд определений, характеризующих отца Гете, и тут же вспомним степного султана Кунанбая, отца Абая, там, в урочище Жидебай, у подножья Чингисских гор. Вспомним эту колоритную личность, крупного, властного феодала по описаниям Ауэзова в его блистательной эпопее и отметим поневоле для себя, что многие из выше приведенных определений в значительной степени присущи и ему — своенравному, яростному султану-правителю. В выше упомянутом некрологе, написанном Алиханом Букейхановым, говорится: “Отец Абая Кунанбай имел огромное влияние и на киргиз чужих родов, что подтвердилось избранием Кунанбая в старшие султаны Каркаралинского округа, когда должность их была монополизирована родовитыми султанами. Кунанбай под конец жизни первым съездил в Мекку и, вернувшись оттуда, удалился от мирских дел, что еще больше сделало популярным имя Кунанбая”.

Отец Гете был требователен и строг к своим детям. Отличался он и упорством, разнообразными способностями и знаниями, яростностью и честолюбием, настойчивостью и целеустремленностью. Заурядным назвать его трудно.

А вот каким увидел Кунанбая Адольф Янушкевич в 1846 году:

“Кунанбай — это ну просто машина для говорения, часы, которые только тогда не идут, когда не заведены.

¹ С.-Петербург, издание III, 1908, стр. 33.

Как только проснется, пускает в ход свой язык и говорит неустанно, пока не заснет. Каждую минуту приходят к нему киргизы за советом, а он, как оракул, который вещает со своего треножника, часто подперев бока руками; на каждый три слова цитата из шарии, а память у него такая удивительная, что все указы и распоряжения правительства приводит, будто по книжке читает”¹.

Мать Гете, Катарина Элизабет Текстор, по свидетельству современников, отличалась умом, доброжелательностью, жизнерадостностью. Гете, старший ее сын, считал, что поэтическое воображение он унаследовал от матери. У него есть стихотворение “К моей матери”, пронизанное чувством глубокого почитания и трогательной любви. По словам самого Гете, от матери он унаследовал также веселость, общительность и фантазию.

Мать Абая, Улжан, была степенной, мудрой, всеми уважаемой женщиной. С нею считался и феодал до мозга костей Кунанбай. Одна из лучших сцен эпопеи “Путь Абая”— диалог между Улжан и Кунанбаем, отправляющимся совершать хадж, паломничество, в Мекку. Какое достоинство и самообладание! Какое благородство! Улжан одаривала любимого сына Ибрагима, названного ею ласково Абаям, душевной щедростью и чуткостью. Абай не жаловался на детство. “От отца нас шестеро, от матери— четверо, одиноким быть нет причин”, — говорит он в “Восьмистишиях”. Алихан Букейханов пишет: “Мать Абая Улжан происходила из поколения знаменитого в роде Бошан бия Бертыса, подобно Иргизбаю, приведшего киргиз рода Каракесек в Каркаралинский уезд: в горы Куу, Эдрей, Мыржык. Популярнейшие в Киргизской степи братья юмористы Контай и Тонтай приходились Улжан, матери Абая, родными дядями”.

Гете никогда не знал нужды, не испытывал голода, не знал страха из-за хлеба насущного, жил в довольстве, можно сказать, даже в роскоши, хотя она никогда не была для него самоцелью и относился он к ней довольно спокойно, отрешенно, а то и безразлично.

1 А. Янушкевич. “Дневники и письма из путешествия по казахским степям... “Казахстан...”, 1966, стр. 184.

Не знал нужды и Абай, жил в достатке, вполне обеспеченно, безмятежно в традиционном понимании непритязательного степняка, владел табунами и отарами, жил в богатой белой юрте, о хлебе насущном не заботился, хотя прекрасно понимал, чувствовал истинную бедность и беспросветную нужду бесправных соплеменников и реалистически выразил свое понимание, сочувствие и сопереживание в своем творчестве.

Имперский советник города Франкфурта видел в мечтах своего сына совсем не тем, кем он стал впоследствии. По его настоятельному желанию весной 1772 года Гете отправляется в Вецлар для ознакомления с юридической практикой при имперской судебной палате. Отец видел своего сына чиновником по судебному ведомству. На этой почве между отцом и сыном нередко происходили трения, "...с отцом я не сумел наладить добрых отношений...", — признавался позже Гете в "Из моей жизни. Поэзия и правда".

И степной султан Кунанбай уготовил для сына отнюдь не судьбу поэта. Он видел в нем своего достойного наследника, сподвижника, помощника в управлении черню, в меру образованного, знающего законы, искушенного в родовых тяжбах и интригах бия-златоуста. С этой целью отправил он двенадцатилетнего сына в далекий степной городишко Семей, в мусульманское духовное училище.

Но молодой Гете не испытывал никакого расположения к занятиям в имперской судебной палате. В Вецларе он усиленно занимался изучением поэтов. "Мысленно я уже отбросил занятия юриспруденцией и посвятил себя языкам, древности, истории и всему, что из этого вытекало. Правда, величайшую радость мне неизменно доставляло поэтическое воплощение того, что я подмечал в себе, в других и в природе", — вспоминал Гете.

И Абая не привлекало изучение религиозной схоластики. Известно, что тайно от мулл в медресе он посещает и русскую приходскую школу, осваивает русскую грамматику, в нем просыпается жадная тяга к знаниям, к поэтическому слову.

Недолго пробыл Гете в Вецларе.

Всего три года проучился в Семипалатинске Абай.

Рано научилась трудиться душа Гете. Поэтическое озарение осенило его в совсем юном возрасте. Вся долгая жизнь была до предела наполнена нечеловеческим напряжением воли, духа, постоянным тяжким трудом. Гете признавался: “Я всегда лишь терзался, но не ведал истинных наслаждений”. А его считали счастливчиком, баловнем судьбы.

Никто не мог упрекнуть сына могущественного феодала в инфантильности, не был он фрондерствующим мурзой, степным щеголем, разъезжающим по аулам в поисках утех. Душевная возмужалость пришла к нему рано. Честь рода налагала огромную гражданскую, человеческую ответственность. Юноша обладал чутким, ранимым сердцем, обостренной совестью, тревожным мышлением. Тем, что мы называем трагедией души. По утверждению его племянника Какитая, Абай уже в пятнадцатилетнем возрасте смело вмешивался в родовые тяжбы, как равный спорил с многоопытными биями, овладел навыками и приемами шешена-оратора, пользовался большим весом среди простого люда и теми, кто управлял им. Благополучие, безмятежность, сытость — это только в представлении невежественного обывателя. Сорокалетний Абай жалуется на одиночество, на усталость, на отсутствие друзей, на душевное смятение и муки. А его считают баем, владельцем табунов, у которого ни забот, ни горяшка.

“Меня всегда называли баловнем судьбы, — признавался как-то Гете Эккерману. — Я и не собираюсь брюзжать по поводу своей участи или сетовать на жизнь. Но, по существу, вся она — усилия и тяжкий труд, и я смело могу сказать, что за семьдесят пять лет не было у меня месяца, прожитого в свое удовольствие. Вечно я ворочал камень, который так и не лег на место”. В глубокой старости Гете как-то сказал, что за всю свою длинную жизнь он, в общем счете, был счастлив не более пятнадцати минут”.

Вот вам счастливчик и баловень судьбы!

Эту же мысль Гете выразил в стихотворении “Элегия” (1823):

Богов любимцем был я с детских лет
Мне был ларец Пандоры предназначен,
Где много благ, стократно больше бед.

(пер. В. Левака)

Ларец Пандоры был с юных лет уготован и Абаю.
Сколько подобных горестных признаний у него! Он говорит:

Мое довольство — призрачно оно.

Или:

...скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распален.
Мыслью не с кем поделиться.

Или:

Измучен, обманут я всеми вокруг.
Меня предавали и недруг, и друг.

Или:

Нет жизни у меня в груди...

Или:

Жизнь моя коротка,
А цель далека,
И силы мои сочтены.

Или:

Велика семья,
Но не понят я,
И живу средь людей один.

Или:

Сердце мое — в сорока заплатах...

Или:

Я боролся один против тысяч...
И так далее, и тому подобное...
Вот вам и беспечный, безмятежный бай!

Примечательно и признание Гете о камне, “который так и не лег на место”. Не напоминает ли он абаявский утес, с которого он тщательно кричал каждый день.

Был все тот же утес подо мной —
Отклик есть, но отклик пустой.

Разве не об одном и том же говорят здесь Гете и Абай?.. Разве не о душевном терзании, страдании здесь идет речь? О том самом страдании, которое, по Гегелю, составляет привилегию высших натур: “Чем выше натура, тем больше несчастий испытывает она”.

“Олимпиец” Гете признается, что вся его жизнь — “усилия и тяжкий труд”. Обратим внимание на глаголы в “Гаклиях” Абая, которые он употребляет для характеристики своего жизненного пути. В первом же предложении “Первого слова” читаем: “боролись, сшибались, спорили, тягались — вдосталь изведали лиха”; в следующем предложении: “обессилел, устал душой”. Через несколько абзацев: “Ни в душе, ни в жизни твоей нет покоя”. В “Третьем слове” опять: “враждовали”, “ссорились”, “разбились на партии”, “дрались за власть”. И вопросы, вопросы, извечные “проклятые” вопросы бытия: как жить? как быть? что делать? Я посчитал: в “Первом слове” одиннадцать вопросительных предложений, в “Десятом слове” — двадцать восемь, в “Двадцать третьем слове” — двадцать четыре, в “Сороковом слове” — сорок четыре и т. д. Поистине сомнения терзают Абая. Он постоянно вопрошает. Тревожит, будоражит душу себе и другим, словно выполняет наказ господина Мефистофеля из “Фауста”:

Из лени человек впадает в спячку.
Ступай, расшевели его застой,
Вертись пред ним, томи и беспокой,
И раздражай его своей горячкой.

(пер. Б. Пастернака)

Гете поначалу пишет стихи явно подражательные, под литературную моду, в стиле рококо. Он не печатает их, не афиширует; они долгое время оставались в альбомах

друзей, в рукописных сборниках. Собрал он их позже, когда уверовал в свои силы. Гете вспоминал в “Поэзии и правде”: “...во мне вновь возродилась давно уже не испытанная потребность в стихотворчестве. Я сочинил для Фридрики множество песен на знакомые мотивы. Они составили бы объемистый томик; сохранились из них лишь немногие, и их нетрудно найти среди других моих стихотворений”.

Ранние, дошедшие до нас стихи Абая тоже подражательные, с явным налетом мусульманской книжности, густо пересыпанные арабизмами, фарсизмами, чагатаизмами. Он их приписывал другим, до сорокалетнего возраста скрывал свое авторство, пока не почувствовал свою зрелость и поэтическую гражданскую значимость.

Юность прошла, промелькнула. И для Гете, и для Абая начинается характерный этап настойчивых поисков гармонической целостности через искусство, через Слово, через Поэзию, способные успокоить, утишить душевную смуту, преодолеть убожество действительности путем эстетического воспитания, путем воздействия на толпу, на среду силой и магией высокого, одухотворенного художественного слова. Слову поэта, связанному с реальной жизнью, придается первостепенное значение.

“Все мои стихотворения — стихотворения “на случай”, они навеяны жизнью и в ней же коренятся. Стихотворения, взятые, что называется, с потолка, я в грош не ставлю”, — говорит Гете.

О жизненной основе своей поэзии говорит и Абай:

Поэзия — властитель языка.

Из камня чудо высекает гений.

(пер. В. Звягинцевой)

Или:

Не для забавы я слагаю стих,

Не выдумками наполняю стих.

(пер. Д. Бродского)

(Нечто похожее встречаем у Гете: “Я пишу не для того, чтоб вам понравиться, вы должны чему-то научиться!”).

Но ни Гете, ни Абай не находят искомой гармонической целостности в той среде, в которой они жили. Часто, слишком часто настигало их разочарование.

С пути сбиваясь, я дружил с толпою,
Тебя познав, стою я, одиноч!

скорбно говорит Гете в своем “Посвящении” написанном в 1784 году.

Сто лет спустя Абай ему вторил:

Как могила шамана, я
Одиноч — вся правда моя!

(пер. Л. Озерова)

“И, наконец, что такое жизнь немецкого ученого? Если для меня в ней и могло быть что-нибудь хорошее, то об этом не принято говорить, а то, о чем можно говорить, — не стоит труда. Да и где они, эти слушатели, которым хотелось бы рассказать?” — печально вопрошает Гете. Та же мысль звучит в его стихотворении “Раскрытие тайны”:

Но где тот блюститель слова,
Что Слова ценность постиг?

Не та ли интонация слышна в “Первом слове” Абая? “И терзает мысль: чему же посвятить остаток дней своих? Чем заняться?” И не тот ли самый риторический вопрос и почти в тех же выражениях, что у Гете, задает Себе Абай: “Найдется ли теперь человек, который внял бы моим словам?”

В стремлении упорядочить, гармонизировать свое окружение, в надежде улучшить общественный уклад, разуверившись в штюрмерском бунтарстве, в 1775 году Гете становится придворным и министром мелкого Саксен-Веймарского герцогства Карла Августа: руководит правительством карликового государства, занимается горнорудной промышленностью, строительством театра, увлекается естественными науками, искренне верит в просвещенный абсолютизм. Десять лет жизни провел Гете в качестве министра при Веймарском дворе, убеждаясь с

годами в своих бесплодных мечтах и наивности своих надежд.

Ровно сто лет спустя, в 1875 году, и Абай, уповая на просвещение народа и улучшении его жизни, добывается избрания себя волостным управителем Коныр-Кокше-Тобыктинской волости. Он ратует за справедливость в системе управления, заботится об общественном порядке в вверенной ему волости, об образовании соплеменников. Волостным управителем Абай пробыл лишь три года: роль чиновника колониальной власти и убеждения “чуткого ухом, сердцем и душой” поэта оказались, как гений и злодейство, “две вещи несовместные”.

В годы своей активной преобразовательной деятельности при Веймарском дворце Гете интересуется и уголовным правом, затевает борьбу против маклеров и перекупщиков земли, разрабатывает проект новой налоговой системы, облегчающей жизнь земледельца.

Известно, что и Абай принимал активное участие в усовершенствовании правового кодекса, бытовавшего в то время в степи. В 1885 году он участвовал в работе чрезвычайного съезда в Кара-Моле в числе представителей родов Среднего жуза и в проект нового положения (“Ереже”) внес весьма существенные “бапы” (то есть; пункты, статьи, параграфы), освобождающие вдов от жестокого и унижительного аменгерства, закрепляющие за ними право свободы в выборе супруга, а также вносящие более справедливый и гуманный порядок в вопросе наказания за воровство и угон скота.

Многие надежды рушатся, разбиваясь как волны о берег. Нередко человек приходит к тому же выводу, что и Вертер в своем прощальном письме: “*Alles in der Welt lauft doch auf eine Lumperei hinaus*”, то есть, “все в мире кончается вздором”. А это и есть то самое, что выражено в казахском афоризме: “*Аяғы дүниені ыры-жыры*”, то есть, “конец жизни — что лоскут изодранный”. Немецкое “Люмперай” поразительно созвучно в этом случае казахскому “*ыры-жыры*”.

Эту же вертеровскую мысль из романа Гете выразил и Абай:

То не жизнь позади, а несбывшийся сон!
Лучше б жил я, от светлой мечты отрешен.

Или:

Өмірдің алды ыстық, арты суық,
Алды — ойын, арт жағы мұңға жуық.

Начало жизни горячо, конец — холоден,
Игра — в начале, а в конце — к печали ближе.

(подстрочный перевод)

Общий казенный оптимизм не устраивает Абая. Верность идеалам вступает в противоречие с реальностью жизни, отсюда — разлад в душе, разочарование, пессимистический настрой в иных стихотворениях. При этом — искренняя горечь, настоящая боль, а не имитация, не упоение скорбью. Не мог Абай успокоиться на сделке, на компромиссе.

Гете олицетворял духовное единство своего народа.

За это же единство страстно ратовал и Абай.

Гете всегда сознавал себя национальным поэтом. Поэтом единой Германии. Он вообрал в себя все лучшее, что создала за многие века немецкая нация. И именно на это обстоятельство обратила внимание СЕПГ в своем Манифесте по случаю 200-летнего юбилея Гете в газете “Нойес Дойчланд” (от 23 марта 1949 года): “В раздробленной и разорванной на куски Германии Гете воплотил в себе единство немцев в области духовной жизни и языка... В значительной мере благодаря ему немецкая литература возвысилась до уровня развитых национальных литератур и вошла в сокровищницу мировой культуры”.

Тут уместно также вспомнить, что Гете первым выдвинул понятие “Вельтлитератур” — “мировая литература”.

И Абай никогда не ограничивал себя узкородовыми интересами. Неизменно осознавал себя национальным поэтом. Страстно и последовательно призывал казахов к единству. Едко высмеивал и разоблачал узколюбых родофилов и родофобов. И никогда не говорил лишь от имени “своих” тобыктинцев и только для тобыктинцев. Он

был устремлен к будущему и видел всегда весь казахский народ в совокупности, в единстве. Он говорил: “О, казахи мои...” Говорил: “Мой родной народ!” Признавался: “Народу отдал я любовь...” Сетовал:

Разрознен мой родной народ,
Расколот, разобшен.
“Мне жить спокойно не дает
Вражда со всех сторон.

(пер. П. Карабана)

Внушал, поучал:

Коль казах казаху не друг,
Будет жизнь постылой вкруг.

(пер. Л. Озерова)

Литературная и просветительская деятельность, активная гуманистическая и демократическая позиция в условиях феодально-патриархальных отношений были сродни мужеству. На эту сторону личности Абая обратил внимание Л. М. Леонов: “Нужно поистине обладать крылатым умом и орлиным зрением, чтобы на перекрестке исторических судеб не потеряться. Могучим голосом надо обладать, чтобы поведать своему народу о делах, видных с поднебесной высоты, и, наконец, редкостной смелостью обладать надо, чтобы возвысить этот голос в условиях, царивших здесь столетие назад... Таким был Абай Кунанбаев — человек-маяк своего народа”¹.

И то, что Гете и Абай, будучи подлинно национальными поэтами, поднялись на вершины всечеловеческого и общечеловеческого самосознания, также роднит их духовно.

Речь идет о генезисе Гете и Абая. Я выявляю некоторые схожести, очевидные параллели их внешней биографии. Точнее, общие мотивы их творческой судьбы.

Биографические параллели можно продолжить. Можно вспомнить, например, бесчисленно раз описанных и во всех

¹ Русские о казахской литературе, Алма-Ата, 1957, стр. 87-88

немецких литературных справочниках неизменно перечисляемых любимых женщин Гете, к которым он в разные годы воспылал страстью: Кетхен Шенкофф, Фридерике Брион, Лили Шенеман, Шарлотта фон Штейн, Кристиане Вульпиус, Минна Херцлиб, Марианна фон Виллемер, Ульрика фон Левецов.

Вспомним Дильду, Тогжан, Салтанат, Айгерим, Еркежан в судьбе Абая.

Вспомним, что у жизнелюбца Гете было и немало трагического в жизни, были духовные кризисы, были крутые перемены в сознании, были потери близких людей, увлечение мистикой. Ясно, что ларец Пандоры — вместилище бед, предназначенный поэту, был упомянут Гете не ради красного словца. “Кто ищет, вынужден блуждать”, — говорится в “Фаусте”.

В 1830 году умер в Италии единственный сын Гете — Август. Только титанический труд и воля спасли тогда от духовного краха. Он пишет своему другу композитору Цельтеру: “Самое удивительное и существенное в этом испытании то, что отныне я должен один и с еще большим трудом влачить на себе бремя. Одно лишь великое понятие — долг — может заставить нас устоять. Я стараюсь сохранить равновесие физическое, остальное образуется само. Тело должно, дух хочет — значит, человеку, который знает, что желаниям его предначертан неизбежный путь, долго раздумывать не приходится... Итак, через могилы, вперед...”

Все это многоликое горе — кризисы, потрясения, потеря близких, смерть любимых сыновей, отчаяние и скорбь — сполна изведal и Абай. В скорбные минуты с мольбой обращался он к всевышнему. В словах Абая: “Сердце мое из сорока заплат” нет преувеличения. “Тяжелым и тернистым был мой путь”, — признается Абай. Тяжким горем для Абая была смерть любимого сына Абдрахмана, воспитанника Михайловского артиллерийского училища в Петербурге, поручика артиллерии в Верном, где он и умер в 1895 году в возрасте двадцати семи лет. Горе потрясло Абая: он посвятил несколько стихотворений памяти сына. В одном из них Абай говорит о сыне:

Он был вестник нового дня,
Завершаю я прошлый век...
Тяжела утрата моя!
Больно!.. Старый я человек...

Горем сломлен я пополам.
Слезы горькие лью ручьем,
Будто кто меня по глазам
Что есть мочи хлестнул бичом.

(пер. Ю. Нейман)

Характерен и такой факт. Гете знал немало языков, говорил: “Кто не знает других языков, ничего не знает и о своем родном”, и многих великих поэтов читал в оригинале.

И Абай, кроме родного, знал русский, арабский, персидский, турецкий языки и читал в оригинале Пушкина, Лермонтова, Щедрина, Омара Хайяма, Хафиза, Рудаки. Гете занимался живописью. Абай сочинял музыку на свои стихи... Может, все это случайные совпадения? Наверняка случайные. Случайные в отношении к этой личной жизни, к конкретному индивидууму, но никак не случайные в отношении к той исторической миссии, уготованной судьбой или — скажем прозаичней — определенными социально-общественными обстоятельствами, духовной необходимостью, породившими Гете и Абая.

Именно в этих внешне, казалось бы, никак не мотивированных совпадениях и сходствах в судьбе двух титанов кроется их несомненное родство и человеческая близость.

Любимая мысль Томаса Манна: “Любые творческие силы должны служить высокой цели гуманизма, поискам истинной человечности — жизни, достойной Человека”.

В служении этой цели Гете и Абай величественно созвучны.

Сделаем еще одно отступление и поговорим о метрике и строфике в поэзии Гете и Абая.

Будем, однако, помнить, что немецкий и казахский языки — разноструктурны и разносистемны и что тоническое и силлабическое стихосложение — разные вещи.

Известна громадная заслуга Иоганна Вольфганга Гете в формировании и становлении нормированного немецкого литературного языка. По свидетельству специалистов-германистов процесс объединения национального литературного языка в начале XVIII века еще не был завершен. Требовались большие усилия, напряженные поиски, яростные споры и плодотворная творческая деятельность немецких языковедов, философов, литераторов в выработке приемлемого для всех немцев раздробленных государств и княжеств единого литературного языка, в преодолении диалектных особенностей, местных речений, провинциальных норм произношения и т. д. Выдающуюся роль в этом направлении сыграл всем своим многогранным творчеством Гете, хотя сам он до конца своей жизни сохранил характерные особенности франкфуртской речи, как Фридрих Шиллер — окраску швабского диалекта.

“Гете использовал все богатство рифм, возможных в немецком языке, испробовал все стихотворные размеры, разнообразил строфическое построение стихотворений. Все, на что способна поэзия на немецком языке, было воплощено Гете”, — констатирует известный исследователь Гете А. А. Аникст¹.

То же в равной степени в отношении к казахской поэзии можно сказать и об Абае.

Он является родоначальником новой казахской литературы и создателем литературного языка. Он тоже сознательно и настойчиво стремится к расширению смысловых и ритмико-мелодических возможностей казахского стиха, разнообразию строф, стихотворных строк, рифмы. Более того, мы можем вполне удовлетворительно говорить о введении Абаем элементов тонизации казахского силлабического стихосложения. Абаеведы давно подсчитали: около двух десятков новых форм ввел Абай в казахское стихосложение.

¹ Johann Wolfgang Goethe. Gedichte. Moskau. Progress. 1980

Гете тоже необычайно расширил границы форм немецкого стихосложения. В его “Римских элегиях” применена античная стихотворная метрика, в “Западно-Восточном диване” нетрудно выявить формы, метрику, стrophicу восточной поэзии.

Тема эта громоздкая. Чтобы конкретными примерами проиллюстрировать явное сходство и параллели в реформаторской деятельности Гете и Абая относительно — соответственно — немецкого и казахского стихосложения, необходимо оперировать большим количеством стихов на языках оригинала, что, понятно, создает, с одной стороны, определенную трудность и неудобство для восприятия, а с другой — уведет автора данного очерка далеко в сторону, образуя тем самым явный крен. Потому я здесь ограничусь лишь несколькими наблюдениями в этом вопросе.

Русскому читателю напомним, что наиболее распространенный размер казахского стихосложения — одиннадцатисложный традиционный стих с рифмовкой ААБА. Другая исконная форма — семи-восьмисложник с перекрестной рифмой АБАБ. Эта метрика уходит корнями в народно-поэтическую традицию. Эти формы стихосложения превалируют и в современной казахской поэзии, как наиболее соответствующие природе казахской (силлабической) версификации.

Тут, кстати, уместно заметить, что некоторые стиховеды склонны считать, будто семи-восьмисложник с перекрестной рифмой заимствован у русской поэзии. Это в корне неверно. Форма эта широко распространена в восточной поэзии, что убедительно доказано доктором филологии Мекемтасом Мырзахметовым (см. его статью в упомянутом мною сборнике “*Абай тағылымы*”).

Одиннадцатисложный традиционный стих и семи-восьмисложник с рифмой АБАБ или ААБА чаще всего встречаются и в поэзии Абая. Примеров приводить не буду: достаточно вспомнить стихи Абая или — на худой конец — заглянуть в его книги.

Казахскому читателю могу сказать, что рифма ААБА вообще не свойственна немецкому стихосложению (как,

впрочем, и русскому, за исключением переводной или стилизованной поэзии), и у Гете она не встречается. С другой стороны, в немецкой поэзии, в “книттельферзе” (раешный стих), в творчестве Гете сплошь и рядом встречаются двустишия с парной рифмой ААББВВ и т. д., что почти немыслимо в поэзии казахской, в частности, и в поэзии Абая — разве лишь как элемент первой половины традиционного одиннадцатисложника и заключительных стихов “Восьмистишия”.

Строфы с рифмой АБВБ — тоже нечастые гости в казахской поэзии. Но у Абая они есть. В обилии мы их находим у Гете. От примеров опять-таки воздержусь: они очевидны и легко доступны.

Ввел Абай в обиход казахского стихосложения и шестисложник с перекрестной рифмой. Тут пример, пожалуй, уместен.

Қызарып, сұрланып,
Лүпідеп жүрегі,
Өзгеден ұрланып,
Өзді-өзі керегі.

И краснеть, и бледнеть,
Сердцем дробь отбивать,
На других не глядеть,
Друг о друге вздыхать.

(пер. М. Тарловского)

Или:

Ысытқан, суытқан
Бойынды бір көңіл.
Дүниені ұмытқан
Құмарың тозар, біл.

Холод, жар... молод, стар, —
Каждый знал страсти власть.
Но, родник дивных чар,
Без следа сгинет страсть

(пер. М. Петровых)

Похожий размер не был чужд и Гете.

Tage der Wonne
Kommt ihr so bald?
Schenkt mir die Sonne
Hügel und Wald?

(“Frühzeitiger Frühling”)

Поиски новых стихотворных форм и у Гете, и у Абая преследовали в определенной степени и обогащение музыкальности стихотворения. Гете написал ряд стихотворений в народно-поэтическом духе, который всей своей поэтической структурой напрашивался на музыкальное оформление. Неслучайно они тотчас привлекли внимание композиторов и стали любимыми песнями в немецкоязычных странах. Достаточно вспомнить судьбу “Полевой розочки” (“Heidenröslein”), ее сказовость, напевность, светлую грусть и интимную доверчивость.

Музыкальность в самой природе и абаевских “Восьмистишия” и “Шестистиший”. Ведь также неслучайно сам Абай сочинил музыку ко многим своим стихам. По свидетельству академика Ахмета Жубанова, “песни Абая написаны не иллюстратором, а композитором. Они отличаются большими музыкальными достоинствами и сыграли большую роль в развитии музыкальной культуры казахского народа”.

Форма “Восьмистишия” — подлинное нововведение Абая.

Алыстан сермеп,	Издали зовет,
Жүректен тербеп,	От души идет,
Шымырлап бойға жайылған,	Заставляет нас трепетать;
Қиуадан шауып,	Он всего острей,
Қисынын тауып,	Он всего быстрее.
Тағыны жетіп қайырған.	Может к месту лань приковать.
Толғауы тоқсан қызыл тіл,	Многоликий, гибкий язык,
Сейлеймін десен өзің біл.	Ты в устах народа велик!

(пер. Л. Озерова)

Речь здесь идет не об адекватности перевода, а лишь о форме, о размере стихотворения. Можно сказать, о внешних, формальных признаках.

Любопытно, что у Гете есть тоже своеобразное “восьмистишие”, хотя и структурно заметно отличающееся от абаевской “Сегіз аяқ”. Я говорю о стихотворении Гете “К новому году” (“Zum neuen Jahr”), каждая строфа которого состоит из восьми стихов, рифмующихся, однако, не так, как у Абая. Приведу лишь одну строфу оригинала:

Zwischen dem Alten,
Zwischen dem Neuen,
Hier uns das freuen,
Schenkt uns das Glück,
Und das Fergangne
Heisst mit Vertauen
Vorwärts zu schauen,
Schauen zurück.

Предлагаю читателю, не владеющему языками оригиналов, всмотреться в форму “восьмистишия” у Гете и Абая. Нетрудно убедиться, что у Абая первые два стиха — пятисложник, третий стих — восьмисложник. Потом идет симметричный повтор этого размера, после чего строфу заключают два восьмисложных стиха с парной рифмой. Размер гетевского “восьмистишия” более традиционно организован, а рифмовка достаточно причудлива.

Схема рифмования абаевского “восьмистишия”— ААБВВВБГГ.

Схема рифмования гетевского “восьмистишия”— АБВВГДДВ.

Другое нововведение Абая в казахское стихосложение — “алты аяқ”— “шестистишия”.

Один пример:

Бай сейілді,
Бір бейілді,
Елде жаксы қалмады.
Елдегі еркек
Босқа селтек
Қағып елін қармады.

Размер и рисунок строфы — даже звучанье — тотчас ассоциируются со стихами из сцены “Кухня ведьмы” трагедии “Фауст”:

Познания свет
Для всех секрет,
Для всех без исключенья!

Порою он,
 Как дар, сужден
 И тем, в ком нет мышленья.

(пер. Н. Холодковского)

Или вспомним песню Гретхен из “Фауста”.

Wohin ich immer gehe,	Где шумно, людно,
Wie weh, wie weh, wie wehe	Дышать мне трудно,
Wird mir in Busen hier!	Поднять глаза на посторонних срам,
Ich bin, ach! Kaum alleine,	А дома волю
Ich wein, ich wein, ich weine,	Слезам от боли
Das Herz zerbricht in mir.	Даю, и сердце рвется пополам.

(пер. Б. Пастернака)

Можно привести параллельно строфы “шестистиший” из абаевского “*Бойы булгаң*” и гетевских “Между обоими мирами” (“*Zwischen beiden Welten*”) или заключительную строфу из “Мне нет покоя” (“*Meine Ruh ist hin*”). Вообще к шестистрочной форме стихосложения Гете прибегает нередко. (См. стихотворения “Благожелателям”, “Одно и все”, “Завет” и др.).

И у Гете, и у Абая схема рифмования “шестистиший” полностью совпадает — ААБВВВБ.

Приведу еще один пример графической, структурной близости строфики и ритмики у Гете и Абая. Слева приведу песню Мефистофеля, поющего под собственный аккомпанемент на цитре, а справа — строфу из абаевского стихотворения “*Ем таба алмай*” (“Не находя исцеления”), представляя читателю возможность для — хотя бы визуального — сопоставления:

Was machst du mir	a 4	Боска уялып,	a 4
Vor Liebchens Tür,	a 4	Текке именіп,	a 4
Kartichen, hier	a 4	Кімді көрсем, мен сонан,	б 7
Bei frühem Tagesblicke?	b 7	Бетті бастым,	в 4
Laß, laß es sein!	c 4	Қатты састым,	в 4
Er läßt dich ein,	c 4	Тұра каштым	в 4
Als Mädchen ein,	c 4	Жалма-жан	б 3
Als Mädchen nicht zurücke	b 7		

Для этой же цели в том же порядке — еще один отрывок из “Фауста” (хор духов) и две строфы из стихотворения Абая “Сен мені не етесі” (“Что ты делаешь со мной?”). Прошу обратить внимание на своеобразную перекличку, внешнюю схожесть ритмики, на изломанную, наполненную нервной экспрессией совершенно самобытную строфику у Гете и Абая. Справа столбиков укажу — как и в предыдущем примере — количество слогов и схему рифмования.

Weh! Weh!	a 2 Сен мені не етесің	a 6
Du hast sie zerstört	b 5 Мені тастап,	б 4
Die schöne Welt,	c 4 Өнер бастап	с 4
Mit mächtiger Faust;	d 5 Жайыңа	д 3
Sie stürzt, sie zerfällt!	c 5 Және алдап	с 4
Ein Halbgott hat sie zerchlagen!	e 8 Арбап	е 2
Wir tragen	e 3 Өз бетінмен сен кетесің.	а 8
Die Trümmern ins nicht hinüber	f 8 Неге әуре етесің?	а 7
Und klagen	e 3 Қосылыспай,	г 4
Über die Verlorne Schöne,	g 8 Басылыспай,	г 4
Mächtiger	h 3 Байыңа	в 3
Der Erdensöhne,	g 5 Және жаттан	д 4
Prächtiger	h Бай тап,	б 2
Baue sie wieder,	f 5 Өмір бойы қор етесің!	а 8
In deinem Busen baue sie auf	! 9	

Боюсь, однако, утомить читателя: не каждому доступны оригиналы, да и формальные признаки версификационной техники далеко не у всех вызывают интерес. Поэтому разумно, пожалуй, ограничиться приведенными примерами.

Позволительно спросить: к чему все эти примеры и сопоставления? Что они доказывают? И доказывают ли вообще что-нибудь?

Разумеется, я никак не утверждаю, что в поисках новых ритмико-мелодических возможностей казахского стихосложения Абай опирался на опыт Гете, что он литературно импортировал гетевскую строфику и ритмику, механически перенося ее в стихию казахского языка. Это было бы несерьезно. И — главное — ни к чему.

Я просто пытался показать, что даже в этой очень тонкой, внутренней, сугубо национально-поэтической материи Гете и Абай оказались очень созвучны, и в своих поисках и экспериментах стихийно или сознательно, но независимо друг от друга, закономерно, исходя из одних и тех же целей и задач, шли как бы рядом, по схожей тропе, приходя к близким, иногда почти тождественным выводам и результатам.

Факт этот очевидный. И, несомненно, примечательный.

Я пишу не обстоятельное исследование, а очерк-эссе. Нечто конспективное с чисто осведомительной задачей. Доверительно делюсь некоторыми своими мыслями и наблюдениями с гипотетическим читателем, веду простую, доступную беседу на тему “Гете и Абай”.

Читатель, разумеется, понимает, что обо всех аналогиях в творчестве Гете и Абая, о сходстве мотивов и ситуаций, историко-типологических параллелях, о философском, эстетическом и этическом созвучии их мировосприятия в одном небольшом очерке никак не расскажешь. Необходимы конкретные, scrupulous исследования в разных аспектах.

Представим хотя бы примерно: в каких направлениях может идти исследователь этой обширной темы?

Подчеркиваю: в данной работе Гете и Абай интересуют меня главным образом в единстве, в плане маргинальности, на стыке духовной переключки и созвучии духа и идей.

“...искусство видеть человека — искусство редкое”, — как всегда, словно мимоходом, обронил в одной из своих работ Виктор Шкловский.

Верно. Мы ведь не всегда видим тех, с кем сталкиваемся десятилетиями едва ли не изо дня в день.

Один из путей (и наиболее плодотворный!) более глубокого познания и постижения Гете и Абая — сравнительное чтение, выявление их точки опоры и взглядов на одни и те же проблемы бытия и нравственно-эстетические категории.

Это можно назвать ассоциативным сцеплением основных отправных точек в цельной системе мировосприятия художника.

Конкретно: как я это мыслю?

Прежде всего, нащупывая духовную близость Гете и Абая, необходимо исследователю обращать особое внимание на отношение художника к своему времени. Это одно из требований самого Гете. В “Максимах и рефлексиях” он говорит: “Человек — всегда более или менее орган своего времени”. И еще: “Самые великие люди связаны слабостью со своим веком”. Гете с юных лет находился в гуще своей эпохи, и социально-бытовая обстановка ее четко и точно выразилась в его социально-политическом мировоззрении, в его художественном творчестве и практической деятельности. Гете рано осознал свою недюжинную духовную миссию, не заблуждался в отношении своего высокого предназначения, и все его порывы, поиски, духовные и физические напряжения были подчинены осознанной воле. Ему принадлежит определение: “des Lebens Leben — Geist” — “Жизнь жизни — дух”. На эту сторону человеческой сути Гете справедливо указал Н. К. Рерих: “Но знаменательно видеть, как Гете, как истинный посол Истины, не уклонялся от жизни, но находил улыбку ко всем ее цветам. Ограничение не к лицу все вместившему духу”.

И Абай — сын своей эпохи. В чуткой душе его вмещались все тревоги и боли Степи в пору крушения феодально-патриархальных устоев и зарождения и проникновения капитализма.

Абай — зрячее око.

Абай — отзывчивое сердце.

Абай — мудрость народа.

Так определил его значение Мухтар Ауэзов. И сам Абай, несмотря на невежество среды, на то, что по его же словам, “всю жизнь терпел от подлецов”, несмотря на неоднократные жалобы, на одиночество, прекрасно сознавал свою значимость, как поэт, как человек, как гражданин, как философ-гуманист.

Я шел путями бытия,
С невеждами боролся я,
И вот я вышел на вершину...

Мысль эта емко выражена в “Пути Абая”: “Народ ждал поэта и заступника. Измученный и несчастный народ. Его родиной была эта широкая безлюдная степь. Его одинокие аулы затеряны в громадной пустыне. Нет постоянного, обжитого места. Нет кипящих жизнью городов. Народ разбросан по степи, словно жалкая горсть баурсаков, рассыпанная скупой хозяйкой на широкую скатерть... И нет от него ни следа, ни добра. Как пена на озере: возникнет и исчезнет. Сегодня в ложине, завтра на холме... А где же следы, которыми можно гордиться? Где наследство потомкам?..”

Думается, что будущему исследователю темы “Гете и Абай” следует идти еще вот по какому пути. Творчество Гете за два столетия изучено вдоль и поперек. О его жизни, кажется, известно все, вплоть до того, что родился он “в полдень, с двенадцатым ударом колокола”, что роды были трудными, длившимися почти трое суток, что предком Гете в десятом (!) колене был замечательный немецкий художник XVI века Лука Кранах, что “Фауста” Гете кончил не просто незадолго до своей кончины, а совершенно точно 22 июля 1831 года и т. д.

И все-таки, чудится мне, что в фантастически богато и причудливо разветвленном мировом гетеведении есть еще белые пятна в философской, исторической, эстетической, этической, культурологической сфере, которую позволительно определить как “Гете и Восток”. Чтобы всеохватно судить об огромном духовном материке, именуемом Гете, явно недостаточно знать его жизнь и творчество, его общественно-социальную, литературно-художественную среду, его время, его эпоху, всю западную цивилизацию в ее многомерном проявлении, но и философию и поэзию Востока, чьи жизнотворные кровеносные сосуды также питали дух “великого веймарца”, тот самый яркий, пестрый чувственный мир “Моргенланда”, где, по словам поэта, “ясным, мудрым слогом смертный вел беседу с богом, обретал без мук, без боли свет небес в земном глаголе”, знать поэзию Гафиза, Джами, Саади, Фирдоуси, Навои и других ярчайших звезд на восточном небосклоне.

С другой стороны, изучая Абая, необходимо выявить тончайшие нити, связавшие его духовный мир, его искания и стремления с западной цивилизацией, с ее философией, с историей общественной мысли. Ведь неслучайно он изучал европейских экономистов и обществоведов, неслучайно интересовался историей общественной мысли в Европе, неспроста удивил американского путешественника Дж. Кеннана, спросив его об индукционном и дедукционном методе познания мира. Человек, внимательно читавший Чернышевского, Добролюбова, Писарева, оригинально рассуждавший о сложных философских и экоморальных категориях, полагаю, не мог не иметь хоть какого-нибудь представления о философах Спинозе, Канте, Гегеле, Шеллинге, ибо в России прошлого века они были весьма популярны, достаточно вспомнить многочисленных русских гегельянцев, кантианцев, шеллингианцев, фихтианцев, оставивших в русской культуре значительный след. Несомненно, Абай, постоянно общавшийся со ссыльными типа Михаэлиса, Блека, Гросса, Долгополова и др., впитал немало от классической философии Запада. В этом можно убедиться, читая его “Таклии”. Правда, не надо только приписывать Абаю то, чего не было. Абай тяготел к философии; философичностью пронизаны и его поэзия, и его “*Қара сөз*”, но это вовсе не значит, что он создавал какие-то философские концепции. И совершенно прав философ Гарифолла Есимов, утверждающий, что не надо “втискивать” Абая в какие-то философские схемы типа материализм, идеализм, деизм. Абай в этом не нуждается.

Совершенно очевидно, что исследователя этой неохватной темы ожидают открытия именно на перекрестке двух магистральных путей — “Гете и Восток” и “Абай и Запад”. Понятно, что для постижения этой темы потребуются обширные познания, кропотливые поиски и огромное прилежание.

В общественных взглядах Гете и Абая есть схожие мотивы, вытекающие из адекватного отношения к своей среде, к своему времени и из осознания в ней места и значения своей личности, своей исторической миссии.

Особо нужно подчеркнуть, что как Гете, так и Абай — явления, отнюдь не ограничивающиеся определенными рамками времени. Они никогда не в прошлом. Они всегда современники своих потомков. В этом их величие и бессмертие.

Об этом, кстати, говорил Иоганнес Бехер: “Мы обращаемся взглядом к прошлому, чтобы познать творения Гете, но, встретившись с его взором, мы словно поднимаемся на крыльях, переносимся из прошлого и сквозь настоящее смотрим в будущее, туда, где творения его обретут свое подлинное воздействие, осуществляются его идеалы. Ибо самое существенное в Гете, гетевская всеобъемлющая человечность, лежит в будущем”¹.

Эту же мысль более лаконично повторил И. Бехер и в своей страстной и проникновенной речи, произнесенной в связи с 200-летием со дня рождения Гете: “...царство, именуемое Гете, находится в будущем”².

Не было бы, думаю, прегрешением против истины, если мы в этих отрывках заменили имя немецкого национального гения именем великого казахского поэта-мыслителя: оба страстно устремлены в будущее, и в этом их сущность и общность.

Благодатный материал для сопоставления исследования найдёт в лирике Гете и Абая.

Гете ещё при жизни был признан одним из величайших лириков в мировой литературе. В названной выше речи о Гете И. Бехер отметил: “Гете был не только глубочайшим лириком, наделённым всеми мелодиями человеческой души, от патетических взрывов, экстатических гимнов до красноречивого вздоха тишины и шепота народной песни...”

А. А. Аникст подчёркивает: “Поразителен уже самый объём его лирического творчества: около тысячи стихот-

¹ И.-Р. Бехер. “О литературе и искусстве...”, М., “Худ. литература...”, 1981, стр. 87.

² Там же, стр. 102

ворений, примерно 35 тысяч строк, не считая больших эпических поэм и стихотворных драм. Не осталось такого рода Поэзии, в котором Гете не создал бы шедевров, каждый в своем роде”.

В учебнике “История зарубежной литературы XVIII века” С. Д. Артамонова и З. Т. Гражданской сказано: “Гете за свою жизнь написал около 1600 стихотворений” (М., Учпедгиз, 1956, стр. 358).

Не могу сказать, сколько стихотворных строк у Абая, но и без подсчета очевидно, что во много раз меньше, чем у своего германского собрата. В книге М. Мырзахметова “Мухтар Ауэзов и проблемы абаеведения” (на казахском языке) указывается, что к настоящему времени установлено 230 стихотворений, принадлежащих Абаю (см. стр. 132). Ясно также, что дело отнюдь не в количестве строк. Лирика Абая тоже многообразна, емка, насыщена и глубока.

Вся гамма, все оттенки человеческих чувств отражены в лирике Гете и Абая. Думаю, не очень сложно проиллюстрировать это на конкретных примерах.

Возьмем, к примеру, переключку мотивов в понимании сути поэтического слова в творчестве Гете и Абая. О социальной и общественной значимости слова, поэзии и искусства, о роли поэта в формировании общественного и национального сознания Абай размышлял постоянно. Свое понимание этого вопроса он изложил в программных стихах “Стихи — царь-слово, отбор словесный”, “Я не пишу стихов для забавы”, “На базар, как погляжу я, всякий едет”, “Если у кого-либо умер близкий, он скорбит” и других. Это своеобразные философские трактаты о природе искусства слова, о его смысле и назначении.

К этой основополагающей теме искусства, как мы знаем, не раз обращался и Гете. Он неизменно подчеркивал высокую значимость истинно поэтического слова.

Как перед солнцем — тает ночи мгла
Пред силой пламенного слова.

(“Ильменау”, пер. В. Левика)

Абай как бы вторит ему:

Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота речений.

(пер. В.Г. Звягинцевой)

В “Восьмистишиях” он утверждает:

Многоликий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик.

(пер. Л. Озерова)

Животворящую, созидательную силу Слова многожды раз подчеркивали древние восточные поэты. Их традиции, их понимание роли поэзии нашли отражение в творчестве Гете и Абая. Джами, которого одинаково высоко почитали и Гете, и Абай, писал, например:

Жизнь золотых сокровищ быстротечна,
А слов цена, скажу вам — вечна.

(пер. А. Шамухамедова)

Речь, разумеется, идет о слове истинном, одухотворенном, возвышенном, по определению Абая, “золотым изнутри, серебряным извне”. Таким словом владеет поэт, песнопевец, познавший магию и тайну “царь-слова”. Но необходима еще, чтобы такое слово воспринималось и ценилось по достоинству слушателем и читателем.

Где тот блюститель слова,
Что слова ценность постиг? —

спрашивает Гете в стихотворении “Раскрытие тайны”. Об этом же без конца вопрошает Абай:

Кто ныне слову здравому внимает?!

Горечью отдает в его стихах и прозе частое словосочетание “сөзді ұғарлық” — “понимающий слово”.

О поэте свободном, независимом, понимающем свое назначение и оберегающем свое человеческое достоинство, Гете говорит в балладе “Певец”. Бродячий певец по-

сешает замок феодала. Песнь певца поражает короля. Он приглашает певца в своей пышный, богатый дворец и предлагает ему в благодарность за доставленное удовольствие золотую цепочку. Но королевский дар не прельщает певца. Ему свобода дороже всего. Певец сравнивает себя с вольной птицей, которая не думает о вознаграждении за пение. Он тяготится положением придворного.

Абай с горечью и презрением говорит о тех акынах, которые расточают “за подачку душевный жар свой, теша встречных лестью”, забывая о подлинном смысле высокой поэзии. Такие ткут пустые словесные узоры и ценой неискренних похвал лишь добиваются невысокой чести.

И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях все скудела.

(пер. В. Звягинцевой)

У настоящей поэзии возвышенные цели, благородные задачи.

Чем должна питаться песня,
В чем стихов должна быть сила,
Чтоб, внимали им поэты
И толпа их затвердила?

задается вопросом Гете, и отвечает:

Призовем любовь сначала,
Чтоб любовью песнь дышала,
Чтобы сладостью звучала,
Слух и сердце восхищала.
Наконец, мы сердцем страстным,
Видя зло, вознегодуем.
Ибо дружим мы с прекрасным,
А с уродливым враждуем.

(“Стихи” пер. В. Левика)

Так понимает смысл и значение поэзии и Абай, утверждая, что “не для забавы я слагаю стих, не выдумка-

ми наполняю стих”, адресуя свою поэзию молодым, “чутким слухом, сердцем и душой”, тем, у кого прозорливо сердце, чист разум, неустанно взывая к добру, благородству, к любви, к прекрасному, возвышенному, к мудрости и чести и враждуя с уродством жизни и среды, которое у Абая, как мы знаем, имело точное название — ложь, клевета, бахвальство, лень, лихоимство, разврат, плутовство, невежество.

Дар поэта — редчайший дар.
К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,

говорит Абай.

Певцов, что “из мусора слагают стихи”, Абай называет глупцами, и, обращаясь к “песнопевцу-брату”, умоляет его не пускать в свою душу слова пустые.

Яви лишь честное, художник, рвеньё!
Трудись размеренно, неколебимо,

призывает Гете в стихотворении “Природа и искусство”. Абай поднял казахскую поэзию на новую качественную ступень. Он понимал, что старая акынская поэзия изжила себя.

А если речь певца засорена
Словами, чуждыми родному духу, —
Такая песнь миру не нужна,

заявляет он.

Пришло время для новых песен, для новых слов. Стихи своих предшественников, именитых поэтов XVIII и начала XIX веков Шортанбая, Дулата, Бухара-жырау, Абай называет “стихами из лоскутов и заплат”. Абая, однако, посещают сомнения: поймут ли в степи его слово, всем ли оно доступно, все ли в состоянии вникнуть в его потаенный смысл, всем ли оно по нраву. Об этих своих сомнениях он говорит в стихотворении “На базар, как погляжу я, всякий

едет”. Начальные строки этого стихотворения в подстрочном переводе звучат так:

На базар, как погляжу я, всякий едет.
И все, что ищет, то и находит.
Покупает кто — зерно, кто — кораллы,
Всем одно и то же не дает базар.
Каждый ищет необходимое себе
И обретает то, что по карману.

Абай убежден: написанное слово, что бисер, не потеряется, кто-то непременно подхватит, найдет и передаст другому. И уже в который раз он уповает на тех, в ком чуткая душа, в ком светоч в груди.

Речь здесь, в сущности, идет о подлинном и мнимом в поэзии, о слове глубоком, сокровенном, помеченном метой художника. Абай с иронической усмешкой приводит казахскую пословицу: “Зачем кораллы псу?”.

Подобной иронической усмешкой пронизано и стихотворение Гете “На базаре”, в котором также речь идет о мнимом и подлинном в искусстве, о Мастере и его антиподе, мнящем себя художником.

Нынче каждый заучил,
Что любой сапожник,
Что бы как бы ни строчил —
Он уже художник!
Что ж, гони гнилой товар!
Сам себя обманешь:
Сбудешь с рук — на то базар!—
Мастером не станешь.

(пер. Б. Заходера)

В названном выше стихотворении Абай четко выделяет свою, так сказать, сверхзадачу:

Не для одного ведь я пишу — для широкого люда.

Схожую мысль высказал в беседе с Эккерманом и Гете: “Кстати, сказать, тому, кто не рассчитывает на миллион читателей, лучше бы и вовсе не писать”.

Самое сокровенное доверяет поэт своим стихам. В них его душа, его боль, его радости и душевная смута.

Но стих утаить — трудней всего...

признается Гете (“Признание”).

Но каяться в стихах — не стоит боле:

Стихам хранить секреты не дано,

вторит Абай.

Примечательна беседа директора театра, поэта и комического актера в “Театральном вступлении” в трагедии Гете “Фауст”. Каждый из этих трех персонажей совершенно определенно, резко (иногда даже грубо) выражает свое понимание искусства и его назначения в жизни. В репликах Поэта творчество — возвышенное, прекрасное царство, “вершины, где божьей созданы рукою обитель грез, святилище покоя”. Актер призывает: “Из гуши жизни загребайте прямо”. Для него искусство — “искра истины средь мрака заблужденья”. В “Театральном вступлении” Гете в форме спора, столкновения разных мнений выразил свое понимание роли искусства и места поэта в общественной жизни. И многие эти мысли в той или иной форме, в той или иной мере и степени явственно перекликаются с основными воззрениями Абая на творчество, на роль реалистического искусства и назначения поэта, как выразителя и носителя духовной мощи человека, как просветителя и глашатай высоких порывов стремлений и истин.

Природа в творчестве Гете занимает важное место. Известно, что в понимании природы Гете был последователем Б. Спинозы, утверждавшего, что “бог есть природа”. В “Поэзии и правде” Гете признается: “В конце концов я стал рассматривать свой врожденный поэтический талант как природу, тем паче что внешнюю природу отныне почитал за объект поэзии”.

Органическую связь Природы и Гете точно подметил Генрих Гейне: “Природа пожелала узнать, как она выглядит, и создала Гете”.

Гете воспевал природу возвышенно, одухотворенно, в единстве, во взаимодействии с жизнью, с человеком. Природа у Гете является воплощением естественности, свободы и красоты, раскрепощенности.

И жизнь, и бодрость, и покой
Дыханьем вольным пью.
Природа, сладко быть с тобой,
Упасть на грудь твою!

пишет Гете в стихотворении “На озере”.

Одна из любимых идей Гете — приближение человека к природе, стремление к слиянию с ней. Красота природы приводила его в восторг, вызывала умиление и ликование. Вспомним полную бравурной радости, экстаза “Майскую песню”, в которой поистине бурлит, ликует “бурной радости поток”.

Wie herrlich leuch tet
mir die Natur;
Wie glänzt die Sonne!
Wie lacht die Flur!
Es dringen Blüten
aus jedem Zweig
Und tausend Stimmen
aus dem Gesträuch.
Und Freud und Wonne
Aus jeder Brust.
O Erd, o Sonne!
O Glück, o Lust!

Как все ликует,
Поет, звенит!
В цвету долина,
В огне зенит!
Трепещет каждый
На ветке лист,
Не молкнет в рощах
Веселый свист.
Как эту радость
В груди вместить!—
Смотреть! и слушать!
Дышать! и жить!

(пер. А. Глобы)

Природа для Гете — олицетворение радости бытия, счастья земной жизни. Она суть жизнеутверждения. Такое ощущение и понимание природы Гете передал словами Фауста, благодарящего Духа Земли:

Ты отдал в пользование мне природу,
Дал силу восхищаться ей.

Гете утверждал, что “всематеринская природа... дарит человеку чувство вечного и бесконечного”. Природа для

Гете своеобразный синоним искренности, целомудренности, прелести жизни. Гете умел живописать природу, обходясь при этом всего несколькими точными мазками, выразительными штрихами, с помощью которых он, однако, создает одухотворенную, многокрасочную картину. Вот пример такого живописания:

Пьет туман рассветный
Островерхие дали.
Зыбью огнецветной
Волны вдруг засверкали.
Ветер налетевший
Будит зеркало вод.
И, почти созревший,
К влаге клонится плод.

(пер. В. Левика)

Молодостью, незыблемостью, свежестью, жизнерадостностью и блаженством веет от пейзажной лирики Гете. Напомню начальные строки из стихотворения “Май”:

Облаков серебристых стая
Реет в воздухе согретом;
Солнце, ласково блистая,
Пар пронизывает светом.
Волны льнут, вздымаясь плавно,
К изобильным берегам,
Словно вымыта недавно,
Колыхаясь здесь и там,
Зелень клонится к водам.

(пер. С. Соловьева)

Но живописание “чистой”, “статичной” природы не являлось для Гете самоцелью. Душа жизнелюбца не воспринимала животворящую природу как — пусть и мастерски — запечатленный натюрморт. Природа у Гете живет в согласии с неумной человеческой душой и отражает ее внутренний мир.

Коль вниз ползет живая ртуть,
То быть дождю и буре,
Когда ж подымется чуть-чуть
Высок шатер лазури.
То скорбь, то радость так же в нас
Волненье чередует;
В пространстве тесном их тотчас
Живое сердце чувствует.

(пер. С. Соловьева)

Природа у Гете не “вещь-в-себе”, не абсолют, не самостоятельное божественное творение, пусть красивое и возвышенное. Природа и человек, природа и любовь, природа и жизнь, природа и искусство — вот любимые темы Гете, вот именно в таких сочетаниях он склонен воспринимать природу.

Нет, весна не в блеске небосвода,
Не в полях она.
Там, где ты, мой ангел, там природа,
Там, где ты, — весна,

утверждает он в стихотворении “Белинде”.

Гете постоянно подчеркивает созидательную силу природы. Он говорит: “Природа даст душе воспламенение”. Одно из стихотворений Гете носит характерное название — “Природа и искусство”. Речь здесь идет о гармонии творчества, об искусстве и мастерстве, соразмерных извечным законам природы.

Природы и искусства расхождение —
Обман для глаз: их встреча выполняй.
И для меня вражда их стала мнима,
Я равное питаю к ним влечение.

(пер. М. Розанова)

И у Абая мы находим ряд стихотворений, посвященный описанию природы в разные времена года. Описывая красоту природы, Абай прибегает к ярким, свежим краскам, национальным образам и колориту, находит

возвышенную, чистую тональность. На мой взгляд, идейно-эстетическая основа пейзажной лирики у Гете и Абая весьма созвучна. По сути дела Абай является зачинателем пейзажной лирики в казахской литературе. Для него природа неизменно материальна, конкретна, реалистически прекрасна, локальна, неразрывно связана с человеком, с социальной средой и бытом. Абай не просто созерцает дивные картины природы, не только находит сочные, сугубо “казахские” краски для ее живописания, а воспринимает ее как реальную действительность, в которой собственно и заключено прекрасное. Сугубо пейзажная лирика в творчестве Абая по объему невелика, всего несколько стихотворений — “По первой пороше охотник с беркутом выходит на охоту”, “Лето”, “Осень”, “Октябрь с ноябрем — эти два месяца”, “Зима”, “Светлая луна в безветренной ночи”, “Весна”. Но удельный вес этих стихов в творчестве Абая весьма велик, так как в них развернуто описаны не только четыре времени года в степи, не только опозитизирована природа, но в целостном виде раскрыто мирозерцание поэта, его идейно-художественное кредо. Его понимание многих социально-общественных проблем в условиях кочевой жизни. Несомненно, Абай понимал значимость своих творческих поисков, сознавал новизну своих творений, посвященных живописанию природы, и создал названные выше стихи в разные годы, опираясь, надо полагать, на опыт русской и европейской пейзажной лирики.

Каждое стихотворение Абая, посвященное описанию разных времен года, — широкое реалистическое полотно, насыщенное конкретными реалистическими деталями. Радость, восторг, благодарность, свет и надежда пронизывают каждую строчку стихотворения “Весна”. Оно, может, чуть сдержаннее в выражении ликующей радости, “чем гетевская “Майская песня”, но созвучно по мировосприятию, по жизнеутверждающему началу.

Благодатною радостью мир напоен,
Бесконечно украшен создателем он!
Материнскою грудью вскормила земля
Все, что солнцем зачал в ней отец-небосклон.

(пер. П. Шубина)

В “Майской песне” Гете “трепещет каждый на ветке лист, не молкнет в рощах веселый свист”, а у Абая в “Весне” — “песни, солнце и ветер, и птичий галдеж”. У Гете: “Как все ликует, поет, звенит”, у Абая: “Как весенней порою шумят тополя”. У Гете: “Стремится птица в простор небес”. У Абая: “В голубых небесах — певчих птиц голоса”.

“Майская песня” славит весну, природу, любовь, счастье, жизнь. Все эти темы и мотивы нашли воплощение и в абаевской “Весне”.

Как не верить нам в милость природы-творца,
Если в мире весеннем щедрот без конца?

Герой “Майской песни” пылко обращается к своей возлюбленной: “Скорее, друг мой, на грудь мою! О, как ты любишь! Как я люблю!” В “Весне” Абая земля-невеста, охваченная страстью, ждет на свидание жениха-солнце.

И теперь она вновь, молода и светла,
Засмеялась, запела, как мак, расцвела.

Мотив надежды, простой человеческой радости звучит и в другом стихотворении Абая — “Лето”. Аул, раскинувшийся на джайляу-летовке, навевает тихую радость, душевную ясность, покой. Краски удивительно мягки, колоритны.

Летом, когда тенисты деревья,
И буйно цветут цветы на лугах,
И на широких речных берегах
Шумно раскидываются кочевья,
Так высока в степи трава,
Что спины коней видны едва...

(пер. А. Жовтуса)

Но и у Абая природа существует не сама по себе. Она густо населена степными реалиями: стаи гусей и уток оглашают криками степной простор, молодые женщины, “белея руками, томно изгибаясь”, ставят юрты, табушки

на лихих конях спешат к аулу, юноши охотятся с ловчими птицами, старики в тени навесов, сидя на кошмах, ведут беседу... Все конкретно, динамично, живописно, реально. Природа и человек показаны во взаимодействии.

Этими же достоинствами отмечены и другие “пейзажные” стихи Абая, в которых реалистически изображены также социально-общественные отношения в феодальной степи.

Поразительно мягким лиризмом, просветленностью и душевной чистотой выделяется короткое стихотворение Абая “Светлая луна в безветренной ночи”. Это вершина пейзажной лирики в казахской национальной литературе. Насыщенная сугубо национальными красками, эта миниатюра своей гуманностью, внутренним согласием, проникновенностью достигает всечеловеческого звучания. Это гимн природе и любви, свободе чувств и интимному человеческому счастью. Как в стихотворениях Гете здесь человек и природа стремятся к подлинной гармонии и обретают ее, сливаются с ней.

Приведу стихотворение полностью:

Тихой ночью при луне
Луч в воде дрожит слегка.
За аулом в тишине
По камням гремит река.
Листья дремлющих лесов
Меж собою говорят.
Темной зелени покров
Землю всю одел до пят.
Горы ловят дальний гул,
Крик пастуший в тишине...
На свиданье за аул
Приходила ты ко мне.
И отважна и кротка,
Ты прекрасна, как дитя...
Прибежав издалека,
Дух с трудом переводя,
Места не было словам

Помню сердца чистый стук
В миг, когда к моим губам
Молча ты прильнула вдруг.

(пер. Ю. Нейман.)

Душевное состояние человека у Абая перекликается с явлением природы, как бы дополняя, оттеняя друг друга или контрастируя между собой. Для примера приведу здесь короткое стихотворение Абая в оригинале и подстрочном переводе:

Көк ала бүлт сөгіліп,	Пестрые тучи, распарываясь,
Күн жауады кей шақта.	Истекают порою дождем.
Өне бойың егіліп,	Весь от тоски изнывая,
Жас ағады аулақта.	Ты слезы украдкой льешь.
Жауған күнмен жанғырып,	От дождя обновляясь,
Жер көгеріп, күш алар.	Земля, зазеленев, обретает силу.
Аккан жасқа қаңғырып,	От слез, опустошаясь,
Бас ауырып, іш жанар	Голова болит, нутро горит.

Здесь я хотел бы попросить читателя вновь обратиться к приведенному выше стихотворению Гете “Коль вниз ползет живая ртуть...” и, прочитав его, сопоставить с абаевским “Пестрые, тучи, распарываясь...” Разве не очевидна здесь внутренняя перекличка темы? Разве не о близком, созвучном идет речь в двух восьмистрочных и соразмерных стихотворениях Гете и Абая, отражающих душевное состояние человека в иные мгновения?...

* * *

А какое огромное место в творчестве Гете занимает тема любви, воспетая по-юношески пылко и страстно, то восторженно и вдохновенно, то философски спокойно и ровно, но всегда при этом воспламеняя воображение! О любви Гете писал с юных лет до преклонного возраста. Достаточно вспомнить его “Зезенгеймские песни”, навеянные любовью к Фридерике Брион, или откровенно эротичный цикл “Римские элегии”, в которых использованы мотивы древнеримских поэтов, или своеобразный “Западно-Восточный диван”, рожденный новым увлече-

нием шестидесятипятилетнего поэта очаровательной, как пишут все гетеведы, Марианной Виллемер, и, наконец, лирический цикл “Трилогия страсти”, в котором всплеск страсти перемежается со скорбным мотивом отречения и невозможности счастья.

Любовь у Гете не абстрактное понятие, а мир, широкий, всеобъемлющий. На любви зиждется само человеческое бытие. В числе основных пяти понятий, вмещающих суть бытия, — Гете назвал их “первоглаголами” (Urworte) — наряду с такими философическими символами-знаками, как Демон, Случай, Неизбежность, Надежда, находится и Любовь. И если мир, как утверждает Гете, “прекрасен во всех своих обмерах”, то первопричина этой красоты заключена в животворящей силе любви.

Все мило мне, о, если б вечным было!
Сквозь грань любви мне все навеки мило

(пер. В. Левика)

Вершина мечты,
Любовь — это ты!

(пер. И. Миримского)

(Ср. у Абая: “Любовь — поистине краса жизни”)

Любовь как “живой источник света”, озаряющий и пронизывающий всю жизнь человека, наполняющий ее смыслом, — излюбленная тема Гете. Ее он варьирует вновь и вновь.

Мир без любви — не мир...

(пер. Н. Вольтина)

Или:

А мне любовь лишь
Твоя нужна,
Дает мне радость
И жизнь она.

(пер. А. Глобы)

Любовь — жизнь, любовь — весна, обновление души, любовь — счастье, любовь — “раннее утро жизненного мая”, любовь — яркий свет в сердце, любовь — мир во всем ее пышном блеске, богатстве и красоте. Таков основной взгляд, философская основа Гете в понимании любви.

И юноша, блестящим предан снам,
Идет в весну, весне подобен сам,
Он изумлен: весь мир ему открыт,
Огромный мир ему принадлежит.

(пер. В. Левина)

Гете утверждает: любовь — деяние, смысл и назначение ее в сердечном слиянии с возлюбленной. Любовь — один из краеугольных камней в мировоззрении Гете, заключающем в себе идею двойственного единства. В неизбывной тяге к этому единству, в стремлении к глубинному постижению “подобного себе другого существа” суть животворящей любви. (Идея двуединства звучит и у Абая: “Истинное сердце — слияние сердец”). Любовь — отрицание всего низменного, своекорыстного, эгоистического в натуре человека.

В дыханье милой — теплый ветер мая,
Во взоре милой — солнца луч полдневный,
И себялюбья толща ледяная
Пред нею тает в глубине душевной.
Бегут, ее заслышав приближенье,
Своекорыстье, самовозвышенье.

(пер. В. Левит)

Любовь — высший дар судьбы, апофеоз счастья.

И все ж любить — какое счастье!
Какой восторг — твоя любовь!

(пер. Н. Заболоцкого)

И я бессилен от любви,
И от любви силен.

(пер. И. Грицковой)

Светлая, лучезарная, наполненная жизненными соками любовная лирика Гете поразительно богата и охватывает все тончайшие нюансы возвышенного человеческого чувства от едва заметного, робкого его проблеска, нежных мгновений зарождения до всеохватной ликующей страсти, постижения радости и счастья, от желанной вспышки жара в крови до умиротворения и страдания по утрате любви, “невозместимой тоскующей душе”.

В выше приведенных отрывках из разных стихотворений Гете, написанных в разные годы его долгой жизни, выражен “штандпункт” его любовной лирики, его взгляда на любовь.

Благородное чувство любви во всех его проявлениях и оттенках описано в ряде стихотворений Абая. Стихи эти во многом созвучны с любовной лирикой Гете. Любовь в понимании Абая — великая радость, счастье, очищение души, гармония чувств, красоты внешней и духовной.

“Без любви жизнь пуста”, — утверждает Абай, и утверждение это почти дословно перекликается с Гете: “Как пуст, как мертв мир без любви”.

А того, кто жил не любя, —
Человеком назвать нельзя,

заявляет Абай.

Любовь — святой огонь души. Без него представить жизнь невозможно.

Без ума — бия нет,
В доме тьма — дома нет.
Коль в душе нет огня,
Жизнь тюрьма, жизни нет.

И подчеркивает:

Ғашыктық — қиын жол.

Путь любви — труден.

О любви Абай рассуждает серьезно, с мудростью зрелого человека, призывая к искренности чувств, к чистоте и благородству, к возвышенности сердечного влечения, психологически тонко подмечая и описывая и пылкую страсть, и нежную истому, и счастье единения влюбленных.

И в любовной лирике Абай выступил новатором казахской поэзии. Говоря о том, что “язык любви — речь без слов”, Абай впервые нашел чистые и возвышенные слова, обороты, сравнения для выражения тонкого чувства, научил казахских девушек и юношей говорить об интимном поэтически восторженно, открыто и целомудренно, с подлинной доверчивостью и задушевностью, без излишней пышности, метафоризации и символики. “Ты — зрачок глаз моих”, “Привет тебе, тонкобровая”, “Краснел, бледнел”, “Язык любви — речь без слов”, “О, мое сердце, не бейся теперь”, “Унижена моя душа”, “Что ты со мною делаешь?”, “Вы складно хвалите”, “С чеканным, подобно чистому серебру, широким лбом”, “На спине заплетенная, с руку толщиной коса”, “Джигиты, дорог смех, не шутовство” — стихотворения, в которых Абай полно выразил свое понимание любви, свой идеал женской красоты и свои предостережения от легкомысленного и низменного отношения к прекрасному чувству. У Абая любовь и человеческое достоинство, любовь и свобода, любовь и счастье, любовь и долг, любовь и страсть, подчиняемая рассудку, — понятия тесно связанные, неразрывные, извечно стремящиеся к согласию. Как всегда, обращаясь к молодым (“к порывам юные сердца зову”), он учит:

Ғашықтық кұмарлықпен — ол екі жол.

Влюбленность и страстность — это два пути.

И еще:

Уж если любишь ты, так всей душой!

И еще:

Твой пыл советую тебе сдержать,

На бабнике — бесчестия печать.

Или:

Не увлекайся внешней красотой,
Не поддавайся страстности слепой.

Или:

Мгновенно гаснет пламя страстных нег
У тех, кто в смене жен проводит век.

Таков Абай. И воспевая любовь, он выступает как просветитель, как гуманист, как наставник. Любовно-лирическая и общественно-просветительская линии в его творчестве идут параллельно, нередко смыкаясь, дополняя друг друга.

Таковым было требование времени и социальной среды.

Каков был идеал женской красоты у Гете? История знает женщин, которых он любил. Они многожды раз описаны, обрисованы, изваяны; они вошли в память и сознание поколений. Известно и признание Гете: “Я сочинял любовные стихи только тогда, когда я любил...” Много стихов было посвящено Гете Фридерике Брион — дочери деревенского пастора. В “Поэзии и правде” читаем: “Я сочинил для Фридерики множество песен на знакомые мотивы. Они составили бы объемистый томик; сохранились из них лишь немногие, и их нетрудно найти среди других моих стихотворений”.

В этой же книге Гете описывает Фридерiku: “Стройная и легкая, она двигалась, словно не имея веса, и две толстые белокурые косы, ниспадавшие с изящной головки, казались слишком тяжелыми для ее шейки. Ее блестящие голубые глаза смело смотрели на мир: хорошенький вздернутый носик так живо и мило втягивал воздух, словно не существовало на свете никаких забот”.

Простота, наивность, естественность — вот черты женского облика, выделяемые и воспеваемые Гете. Эти же черты отличают и Гретхен из “Фауста”. Она красива, проста, искренна, доверчива, скромна и робка, чиста и невинна. Она мечтает о любви, верной до последнего вздоха. Одержимая своим чувством к Фаусту, она, столь

стеснительная и, казалось бы, слабая, проявляет себя натурой цельной, страстной и решительной.

К нему, за ним
Стремится грудь;
К нему прильнуть
И отдохнуть!
Его обнять
И тихо млеть,
И целовать,
И умереть!

(пер. Н. Холодковского)

Идеал женской красоты у Абая в своей основе традиционно-народен. Внешне — это общеизвестные признаки: черные глаза, чистые, как зеркало, черные тонкие брови, ало-красные щеки, беловатое открытое лицо, нежное белое тело, красивые зубы, черные, толщиной с руку косы на спине, белая шея и т. д. Эти внешние атрибуты женской красоты упоминаются Абаем в разных стихотворениях. Они стали своеобразным эстетическим мерилом в понимании женской красоты в казахской лирике.

Косы тьмой, тьмой ночной
Над зарей, над рекой.
Лоб широк, взор глубок...
Ты лицо приоткрой!
Яркий рот — сладкий мед,
Блеск зубов — словно лед.
Потерял я покой,
Взгляд живой сердце жжет.
Гибок стан и высок,
Гнет его ветерок.
Ты бела, словно снег,
Ты нежна, как цветок.
Ты грустна — даль темна.
Ты ясна — нам весна.
Смех твой — звон соловья,
Вся душа им полна.

(пер. М. Петровых)

Однако, выписывая признаки женской красоты, Абай считает нужным предостеречь пылких юношей:

Не обольщайся женщиной красивой —
Узнай, характер у нее какой.

И еще:

Опасность женская краса таит,
Доступная для многих волокит.

И называет те черты характера, которые, по его мнению, украшают женщину: достоинство, понятливость, сдержанность, благонравие, уважительность.

Той женщине хвалу я воздаю,
Что душу знает наизусть твою,
Внимает каждому биенью сердца
И хочет жизнь тебе отдать свою.

(пер. А. Гатова)

Покорность, аскетизм, душевная замкнутость, задвленность в женщине Абая не прельщают. Человек живой, естественный, гармоничный в своих помыслах и страстях — вот его идеал. И женщина у Абая, отвечая на пылкое признание влюбленного, говорит о своем затаенном желании, о своем чувстве открыто, с достоинством:

Көңілің түрса бізді алып,	Коль душа меня возжелала,
Шыныменен қозғалып.	Жаром ко мне воспылала.
Біз — қырғауыл, сіз түйгын.	Я — куропатка, ты же — ястреб,
Тояттай бер, кел де алып.	Насладись же, подбив меня.
Тал жібектей оралып,	Обвивая, как шелковая нить,
Гүл шыбықтай бүралып,	Изгибаясь, как стебель цветка,
Салмағыннан жаншылып,	Под тяжестью разомлев твоей,
Қалсын құмар бір қанып	Пусть утолится страсть моя.

(подстрочный перевод)

Разве в идеалах женской красоты у Гете и Абая не заметна перекличка? Разве приведенное выше признание Гретхен из “Фауста” не созвучно абаевскому “Вы складно

хвалите?” Впрочем, мне, наверное, не стоит далее распространяться на эту тему, ибо подспудно сознаю, что в раскрытии вечной темы любви нетрудно обнаружить переключку и созвучие не только у Гете и Абая, но и у всех поэтов всех времен и народов.

Отметим, однако, еще здесь, что чувство любви Абай неизменно рассматривал и описывал в нравственном аспекте. На это первым из исследователей его творчества обратил внимание Мухтар Ауэзов. В предисловии к однотомнику сочинений Абая, изданном в 1954 году, Ауэзов писал: “Впервые в казахской литературе так отчетливо и на такой высоте высказано новое отношение к семье, к родительскому долгу, к воспитанию молодого поколения и, главное, к женщине”.

В отношении к женщине в большей степени выражены гуманные идеалы великого казахского поэта.

Полагаю, в связи с темой предыдущей главы пора вспомнить и “Западно-восточный диван”. Впрочем, здесь уже превалирует тема Востока в творчестве Гете и Абая. И она — огромна. Постараюсь ограничиться некоторыми личными наблюдениями.

Гете и Абая сближает еще одно свойство: знакомясь с разными философскими и этико-моральными учениями разных времен и народов, жадно впитывая в себя все-человеческие историко-культурные ценности, они брали то, что прежде всего было близко их мировоззрению, их духовному складу, и транспонировали все это на свой лад, то есть, как бы переплавляли в горниле своего мощного творческого духа. Тем, должно быть, они и интересны и понятны, близки всему человечеству.

Свидетельством тому является “Западно-Восточный диван”.

Гете всегда тяготел к культурному и творческому наследию других народов. Это видно из большинства его произведений. Возьмем хотя бы его баллады, не говоря уже о “Фаусте” и многочисленных драмах. Баллада “Бог и Баядера”, например, написана на сюжет древнеиндийской легенды; в основе “Лесного царя” — датская баллада;

“Фульский король” имеет древнескандинавские корни; “Цыганская песня” — цыганские; “Скорбная песня благородной госпожи, супруги Асан-аги” является обработкой сербскохорватской народной баллады и т. д.

(Тут же вспомним Абая: сюжет его дастана “Искендер” заимствован из древних восточных легенд и Корана; в основе “Масгута” — очевидная переключка с “Восточной легендой” И. С. Тургенева; “Азим” — поэтический пересказ главы из “Тысячи и одной ночи”).

Мусульманский Восток также издавна привлекал внимание Гете. Вспомним “Песню Магомета”, опубликованную еще в 1774 году. В те годы работал Гете и над драмой “Магомет”, которая осталась незавершенной.

В 1814 году Гете знакомится с немецким переводом стихотворений персидского поэта XIV века Хафиза — волшебника из Шираза. Его поэзия всколыхнула душу стареющего Гете. Он почувствовал прилив новых сил и вспышку вдохновения. Об этом Гете пишет в своем “Ежегоднике” за 1815 год, называя Хафиза прекрасным, великолепным (*herrliche*) поэтом. В “Ежегоднике” за 1816 год Гете вновь упоминает “Диван” и говорит, что занимался сбором материала. Любопытно признание Гете в “Ежегоднике” за 1817 год: чтобы проникнуться духом Востока, он изучает каллиграфию и, не зная персидского, арабского языков, занимается тщательным воспроизведением восточных писем. И в зиму 1818 года Гете продолжал прилежно работать над “Диваном”, изучая древние персидские религию и обычаи, арабские стихи и грамматику. В “Ежегоднике” за 1820 год Гете пишет, что снова обратился к “Дивану” и дополнил один из ее разделов — “Книгу Рая”.

Я говорю об этом несколько подробно, чтобы показать, какое значение придавал Гете своему “Западно-Восточному дивану”, сборнику очень своеобразному, сложному, не сразу принятому и понятному читателем и вызывавшему много споров и толков среди ученых, литературоведов и многочисленных комментаторов.

Не буду здесь вдаваться в многомудрые споры и тонкие (а иногда и схоластические) толкования. В данном случае меня интересует сопряженность творчества Гете

и Абая с некоторыми темами и мотивами древнего Востока. Ибо совершенно очевидно, что увлеченность Востоком сблизило Гете и Абая. Общие истоки породнили их музы. Вполне логично привели к параллелям и пересечениям мыслей и настроений.

Нетрудно себе представить, что именно так страстно привлекло Гете в поэзии Востока. Поэтическая яркость, чувственность и свобода, высокая духовность, очарованность миром, гармония Духа и Слова, пылкость воображения, жизнелюбие, изысканная поэтическая выразительность, аллегорическое мышление и т. д.

На Восток отправься дальний
Воздух пить патриархальный,
В край вина, любви и песни,
К новой жизни там воскресни.
В мир, где предкам уваженье,
Где чужое — в небреженье,
Где просторно вере правой,
Тесно мудрости лукавой.
И где слово вечно ново,
Ибо устным было слово.

(пер. В Левика)

Так сказано в “Гиджре” — своеобразном зачине “Западно-Восточного дивана”, и уже в этих строках чувствуются порыв, взлет духа, юношеский задор и пыл, надежда “возвратиться душой к истокам”.

Нетрудно также представить, какое животворящее впечатление произвели на Гете искрящиеся вдохновением, напоенные ароматом вольнолюбивой поэзии и жизнелюбия строки сладкоголосого Хафиза, вроде:

Песня, брызнуть будь готова — вновь, и вновь, и вновь, и снова
Чашу пей — в ней снов основа — вновь, и вновь, и вновь, и
снова!

Друг, с кумиром ты украдкой посиди в беседе сладкой, —
К поцелуям жду я зова — вновь, и вновь, и вновь, и снова!

(пер. К. Липскерава)

И, вероятно, упиваясь этими звонкими, искрометными строками, полными очарования звукописью, Гете воскликнул:

Нет, Гафиз, с тобой равняться —
Где уж нам!..

(пер. В. Левика)

Великие поэты Востока сопровождали Абая всю жизнь. Восторг перед их творчеством он испытал еще в мальчишеские годы, когда учился в медресе. Именно к ним — к Физули, Шамси, Сайхали, Навои, Саади, Фирдоуси, Хафизу — обращается Абай в юношеском стихотворении, прося их помочь ему, поддержать в его стремлениях. Именно их поэзии он подражал, описывая красотку — *“Йузи — раушан, кәзі — гәуһар”* — с ликом что роза, с глазами — что бриллиант. Именно к их стихотворному размеру и форме римфовки прибегал он в своих поэтических опытах. Понятно, что Абая эти поэты были ближе, чем Гете. Ближе не только географически. Он впитал их дух. Он воспитывался на их поэзии. Он читал их в оригинале. Он их понимал и чувствовал “изнутри”. И ему не надо было — чтобы проникнуться их духом — воспроизводить каллиграфию — он сам всю жизнь пользовался арабской вязью. И, разумеется, Восток со своей философией, историей, поэзией, культурой сыграл в творчестве Абая более значительную роль, чем у Гете. Тема эта громоздкая, со множеством аспектов и нюансов.

В творчестве Гете и Абая совершенно явственно прослушивается несколько мотивов поэзии Востока.

Один из них, на мой взгляд, убедительно проявился в любовной лирике, в которой особенно много переключек и созвучий. Тема любви в “Западно-Восточном диване” вся пронизана восточной философией, восточным мироощущением, восточной традицией, восточной формой выражения. О том свидетельствуют некоторые примеры, приведенные в предыдущей главке данного очерка. Приведу еще несколько доказательств. В “Книге любви. Ушк-наме” в стихотворении “Образцы” Гете приводит шесть любовных пар из знаменитых произведений Востока

— Рустем и Рудаба, Юсуф и Зулейка, Ферхад и Ширин, Меджнун и Лейли, Джемиль и Ботейна, Соломон и Темноликая — и, дав им короткие определения, заключает:

Тот, кто усвоил урок,
Знает любовь назубок.

(пер. А. Парина)

И перечисленные Гете любовные пары, и произведения, из которых они взяты, имели широкое распространение в казахской степи в бесчисленных вариациях и пересказах, а Абай отлично знал оригиналы, что видно из всего его творчества.

В “Книге Зулейки. Зулейка-наме” Гете замечает:

Жить с любимой в любви и согласье —
Рай — и другого не надобно мне.

(пер. В. Левика)

О рае с любимой писали на все лады едва ли не все поэты Востока. Абдурахману Джами, о котором Гете говорил, что “удивительная чистота и благоразумие — его достоинство”, принадлежит газель:

Зачем мне рай в загробной мгле? Есть радость на земле.
Рай для Джами там, где тебя он сможет увидеть.

(пер. Т. Стрешневой)

В той же книге Гете читаем:

...и мы с тобой — как плоть одна.
Коль друга Солнцем назвала ты,
Приди, обвей меня, Луна!

(пер. В. Левика)

Эти образы — Солнце и Луна, вечные спутники любви, а также олицетворение мужского и женского начал — не вызывают сомнения в своем восточном происхождении. Можно привести бесконечное число примеров из поэзии Хафиза, Джами, Фирдоуси, в чьих любовных описаниях неизменно присутствуют луна и солнце. Вспомним Хафиза:

Ты платье расстегни свое, луна, увенчанная солнцем...

Или, у него же:

Ты вспомни о рабе Хафизе, счастливая луна любви...

А как только эти образы — Луны и Солнца — не обыгрываются в казахской поэзии! Примеров — тьма!

Явный налет восточной образности заметен и в этих строках Гете:

Если ты от любимой далек,
Как от Запада Восток,
Для сердца не нужно путей и дорог:
Оно само себе проводник,
Любовь до Багдада домчится вмиг.

(пер. В. Левика)

Какими только изысканными, витиеватыми именами, пышными определениями, яркими метафорами не награждают поэты Востока своих возлюбленных! Сколько при этом они проявляют находчивости и фантазии! И Гете, пожалуй, не уступает этим чародеям слова, сладкозвучным волшебникам, находя для своей любимой такие слова: “Вселибимая”, “Всеездесущая”, “Вседивно-возросшая”, “Вселасковая”, “Всерезвая”, “Всеразнолика”, “Всепестрозвездная”, “Всесвязующая”, “Вседобрая”, “Всесердцеширящая”, “Всеучительная” — и заключает стихотворение так:

Аллаху дам ли сто имен нездешних,
Звучит за каждым имя — для тебя.

Читая любовную лирику из “Западно-Восточного дивана”, все время явственно слышишь из глубины веков отголоски бессмертных творений прославленных поэтов Востока. Это же ощущение не покидает тебя, когда вчитываешься в песни и стихи Абая, посвященные любви.

Джами говорит:

Жизнь без любви — даже не пыль — пылинка...

(пер. Х. Исмаилова)

И вспоминается гетевское: “Как пуст, как мертв мир без любви” и абаевское: “Без любви жизнь пуста”.

Фирдоуси говорит:

Того, кем любви позабыта стезя,
Поверь, называть человеком нельзя.

(пер. Ц. Бану-Лахути)

И тут же слышится абаевское: “А того, кто жил не любя, человеком назвать нельзя”. Саади говорит:

Прекрасно все в любви — несет ли нам
Страдания она или бальзам.

(пер. В. Державина)

И приходит на память Гете: “Сквозь грань любви мне все навеки мило”.

Фирдоуси говорит:

О, путь влюбленных — бесконечный путь!

(пер. В. Державина)

И слышится Абай: “Путь любви — трудный путь”.

Хафиз говорит:

Красота не у той, чей строен стан и высок,
Но лишь в сердце избранницы — счастья земного исток.

(пер. В. Державина)

И вспоминаешь, что то же имел в виду Абай, говоря: “Не обольщайся женщиной красивой, узнай характер у нее какой”.

И еще говорит Хафиз:

Да — я понял: у речи любви — приметы свои.

И тут же эхом отзывается абаевское: “Язык любви — речь без слов”.

Цитировать можно бесконечно, однако, пожалуй, довольно, примеров.

Слово поэтическое, вдохновенное, льющееся из сердца и завораживающее слушателя, издавна высоко почиталось на Востоке. Магическая сила слова воспевалась всеми великими поэтами.

Вспомним Фирдоуси:

Что краше, чем слова пленительный лад?
Восторженно славят его стар и млад.

Или:

Поэту гордиться твореньем дано,
Которое разумом озарено.

Или:

Поэт, коль стихи лишь плохие создать
Ты в силах — не стоит себя утруждать.

Еще:

Лишь слову сберечь твое имя дано.
Чти слово: поверь; всемогуще оно.

(пер. Ц. Бану-Лахути)

Великое множество схожих высказываний мы находим и у Джами, и у Хафиза, и у Саади, и у Навои. Такое понимание слова явилось философской, эстетической основой взгляда Абая на поэзию, на общественную значимость поэта. Мы убедились, что такое воззрение было характерно и для Гете. Не о том ли он говорит в “Гиджре”, устремляясь душой “в мир, где ясным, мудрым слогом смертный вел беседу с богом?” Не о том ли говорится и в “Фаусте”: “Но сердце к сердцу речь не привлечет, коль не из сердца ваша речь течет”?..

И еще один явный восточный элемент просматривается в “Западно-Восточном диване”. В нем Гете прибег к древней традиции “назира”, то есть, к способу раскрытия сюжетов и тем своих предшественников по-своему, по-новому. Гете как бы соперничает с именитыми поэтами Востока в искусстве слова, в владении яркой метафорой,

образом, прихотливой метрикой, изысканной рифмой. Тем самым он необычайно обогатил и разнообразил немецкую поэтическую речь. Это особенно относится к звукописи, к ритмике, к образному строю его поэзии. И сказанное тут в полной мере соотносимо и с творчеством Абая.

Многочисленные вариации темы “сердце”, сам многозначный образ “сердца” как выражение, как сосуд духовной субстанции, многоликие определения к нему, культ сердца в творчестве Гете и Абая, на мой взгляд, также идут от традиции поэтов Востока. В каких только сочетаниях не встречается это стержневое, многосмысловое слово у Гете! Сколько раз обращается к нему Абай в своих стихах и прозе, синонимизируя его с такими понятиями, как искренность, верность, нравственность, любовь, благочестие, душевность, доброта, милосердие. В “Четырнадцатом слове” Абай пишет: “Самое дорогое у человека — это его сердце. У казахов понятия “мужество” и “трусость” родились от слова сердце. В народе батыра называют “журекти”, что означает жигит с настоящим сердцем, труса кличут “журексиз”, то есть, человеком, у которого сердце отсутствует. Все лучшие человеческие качества, такие, как отзывчивость, сострадание человеческому горю и человеколюбие, — рождаются сердцем. Даже торопливость идет от сердца. И не бывает лжи, когда язык послушен сердцу, а если язык лжет, значит сердце просто-напросто “обмануто” (пер. С. Санбаева). В “Семнадцатом слове” Абая вступают в спор Сила, Разум и Сердце, доказывая свои значимость и преимущества. И Сердце говорит: “Я — царь жизни. Я гоню кровь по жилам, во мне обитает душа, потому и нет без меня жизни!”

Вспомним: Гете называл человеческое сердце — “самой подвижной, самой изменчивой частью творения”. Все истинное, все настоящее и достойное — от сердца, внушает Абай и в своей поэзии. Эта мысль явственно звучит у Джами:

Язык-толмач, слова-рабы, их смело подчинило сердце,
Ту речь, что мы произнесли, в глубинах породило сердце.
Весь мир и зримое кругом: земля, небесный оком

Частица малая того, что суть свою вместило сердце.
Все проявления бытия, твою тоску, любовь твою,
То, что написано пером, — волнуясь, сотворило сердце.
Оно — разящая стрела, что луком пушена была,
Рука нам только помогла, но метко в цель пронзило сердце.

(пер. Т. Стрешневой)

И еще одним частным и — может — не совсем серьезным наблюдением хотелось бы мне здесь поделиться. Читая Гете, я нет-нет да и замечал повторявшееся здесь и там цифровое обозначение “пять”. Вот он различает пять разновидностей притчей; вот он делит своих противников на пять групп: первоглаголов у Гете тоже п я т ь. В “Книге размышлений. Тефкир-наме” встречается стихотворение “Пять свойств”. Тут же следует “Пять других”.

И Абай не раз оперирует этим числом. Сердце у него обнаруживает пять своих качеств: справедливость, удовлетворение, совесть, благодарность и милосердие. В другом стихотворении он называет пять причин, приводящих казахов к раздорам и распрям: нетерпеливость, бесстыдство, лень, зависть, обжорство. Еще в одном стихотворении Абай учит:

Бес нәрседен кашык бол, Будь дальше от пяти зол.
Бес нәрсеге асык бол, Будь ближе пяти добродетелям,
Адам болам десеніз... Коль человеком желаешь стать.

(подстрочный перевод)

И далее идет перечисление этих пяти свойств-достоинств, к которым следует стремиться, и недостатков, которых следует избегать. Говоря о любви Абай предупреждает: “Недостойна любовь в пять дней”.

Мне подумалось: случайность ли это? Откуда оно идет, это пятеричное обозначение? Не от поэзии ли Востока?

Действительно, в странах Ближнего и Среднего Востока распространен особый жанр литературы “хамса” — “пятерица”. Зачинателем его был Низами. Эти традиции получили развитие в творчестве Амира Хосрова Дехлеви и Абдуррахмана Джами. Пять поэм (51230 строк) составляют “Хамсу” — “Пятерицу” Навои.

У Джами читаем:

Пять важных правил в жизни соблюдай...

У Саади читаем:

Пять раз бей в барабан ты пред собою,
Коль добрая жена дана судьбою!

(пер. В. Старостина)

У Хафиза читаем:

...Дней на пять шатер ты разбил. Осмотрись отдохнувши...

...Садовник верный! Если с розой побыть желаешь пять ночей.

...С доброй вестью о друге хоть пять строк принеси мне!

Все же существует, кажется, определенная связь в подобных примерах. Пристрастие к цифре пять у Гете и Абая объясняется, чудится мне, влиянием поэзии Востока. Приведу стихотворение “Пять свойств” из “Западно-Восточного дивана”:

Пять свойств не ладят с другими пятью,
Внимательно заповедь слушай мою:
С Надменностью Дружба не может сродниться,
От Грубости Вежливость не родится,
Величия мы у Злодейства не ищем,
Скупец не подаст убогим иль нищим,
Для Веры и Верности Ложь не опора,
Все это усвой — и храни от вора.

(пер. В. Левика)

Само персонифицирование человеческих качеств — свойство восточной поэтики. Например, в книге Юсуфа Хас-Хаджиба Баласагуни “Кутадгу билиг” (“Знания, приносящие счастье”) — Справедливость, Счастье, Ум, Довольство. В философском этюде Абая (“Семнадцатое слово”) спорят Сила, Разум, Сердце.

Теперь вернемся к Абаю. Какие же отрицательные качества он советует избегать?

Өсек, өтірік, мақтаншак,	Сплетня, ложь, хвастовство,
Еріншек, бекер мал шашпак—	Лень, расточительство
Бес душпаның, білсеңіз.	Пять врагов твоих, коль
	хочешь знать

(подстрочный перевод)

А вот пять добродетелей, к которым долженствует, по Абаю, стремиться:

Талап, еңбек, терең ой,	Рвение, труд, глубокомыслие,
Қанағат, рақым, ойлап қой—	Умеренность, милосердие —
	подумай,
Бес асыл іс, көнсеңіз.	Пять добродетелей, коль ты
	согласен.

(подстрочный перевод)

Таково педагогическое, этическое, нравственное кредо Абая, суть житейской мудрости.

Теперь прислушаемся к советам Джами:

Пять важных правил в жизни соблюдай,
И на земле увидишь светлый рай:
В делах мирских не возмущай покой,
Зря не рискуй своею головой,
Здоровье береги, как редкий клад,
Живи в достатке, но не будь богат,
И пусть приходит разделить досуг
К тебе надежный и сердечный друг...

(пер. В. Державина)

Несложно, думаю, почувствовать созвучность трех поэтов. Думаю также, что “клевета”, “ложь”, “хвастовство”, “лень” и “расточительство”, последовательно разоблачаемые в творчестве Абая, вполне перекликаются с “самохвальством” (“самохвальство — грех немалый”), “тщеславием черни” (“тщеславье черни — ощутить, что власть ее — навеки”), “недоумками” (“недоумки, полулюди

нас везде и жмут и давят”), “глупцами” и “хвастунами”, упоминаемые Гете в “Книге недовольства. Рендш-наме”.

Впрочем, “восточность” этого мотива особенно и доказывать не стоит. “Книга размышлений. Тефкир-наме”, из которой взято стихотворение “Пять свойств”, по определению самого Гете, “посвящена практической морали и жизненной мудрости, согласно восточному обычаю и складу”.

“Западно-Восточный диван” — книга самобытная, уникальная. Кладезь восточной мудрости, своеобразно воспринятый и изложенный западным гением. Книга жизнеутверждающей философии и поэзии. Книга-синтез. Книга-загадка. К ней следует возвращаться вновь и вновь. Она полна тайн, как все истинно великое. И разгадывать ее можно, наслаждаясь, размышляя, бесконечно.

* * *

Немало созвучий тем и мотивов можно найти в философской лирике Гете и Абая, в их рассуждениях по морально-нравственным вопросам, в их раздумьях о смысле жизни, о времени, о народе, о будущем, о просвещении и науке, о родном языке и т. д.

Обо всем этом можно и нужно говорить обстоятельно и конкретно. Удерживает меня от этого лишь боязнь за непомерное разрастание моего очерка-эссе, задуманного в определенных скромных рамках. Надо ведь на чем-то и остановиться.

Разве не любопытно выяснить соотношения некоторых общих мотивов в балладах Гете — особенно написанных в период дружбы с Шиллером, в так называемый период “веймарского классицизма” — и трех известных нам дастанов Абая?

Разве не представляет интерес, скажем, глубокое, всестороннее изучение влияния поэтов Востока на творчество Гете и Абая? По-моему, в этом направлении целесообразны обстоятельные поиски, с выявлением множества схожих мотивов.

Или, скажем, тема воспитания в творчестве Гете и Абая. Идея воспитания гармонического человека, как известно,

постоянно волновала Гете. Он является одним из создателей романа воспитания — “Годы учения Вильгельма Мейстера”. В понимании Гете гармонический человек лишен низменных стремлений. К этому же неизменно призывает и Абай — и в своих стихах, и в философских этюдах он глубоко размышляет о “толые адам” — о нравственном человеке. Абай, мы знаем, был реалистом. В его творениях запечатлена объективная картина его эпохи. На литературу и искусство он смотрел, как просветители-гуманисты XVIII века. Г. Лессинг в “Гамбургской драматургии” подчеркивал, что цель искусства “научить нас, что мы должны делать и чего не делать; ознакомить нас с истинной сущностью добра и зла”.

Этой задаче, можно сказать, посвящено все творчество Абая. Доверительно и откровенно, без утайки беседуя со своим народом, он больше всего старался раскрыть ему глаза на истинную сущность добра и зла. Всем своим философским складом ума Абай явственно тяготел к творчеству Гете, то есть, тяготел к тому, что именуется царством Гете, духом Гете, к его стихии по зову своей психофизической натуры, и ему, казахскому поэту, были очевидно близки духовные искания гетевского Фауста, его стремления к истине, к познанию основы мироздания.

Так мне кажется, и подобные думы волнуют меня с давних пор и, возможно при случае я обо всем этом еще напишу более обстоятельно. По-моему, это любопытно, интересно и поучительно.

Гете много работал в жанре максим и рефлексий, коротких записей, наблюдений и размышлений на разные отвлеченные и конкретные темы, в жанре афоризмов, отточенных философских этюдов. Корни этого жанра уходят, вероятно, к античным риторикам, к беседам и диалогам Платона, позже — к “Опытам” Мишеля Монтеня, к “Максимумам” Ларошфуко.

Большую дань этому жанру отдал и Абай. Его “Таклия” — короткие, стилистически отточенные, лапидарные этюды — свод философско-моралистических, общественно-политических, обличительно-сатирических раздумий и высказываний.

Читая “Гаклин” Абая, невольно чувствуешь и угадываешь его созвучность с Гете в думах, волнениях и порывах. Приведу здесь несколько всего примеров.

“А как скучно все вокруг нас, немцев!” — воскликнул как-то Гете в беседе с Эккерманом.

“Я вижу, как в этой сутолоке мой народ мелькает с каждым годом и становится все более безнравственным. Тяжело смотреть на него”, — сетует Абай в “Третьем слове”.

Вообще, страстно любя свой народ, чувствуя и осознавая свою кровную причастность к его судьбе, и Гете, и Абай сказали о нем много резких, суровых, беспощадных в своем обвинительном пафосе слов. Диалектически это понятно и объяснимо. Это та самая любовь, которую Лермонтов обозначил словом “странная” — “Люблю Отчизну я, но странною любовью”. Странность заключалась в нетерпеливом желании видеть свой народ лучше — благородным, возвышенным, устремленным к высоким целям и идеалам. Никто, как Гете, не подмечал так остро все негативное в немцах, в немецкой среде, в немецком бюргерском и филистерском обществе и не разоблачал это негативное так зло, едко и беспощадно. Чего стоит сам образ-Мефистофеля — духа отрицания и обличителя? А сколько ядовитого сарказма в “Ксениях”, написанных Гете совместно с Шиллером, в которых изобличается немецкое убожество в разных своих проявлениях?

Дух отрицания вселился и в Абая. Оглядываясь вокруг, всматриваясь в убогую действительность кочевых казахов, вскрывая и бичуя многочисленные недостатки и уродства, пороки и убожество, он с болью в сердце вынужден без конца повторять: “жоқ”, “жоқ”, “жоқ”, — нет, нет, нет. Трудно сосчитать, сколько раз в поэзии Абая (в прозе — тоже) звучит это скорбное, отчаянное “жоє”. Нет прилежания, сетует Абай, нет стремления, нет понятия и разумения, нет науки, нет сознательного поступка, нет друзей, нет возвышенной страсти, нет чести, совести, нет достойных правителей, даже баев, “как таковых”, нет, “настоящих мурз” тоже нет, нет “радеющих за добрые дела” — кругом плохо, кругом — нет, нет, нет. И в отчаянии Абай вопрошает:

“Так за кого же болеть на этой земле и кого любить?” (“Двадцать второе слово”). А обращаясь к своим соплеменникам, говорит: “Оставим в стороне веру, не будем говорить о том, какой ты мусульманин. Человек ли ты вообще?” (“Тридцать четвертое слово”).

Вспомним двестише “Немецкий национальный характер” Гете и Шиллера:

Нацией стать — понапрасну надеетесь, глупые немцы,
Начали вы не с того — станьте сначала людьми.

(пер. В. Топорова)

Или другое двестише из тех же “Ксений”:

Немцам — стихи?.. Недоверчивы немцы, путливы и глухи.
Забарабаньте в окно, — может, пойдут отпорут.

(пер. В. Топорова)

Не перекликается ли очевидно эта тема у Гете и Абая? И, сетуя на свой народ, на национальный характер, не указывают ли оба поэта весьма схожие пороки, вызывающие в их чутких сердцах боль и негодование?

Гете в беседе со своим секретарем заметил, что люди, нищие духом, как правило, самомнительны. “Словно добросердечная природа всем, кого она обделила дарами высшего порядка, для возмещения убытка пожаловала чванство и самомнение”.

Похожую мысль высказывает Абай в “Сороковом слове”: “Почему люди безнравственные всегда решительны?”

Гете утверждает: “Для того, чтобы талант мог успешно и быстро развиваться, нация, его породившая, должна быть одухотворенной и склонной к просвещению”.

Абай вопрошает: “И что нам предпринять, чтобы стать просвещенным народом?” (“Сорок первое слово”).

Рассуждая о трудности и сложности управления народом, Гете замечает: “Немало можно добиться строгостью, многого — любовью, но всего больше — знанием дела и справедливостью, невзирая на лица”.

О том же задумывается и Абай, предлагая в “Третьем слове” свой вариант управления казахами, уповая по сути

также на знание дела и справедливость. А в “Четвертом слове” заявляет: “К достатку ведут-разум и собранность...”

Читая Абая или разные исследования о нем, каждый раз невольно думаешь: какая потеря для нас, потомков, какая досада, что не было у великого казахского поэта своего Эккермана, что не вел он дневник, не оставил подробного жизнеописания, развернутой биографии души, множества пояснений и разъяснений по тому или иному поводу, как это делал Гете! Сколько бы мог поведать нам, сколько нераскрытых и наверняка уже нераскрываемых тайн мог бы открыть этот недюжинный человек, сам себя назвавший “человеком с загадкой!”

Гетеведам повезло, им значительно легче и проще, о них, можно сказать, позаботился в значительной степени сам дальновидный, предусмотрительный, аккуратный и скрупулезный Гете. То, что не успевал делать он сам, профессионально выполняли его секретари под его же руководством. Их у Гете в последние годы жизни было шесть человек. “Некоторые из них, вполне усвоив обиходный слог и почерк писателя, сплошь и рядом, изготавляли “собственноручные письма Гете” (Н. Вильмонт).

Конечно, и у Абая были ученики, образованные молодые люди, был Кокбай, был Мурсеит, был Какитай, были талантливые сыновья... Но глубокое и верное понимание его творчества, его места и значения в национальной культуре недостаточно широко и объемно определялось и при жизни поэта, и десятилетиями после его смерти. В русскую печать дореволюционного времени об Абае просочилось немного сведений. Литературоведы ограничиваются обычно ссылками на архив Русского географического общества за 1901 год, на заметку краеведа А.Н.Седельникова в книге “Россия. Полное географическое описание нашего Отечества” (1903), на некролог памяти поэта, опубликованный Какитаем (1905), на некролог, опубликованный Алиханом Букейхановым (1907), на скупые сведения “Насихат-Казакия”, на прозаические переводы стихов Абая, выполненные С. Сабатаевым и Н. Рамазановым, на некоторые воспоминания.

Очень досадно.

В одном месте своих “Максим и рефлексий” Гете выписал мысль Эсхила: “У умных много общего между собой”.

Должно быть, мысль понравилась Гете, привлекла его внимание.

На примерах созвучия творчества Гете и Абая мы убеждаемся в истинности этого утверждения.

В великих людях есть некий общий фермент духовности. Он выражается в единстве, в родственности Духа, в страстном, целеустремленном порыве к Истине, к Красоте, к Жизни.

К единой цели, к горным вершинам, должно быть, ведут схожие тропы.

Жалеть приходится не только о том, что у Абая не было своего Эккермана. С тоской думаешь о том, что и поныне нет канонического текста произведений Абая. В это даже поверить трудно. Подвиг совершил племянник Абая — Какитай. Это благодаря его титаническим усилиям вышла первая книжка Абая в 1909 году. Какитай увидел в том цель своей жизни. Он двадцать четыре года находился рядом с Абаем, был его верным, талантливым учеником. Под влиянием дяди изучил арабский, турецкий языки. Овладел русским. “Я в неоплатном долгу перед моим дядей”, — говорил он. Сам Какитай стихов не писал, но Абая знал наизусть и понимал его глубоко. Умер в 1915 году в Семипалатинске в возрасте 47 лет.

Так вот, книга Абая, изданная Какитаем в Петербурге, обошлась ему очень дорого. Неизвестен тираж этой книги. Известно только, что продавалась она в Семипалатинске вплоть до 1913 года по 75 копеек один экземпляр в лавке некоего Копбая Баисова, о чем свидетельствует крупный казахский просветитель, ученый-лингвист и общественный деятель Ахмет Байтурсунов в своей рецензии “Главный поэт казахов” (1913). Книга, составленная и изданная Какитаем, называлась “*Қазақ ақыны Ибрагим Құнанбай оглыны ” өле ”і*” (“Стихи казахского поэта Ибрагима Кунанбай-оглы”) и вошли в нее 93 стихотворения Абая, 42 перевода и две поэмы “Масгуд” и “Ескендыр”. Книга была

снабжена фотографией и биографией поэта, написанной Какитаем.

А сама рукопись была тщательно переписана Мурсеитом. Вот, собственно, “откуда есть и пошли” печатные издания Абая. Следующая книга Абая увидела свет уже в советское время — в 1922 году в Ташкенте. Рецензией на это издание откликнулся Ильяс Джансугуров. А полное собрание сочинений Абая вышли — уже латинским шрифтом — в 1933 году в Алма-Ате. Составителем и автором предисловия был Мухтар Ауэзов.

Таковы истоки. Потом, конечно, последовали многие издания. Но первоначальные огрехи — разночтения, опечатки, ошибки, искаженные воспроизведения, произвольные толкования, редакторский произвол — сказались неизменно во всех последующих изданиях. Этим и объясняется отсутствие канонического, научно выверенного текста Абая до настоящего времени.

Это — давняя наша боль. Это — беда Абая.

Об этом с тревогой писал еще в 1923 году выдающийся казахский поэт Ильяс Джансугуров, сетуя в статье “Книга Абая” на скудные типографские и текстологические возможности того времени, на то, что Абай — “писатель смутного, трудного времени, когда мусульманская письменность еще не была упорядочена”, чем, по его мнению, в немалой степени объясняется обилие разночтений в изданиях Абая. И. Джансугуров в статье-рецензии отмечает более двадцати подобных грубых искажений абаевского текста в маленьком его сборнике, составленном Х. Досмухамедовым.

С тех пор прошло семь десятилетий, произведения Абая издавались за это время многократно, однако специалисты и поныне с досадой и тоской сетуют на многочисленные разночтения и откровенные искажения, на сомнительные комментарии, о чем один из лучших нынешних абаеведов Каюм Мухамедханов очень убедительно писал сравнительно недавно в объемной статье “Да, мы должны быть внимательны к наследию Абая” (“Қазақ әдебиеті”, 9.VIII.91).

А ведь — страшно представить! — могло быть еще хуже. Не будь рукописи Мурсеита, не будь подвижнической

деятельности Какитая, народ был бы лишен наследия главного своего поэта! Прав Ахмет Байтурсунов: “Величайшее счастье, что в мире остались слова Абая”.
Достойно сберечь их — задача потомков.

* * *

Постичь, познать, понять, почувствовать многогранное творчество Гете и Абая — задача грандиозная и неисчерпаемая. Читать их нужно не торопясь, вникая в слово, в мысль. Годами. Всю жизнь.

Читать — искусство. Читать — труд.

В книге “Разговоры с Гете” И.—П. Эккермана приводится запись Сорэ, друга гетевского дома: “Засим он (Гете — Г. Б.) сказал несколько шуточных слов о трудности чтения вообще и о самонадеянности некоторых людей, воображающих, что любой философский или научный труд можно читать без соответствующей подготовки, словно первый попавшийся роман. Эти молодцы, — продолжал он, — даже не подозревают, сколько времени и труда нужно, чтобы научиться читать. Я потратил на это восемьдесят лет, но и сейчас еще не могу похвалиться, что достиг цели”.

Так читал блестяще образованный, один из ученнейших людей своего времени Гете.

Так читал — вдумчиво, серьезно, докапываясь до самой сути, весьма целенаправленно — и самоучка Абай. Это прекрасно видно из его философских этюдов “Гаклия”, из его чуткого, предельно экономного отношения к слову, из всего его художнического кредо. Неслучайно, встретившись с Дж.Кеннаном, он удивил его, попросив рассказать об индукции и дедукции.

Так читать надо и самих Гете и Абая. Только тогда испытываешь причастность к откровениям человеческого духа. Только тогда ощущаешь трепетную радость познания. Произведения Гете во главе с бессмертным “Фаустом” никак не являются легким чтивом для проглатывания на ходу, для развлечения, для приятного времяпрепровождения. То же можно сказать и об Абаяе. В творениях этих поэтов следует терпеливо вчитываться, возвращаться к ним вновь и вновь, сопереживая, размышляя о вечных вопросах бытия.

Эти титаны обладали даром говорить поэтично и философски о том, что не может не волновать человека со зрячим оком в душе, что не может не трогать каждое новое поколение, невзирая на разный коллективный и индивидуальный опыт познания и постижения мира.

Следует помнить и о том, что Гете и Абай обладали могучим даром впитывать в себя, усваивать, перерабатывать и обобщать все, что было достигнуто их предшественниками и современниками. Должно быть, именно это свойство всеобъемлющего интеллекта имел в виду Клопшток, называя Гете “могучим захватчиком”. На это же, впрочем, указывал и сам Гете, заметивший: “Я обязан моими произведениями отнюдь не одной только собственной мудрости, а тысячам людей и обстоятельств вне меня, давших мне для них материал”.

И еще по тому же поводу: “Творчество мое создано существом коллективным, которое носит имя Гете”.

Думаю, в подобном мог бы признаться и Абай. Все творчество его свидетельствует об аналогичном свойстве его дара.

И Гете, и Абай — концентрация национальной духовности. Можно — и это точнее и справедливее! — сказать шире: всечеловеческой духовности.

Впрочем, это свойственно всем великим поэтам.

Гении на то и гении, чтобы прозорливо постигать неведомые нам глубины жизни и говорить о том красиво, возвышенно и емко, доступным языком, тем языком-глаголом, который Абай назвал “сөз патшасы” — “царем-словом”.

Они возвышают нас и приобщают к живой жизни, к духу жизни. Внушают нам:

Кто жил, в ничто не обратится!
Повсюду вечность шевелится,
Причастный бытию блажен!
Оно извечно; и законы
Хранят, тверды и благосклонны,
Залоги дивных перемен.

(Гете)

Природа смертна, вечен человек,
Он умер или нет — не кончен век.

(Абай)

Они вселяют надежду и неустанно призывают:

Не уставай пытливым оком
Следить за зияющим потоком,
К земным избранникам примкни.

(Гете)

Ученым сможешь ты стать.
Не унывай, малонер!..
Бери с великих пример,
Не говори: “Куда уж мне?!”

(Абай)

Они — мудрецы и философы — учат:

Как создает, толпе незримый,
Своею волей мир родимый
И созерцатель и поэт,
Так ты, причастный благодатям,
Высокий дар доверишь братьям,
А лучшей доли смертным — нет!

(Гете)

Всем смертным удача и благо нужны,
Но зло от добра отделить мы должны...
Добро, справедливость — вот наши друзья,
Могильный порог с ними перешагнешь.

(Абай)

Да, Гете и Абай принадлежат к земным избранникам!
Какой напрашивается вывод из моих скромных наблюдений и сопоставлений, изложенных большей частью вольно и фрагментарно в данном эссе?

Вывод делать рано.

Пока очевидно одно. Есть имена, которые олицетворяют целую страну, целый народ. При слове Италия в

нашем сознании мгновенно вспыхивает Данте. При слове Англия — Шекспир. Со словом Германия неразрывно связано имя Гете, как с Россией — Пушкин.

И — наоборот.

Все истинно казахское вмещается в звучное слово — Абай. Это как символ. Знамя народа на разноплеменной планете.

Как конкретна Истина, так и величие великих — конкретно. Конкретность можно выразить словами. “Величие поэта — в том, что он служит своему народу источником вдохновения, укрепляет веру нации в ее созидательные силы, питает ее гордость. Можно сказать, что великий поэт удлинняет жизнь нации. На больших исторических путях народы обращаются к наследию гения, припадают к прозрачному ключу его творчества, пьют из него живую воду и вновь идут дальше и выше”.

Это сказал Константин Александрович Федин в статье “Иоганн Вольфганг Гете”.

Здесь все взвешено, емко и точно сформулировано.

Великие созвучны. Они духовные братья. Они часто говорят об общем, всечеловеческом. Перекликаются через века и расстояния. Через века и расстояния они связывают, сближают народы, подлинную культуру и дух бессмертный и животворящий, являющийся связующей нитью между поколениями разноязыких племен. Емко сказал о том Святослав Николаевич Рерих: “Есть люди, как опоры моста, держащие на себе дорогу, по которой Культура и величие духа, накопленные предшествующими поколениями, идут в будущее, к поколениям сегодняшним и завтрашним. Без них — нет дороги. Они — вестники, связные человечества, от одного поколения к другому”. (“Комсомольская правда”, 27.X.89.).

И потому они понятны и близки разноплеменному люду на земле. Как близки и понятны друг другу Гете и Абай. Как близки и понятны они нам, потомкам, ибо великие поэты прошлого — деятельные участники нашей современной культурной жизни.

Девятилетним ребенком в соответствии со школьной программой учил я наизусть, еще заметно коверкая ка-

захские слова, стихотворение Абая “Зима”. Врезался в память “старый сват, белый дед”, что “натворил много бед. От дыханья его — стужа, снег и буран”.

Шла война. Крохотный аул на берегу Ишима зимой заваливало снегом. Буран неистовствовал неделями. Стены комнатки при аульном медпункте промерзали насквозь. При подслеповатой лампе-семилинейке, прижимаясь к закопченной, угарной печке, я упорно твердил под монотонное завывание ветра в трубе: “Ак киімді, денелі, ак сақалды...”

Третий год я жил в этом ауле. Во мне, в моем хрупком сознании и невинной детской душе, происходила крутая ломка. Мое русское окружение в летной школе города Энгельса на берегу Волги, где я родился и где несколько лет жили мои родители, остались безвозвратно позади. И родное село отца-матери со столь теплым названием Манхайм и обласкавшее меня немецкое окружение в том предвоенном году, тоже остались лишь в памяти, как отголоски прекрасного сна.

Я, конечно, знал, что идет война. Видел вокруг горе.

Но я не понимал, почему мы — мои родители, маленькая сестренка и я, единственная немецкая семья в этом ауле, — очутились здесь, почему мы должны были покинуть родной край. Здесь все было внове. Все другое. И обличье людей. И дома. И быт. И запахи. И язык.

И я привыкал к новому для меня речестрою. К иной среде. Приспосабливался, принаравливался к другому языку. Всем моим существом властно овладевали иные слова, иные звуки, иные речевые обороты, не похожие ни на немецкие, ни на русские. И я, ученик казахской школы, повторял вновь и вновь размеренные, звучные, гортанные строки:

Ак киімді, денелі, ак сақалды,
Соқыр, мылқау, танымас тірі жанды...

Нет, я не знал, что это Абай. Мне не было до этого дела. Я лишь знал, что стихотворение называется “Қыс”, то есть, “Зима”, если сказать по-русски, “Дер Винтер”,

коли перевести на немецкий, и я должен выучить его к завтрашнему уроку.

А рядом, баюкая зябнущую мою сестренку, тихо напевала мама: “Röslein, Röslein, Röslein rot, Röslein auf der Heiden” не ведая, что это стихи Гете. “Полевая розочка” уже около двухсот лет стала немецкой народной песней. Причудливо слились и сплелись в голове школьного юнца два образа: зима, мороз — “старый сват, белый дед” и прекрасная роза в чистом поле, которую, “забывши страх”, неразумно сорвал юноша.

Странное переплетение. Как антитеза.

Абай как-то незаметно вошел в мою душу, чему способствовало, конечно, языковое окружение. В школе изучали Абая. На клубной сцене ставили отрывки из трагедии “Абай”. На тоях, праздниках-вечеринках, пели песни Абая. Стихи, изречения, афоризмы Абая неизменно вплетались в речи аульчан.

И где-то вдалеке недоступной, таинственной вершиной манил, притягивал Гете.

С годами они становятся мне все ближе, все родней. Все необходимей.

Они всегда под рукой. Читая Гете, непременно думаю об Абае. Читая Абая, ощущаю близости Гете. И постоянно удивляюсь и радуюсь. До чего же они близки, созвучны, родственны! Они — олицетворение всего человеческого, прекрасного, возвышенного и благородного. Известно, что Л. Н. Толстой по-разному относился к Гете, но в дневнике от 2 июня 1863 года он записал: “Читаю Гете, и роятся мысли...” Гете необходимо читать всю жизнь, он возбуждает, активизирует мысль у читателя всех возрастов и, как мне теперь кажется, особенно у читателя зрелого, познавшего жизнь. То же самое можно сказать об Абае. Стихи и философские этюды его знакомы нам с детских лет, они постоянно “на слуху”, и все же, перечитывая Абая, ловишь себя на мысли, что та или иная строчка его высветилась вдруг по-иному, по-новому, как-то совершенно неожиданно, ты вчитываешься вновь и вновь, как бы заново открывая его в разные периоды жизни, вчитываешься, задумываешься и... “роются мысли”.

Когда б не солнечным был глаз,
Как солнце мог бы он увидеть, —

читаем у Гете.

Солнечными были глаза и у Гете, и у Абая.

Гете и Абай...

Вершины поэзии. Великие спутники бытия. Наставники
и утешители. Всегда и во всем.

Зрячее око души,

Познание и постижение их творчества — праздник.

1986. 1991.

СОЗВУЧИЕ

“Ночная песнь странника” Гете в переводах
Лермонтова и Абая.

эссе

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует.

Пушкин

Созвучие... Оно во всем. В природе. В музыке. В поэзии. В возвышенных порывах и в благородных страстях. В людских сердцах. В человеческой речи.

Существует созвучие духа. Созвучие таланта. Единство разноязычия.

И об этом речь...

* * *

...Откуда-то из степей медленно и неотвратно надвигаются, постепенно густея, вечерние сумерки. Там, внизу, по-над Ишимом, над непроходимым тугаем навис плотный мрак. Аул погружается в ночь. Вместе с нею приходит и тишина, глухая, вязкая. Но вот уже все умолкло, тишина становится все звонче и звонче, и уже не плывут, а застыли тени, и слышно, как у брода Тасуткель трется о прибрежную гальку и что-то ласковое нашептывает берегу вода.

С опушки березового колка, со стороны крайнего дома, неторопливо поплыла протяжная песня.

Қараңғы түнде-е-е тау қа-а-алғы-ы-ып...

Голос певца нарастает, ширится, наливается тугой мощью, постепенно, как бы по ступенькам, набирает высоту.

Темной но-о-о-очь-ю го-о-о-ры, дремля...

В каждом слове, в каждом звуке песни — медленная, величавая поступь ночи.

Наверное, и тогда, во времена Абая, великого казахского акына, над аулом в урочище Акшоки вот так же “медлительно и плавно, как тихий ветер Сары-Арки”, летела эта спокойно-степенная песня. И люди, отдыхая после изнурительно долгого летнего дня в своих юртах, слушали это творение своего мудрого, знаменитого земляка, совершенно не догадываясь, что слова этой песни пришли в степь из другого, неведомого им мира.

И в самом деле, не чудо разве, что “Ночная песнь странника” Иоганна Вольфганга Гете пленила своим изяществом М. Ю. Лермонтова, и тот, как скажет потом В.Г. Белинский, “грациозно” переложил ее на русский язык? И не чудо ли то, что спустя еще полвека, сын необъятных и загадочных киргиз-кайсацких степей Абай Кунанбаев воссоздаст ее не менее грациозно на своем, казахском, языке?

Странствуя по малым и большим странам, “Ночная песнь странника” долетела однажды “до аула в урочище Акшоки, оттуда до джайляу Тобыкты, до кереев верховий, до уаков низовий, до племен Каракесек и Куандык, до найманов, населяющих долины Аягуз, горы Тарбагатай и Алтая” (М. Ауэзов, “Путь Абая”).

* * *

Старая истина: величие великого, как и красоту прекрасного, как и все в конечном счете, можно понять, осознать, почувствовать, объяснить только через сравнение.

“...лишь соприкосновение одного языка с другим на почве сравнений, — как одна и та же мысль в разных языках по-разному выражена, — естественным образом останавливает нас на средствах выражения и делает человека внимательным к тонким нюансам мысли и чувства”¹, — говорил академик Л. В. Щерба.

Конечно же, любопытно проследить, прибегая к сопоставительному лингвистическому анализу, как одна и та же поэтическая мысль трансформируется в переложении на разные языки, особенно если оригинал и его переложения (переводы) принадлежат выдающимся художникам слова. Знаменитая миниатюра Гете, переведенная Лермонтовым, и Абаем, является благодатным материалом для подобного лингвистического опыта, суть которого, несомненно, выходит за рамки “чисто” научной сферы.

“Ночная песнь странника” (“Wandrer’s Nachtlid”), написанная Гете в ночь с 6 на 7 сентября 1780 года карандашом на дощатой стене лесного домика на вершине горного увала Кикельхан близ Ильменау, вот уже два столетия на устах многих поколений разных народов и племен. Есть в этом крохотном стихотворении необъяснимое очарование, колдовская притягательная сила, волновавшая и волнующая читателей, художников, композиторов, ученых-исследователей, литературных комментаторов. Есть что-то возвышенное и гордое в том, что эти бессмертные строки вдохновили Лермонтова и Абая на создание перевода-переложения на своем родном языке, что привело к появлению новых шедевров, ознаменовавших собой как бы духовную перекличку поэтического гения трех народов.

Über allen Gipfeln
Ist Ruh;
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;

¹ Л.В. Щерба. “Избранные работы по русскому языку”, М., Учпедгиз, 1957, стр. 53.

Die Vögelein schweigen im Walde;
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

Приведу подстрочный перевод, прекрасно сознавая, что он, как всегда, уничтожает всю прелесть стихотворения:

Над всеми вершинами
(Есть) покой.
В каждой верхушке (макушке дерева)
Чувствуешь ты
Едва дуновение.
Птички молчат в лесу.
Подожди только, скоро
Отдохнешь ты тоже.

Желательно, чтобы гипотетический читатель не скользил бы взглядом по — возможно — непонятному тексту оригинала, а прочел бы его чуть внимательней, вникая в ритмический рисунок и рифмовку.

От лирической миниатюры веет удивительным покоем, блаженством, всеобщей умиротворенностью. Очевидно, что она написана на одном дыхании, вылилась сразу в счастливый миг вдохновения. Ясно также, что “Ночная песнь странника” являла собой новый этап в творческой эволюции Гете. “Прежний бунтарь стремится теперь к гармонии и покою, что особенно впечатляюще выразилось в прекрасной “Wandrer’s Nachtlid”, — пишет большой знаток и исследователь творчества Гете А. А. Аникст и далее, подробно останавливаясь на содержании миниатюры, добавляет: “Если основная мысль стихотворения ясна с самого начала, то вдумчивое прочтение его, основанное на знании взглядов поэта, его мировоззрения и духовных исканий, показывает, как много вкладывал Гете в скупые строки своих стихов и какое внимание требуется от читателя, чтобы освоить глубину смысла, скрытого в иных простых на первый взгляд поэтических строках. Заметим также, что мысль поэта облечена в такую форму, которая возбуждает в читателе определенное настроение. Ритм стихотворения, его мелодический строй навевают то

ощущение покоя и гармонии, каким проникнут описанный в стихотворении пейзаж. Собственно, он даже не описан, но каждое слово вызывает перед мысленным взором читателя целую картину. Такова магическая сила поэзии Гете, сочетающей мысль, чувство, зрительные впечатления и музыкальность звучания¹. Покой и гармония... Синтез мысли, чувства и музыки. В самом деле, даже не знающий немецкого языка может уловить плавность, звучность, изящество фонетической инструментовки стихотворения. Вслушайтесь в эти зыбкие, мягкие “среднеевропейские” “L”: *allen, Gipfeln, Wipfeln, Vögelein, Walde, balde*, в этот глухой, протяжный, как бы усугубляющий мрак ночи звук “U”: *Ruh, du, nur, ruhest*; таинственно ласковый “Ü”: *über, spürest*; произнесите слово *Nauch* с мягким придыханием, как и произносится “H” в начале слова, оно прозвучит, как шепот, как шорох, как едва уловимое дуновение и вместе с “sch” (“schweigen”) и “ch” в конце слов — *Nauch, auch* как бы подчеркивает разлившуюся над миром ночную тишь.

Что это? Картина природы, одним мазком набросанная рукой гения? Или изящная миниатюра, навеянная конкретным созерцанием, личным переживанием? Или внешне столь простые, доступные, неприязнательные строчки исполнены глубокого абстрактно-философского смысла?

Существует множество толкований этого шедевра.

Люди, хорошо изучившие жизнь и творчество гениального веймарца, настойчиво ищут в “Ночной песне странника” затаенный, подспудный контекст. Примечательна трактовка, предложенная М. С. Шагинян: “Гете писал “Ночную песнь странника”... думая, может быть, об умершей шесть лет назад сестре Корнелии. Охваченный картиной засыпающей природы, он вдруг почувствовал, что и ему не избежать надвигающейся ночи небытия. Но для того, кто представлял себе жизнь, как непрерывный подвиг труда, смерть показалась отдыхом, свойственным и необходимым человеку, как и природе, — своего рода “выдыхом” после жадных “вдохов” жизни”².

¹ Johann Wolfgang Goethe. Gedichte. Moskau, Progress. 1980, s. 13-15

² М. Шагинян. “Гете...”, М.-Л. изд. АН СССР, 1950, стр. 34.

Трудно утверждать, что именно такими ощущениями было навеяно маленькое стихотворение Гете, но предположить — можно. Впрочем, сам Гете с некоторой насмешкой относился к тем, кто всюду разыскивает и всюду вкладывает глубокие мысли и идеи. В беседе с Эккерманом он говорил: “Вообще не в моих привычках стремиться к воплощению в поэзии абстрактного понятия. Я всегда воспринимал чувственные, сладостные, пестрые, многообразные впечатления жизни, и мое живое воображение жадно впитывало их. Как поэту мне оставалось только художественно формировать и завершать таковые, стараясь живостью, воссоздания добиться того, чтобы они и на других оказывали такое же действие”¹.

Конечно, художественное произведение не набор каких-то символов и красиво выраженных абстрактных идей и формул, и как поэт Гете стремился прежде всего передать в живом слове свои созерцания и впечатления. Однако он был слишком велик, глубок и сложен для того, чтобы его созерцания и впечатления были однозначными. В “Ночной песне странника” дивно воспроизведена картина ночи, и автор сумел заразить читателя ее умиротворенностью и величавостью, все это так, но, думается, в подтексте этой миниатюры явно ощущается нечто большее, философски прочувствованное и опозитизированное, проникновенное и затаенное, что придает ей особое очарование. Ведь притягательная ее сила не только в лаконическом запечатлении природы, уходящей ко сну. И ведь недаром сам Гете слишком хорошо помнил то свое путешествие в тридцать один год по зеленым холмам Тюрингии, помнил до мельчайших подробностей ту ночь на вершине Кикельхан, когда он на стене охотничьей избушки, под картиной, изображающей тюрингский пейзаж, начертил эти стихи и, должно быть, совсем не случайно, пятьдесят один год спустя, незадолго до смерти, вновь повторив тот путь в сопровождении

¹ И.-П. Эккерман. “Разговоры с Гете... М., “Худ. литература...”, 1981, стр. 534.

своих внуков, детей единственного сына Августа, незадолго до этого скончавшегося в Италии, престарелый поэт задумчиво шепчет со слезами на глазах — две последние проникновенные строчки из “Ночной песни странника”. Известный германист, крупный гетевед Н. Н. Вильмонт пишет: “Гете прочитал ее про себя, и слезы потекли по его старческим щекам. “Да! Отдохнешь и ты”, — произнес он растроганным голосом. Потом с минуту помолчал, посмотрел в окно на темнеющий лес и сказал спутнику (Эккерману): “А теперь поедем”¹.”

А как подробно, с каким жаром и любовью описывает он это свое последнее путешествие по столь памятным местам в письмах друзьям — Цельтеру (4.9.1831), графу Гейнгарду (7.9.1831), Луизе Адели Шопенгауэр (19.9.1831)! Очевидно, “Ночная песнь странника” родилась в пору высокого духовного напряжения, в весьма важный, переломный момент духовных исканий автора.

Гете — поразительно сложная натура, вместившая в себе множество разноречивых и противоборствующих желаний и страстей. Внешняя, вполне благополучная и презентабельная жизнь и внутренняя обуреваемая неукротимыми порывами духа, неодолимой жаждой деятельности, часто, слишком часто не совпадали. Гений, постоянно стремившийся к гармонии в жизни и в душе, достигал ее лишь в редкие мгновения.

Вспомним жизнь Гете в пору создания миниатюры, о которой идет речь в данном очерке.

Гете в эти годы еще молод, но уже всемирно известный автор “Вертера”. Поэт. Кумир. И еще он придворный маленького герцогства; он познает силу власти, занимая пост военного министра и министра общественных работ. Он жаждет великих дел и, уверенный в своих силах, многое берет на себя. Он окружен славой и любовью.

Но это лишь внешняя, видимая сторона его жизни. На самом деле он уже успел познать многоликие беды из ларца Пандоры: и горечь неразделенной любви, и чувство

¹ И.-П. Эккерман. “Разговоры с Гете... М., “Худ. литература... 1981, стр. 16.

утраты, и разочарование в мечтах и людях, и душевную подавленность, и смутную тревогу, как бы предвосхищающую будущую титаническую борьбу в бесчисленных деяниях и навевающую глубокую усталость. Мотив этот уже однажды отчетливо прозвучал в небольшом стихотворении, которое также называется “Ночной песнью странника”, но написано четырьмя годами раньше. Вот оно:

Ты, что в горной вышине
Горе ведаешь земное
(И страдающим вдвойне
Облегченье шлешь двойное!),
Я устал от смены вечной,
То восторг, то боль в груди,
Мир сердечный,
О, сойди ко мне, сойди!

Связь между двумя одноименными стихотворениями Гете видна, так сказать, невооруженным глазом. Она выражается и в схожей конструкции, и — главное — в тональности, в настрое, в страстной мольбе: “Мир сердечный, о, сойди ко мне, сойди!” и в грустном самовнушении, утешении: “Подожди немного, отдохнешь и ты”. Разве трудно заметить перекличку в строчках “Я устал от смены вечной” и “отдохнешь и ты?”

Вспомним: первая “Ночная песнь странника” написана двадцатисемилетним Гете. Прошло четыре года. Тайный советник Гете прощается с молодостью. Он успел остыть к былым своим любовным увлечениям. Они причинили ему много боли. Происходит отчуждение от друзей. Гете все чаще замыкается в себе. Чувствует одиночество. Признается: “Иногда у меня просто подкашиваются ноги под невыносимой тяжестью креста, который я вынужден нести почти один...” Все чаще мечтает он о возвышенном покое. Любовь к женщинам не принесла желанной гармонии. Моментами в нем возникает предчувствие смерти. Комплекс Вертера тяготит его. Сохранились скульптурные портреты Гете работы ваятеля Клауэра,

относящиеся к этому времени. У тридцатилетнего поэта усталое, грустное, изборожденное морщинами лицо. Уголки губ скорбно опущены. Во всем облике — явственные следы душевных мук и страданий.

Таков биографический и нравственный фон, способствовавший и предшествовавший созданию гениальной миниатюры — второй “Ночной песни странника”.

Может, именно тогда и здесь, в горах, открылся Гете — возможно, и не совсем еще ясно — “конечный вывод мудрости земной”, о котором он потом скажет в основном труде всей своей жизни — “Фаусте”. Может, здесь и в ту ночь пришла ему в голову мысль о смысле жизни, о том высшем назначении Человека, когда он может воскликнуть: “Остановись, мгновенье, ты прекрасно!” Может, он предчувствовал, какой ему предстоит проделать титанический труд, совершить поистине подвиг труда, что, проделав это, сам себя утешил. “Подожди немного, отдохнешь и ты...”

Может... может... Одно очевидно: “Ночная песнь странника” не была случайным эпизодом в долгой жизни Гете.

Широко известные слова о переводчице-сопернике в стихах явственно отразились в переводах этой миниатюры, выполненных Лермонтовым и Абаем. Это даже и не перевод в обычном понимании, а соревнование на равных между большими поэтами, переложение, точнее, духовное созвучие.

Созвучие талантов. Единство разноречия.

Всем с детства памятны лермонтовские строки:

Горные вершины
Свят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

“Какое тихое, успокоительное чувство ночи после знойного дня веет в этой маленькой пьесе Гете, так грациозно переданной нашим поэтом”, — восхищался Белинский.

Здесь, пожалуй, будет уместно сделать небольшое отступление и привести ради-для любопытства еще три перевода гетевской миниатюры, которые могут послужить реальным поводом для сравнительного лингвистического толкования.

Перевод В. Брюсова:

На всех вершинах
Покой,
В листве, в долинах
Ни одной
Не дрогнет черты;
Птицы спят в молчании бора.
Подожди только: скоро
Уснешь и ты.

Перевод И. Анненского:

Над высью горной
Тишь.
В листве, уж черной,
Не ощутишь
Ни дуновенья.
В чаще затих полет.
О, подожди!
Мгновенье
Тишь и тебя... возьмет.

Перевод Ю. Александрова:

На высях горных
Покой.
Чуть слышен листьев шорох
В глуши лесной.
Ни пеня в ней, ни суеты...
И сам под этой сенью

К отдохновенью
Все ближе ты.

Думаю, первый невольный вывод из сравнительного чтения: а все-таки поэтический оригинал и его переводы находятся в довольно сложном взаимоотношении, не правда ли?... Вспоминается реплика Льва Толстого: “Конечно, перевод — не более как изнанка ковра”, перифраз сервантесского Дон Кихота: “...это все равно, что фламандский ковер с изнанки”.

Доверим, однако, сравнение этих переводов любознательному читателю и остановимся более обстоятельно на лермонтовском переложении.

Итак, идеальной точности, буквального совпадения, как видно, нет. Это заметно даже без подробного лингвистического анализа. Лермонтов взял у Гете “только” тему, идею, суть миниатюры и выразил все это по-своему, транспонируя дух гетевского стихотворения на свой, лермонтовский, ключ.

Здесь, уж коли речь зашла о теме гетевской миниатюры, нелишне, вероятно, напомнить читателю, что существует мнение, будто тема “Ночной песни странника” поставлена еще древним греческим поэтом Алкманом (VII век до новой эры). Я. Голосовкер, составитель и комментатор сборника “Лирика Древней Эллады” (АКАДЕМІА, 1935, М.— Л.), подчеркивает эволюцию темы: Алкман — Гете — Лермонтов и приводит в примечаниях к сборнику (стр. 186) мелос Алкмана в переводе Вересаева:

Спят вершины высокие гор и бездн провалы,
Спят утесы и ущелья.
Змен, сколько их, черная всех земля ни кормит,
Густые рои пчел, звери гор высоких
И чудища в багровой глубине морской.
Сладко спит и племя
Быстролетающих птиц.

Не говорит ли это все о том же — о родственной близости поэтических муз?

Впрочем, не будем отклоняться от основной темы нашего очерка.

Так, близость поставленной темы у Гете и Лермонтова более очевидна, конкретна и убедительна, чем у Алкмана и Гете, хотя в лексическом отношении разница между гетевским оригиналом и переводом Лермонтова довольно существенна. Лермонтов ввел не только, например, отдельные определения к отдельным словам, но и совершенно “новые” слова, образы, обороты, вовсе отсутствующие в оригинале. Он перевел не слова, а стиль, интонацию, музыку стихотворения. “Горные вершины” звучат как исконно русское оригинальное стихотворение, а не как переводное, чужеродное. Возможно, потому Лермонтов и не перевел его названия “Wandrer’s Nachtlied”, а просто назвал “Из Гете”. Под таким названием стихотворение и появилось впервые в 1840 году в № 7 “Отечественных записок”.

В смысле абсолютной точности совпадают только седьмой и восьмой стих (“Warte nur, balde ruhest du auch” — “Подожди немного, отдохнешь и ты”), более или менее близки первый и второй стихи. Что касается третьего, четвертого, пятого и шестого стихов, то у Гете они звучат по-другому.

В первых двух строчках Гете подчеркивает исключительную тишину (“Над всеми вершинами покой, тишина”). У Лермонтова она воссоздается в пятой и шестой строках. Для этого он вводит новые детали:

Не пылит дорога,
Не дрожат листья...

Говоря о всеобщей тишине, Гете дальше детализирует: “Птички молчат в лесу”. Но несмотря на всеобщий покой, у Гете все же “в каждой верхушке чувствуешь ты еле слышное дуновение”. У Лермонтова же абсолютная тишина: вершины спят, дорога не пылит, листья не дрожат. Если бы стихотворение не называлось “Ночной песнью”, то изображенное в стихотворении можно было бы отнести, например, и к раннему утру. Лермонтов конкретен.

Конкретность вообще свойственна природе русского языка. Переложение Лермонтова нельзя назвать “Утро”, “Летнее утро”, “Раннее утро” или еще как-нибудь в этом роде. Он изобразил ночь, именно — ночь, исключительно — ночь. Тишина у него ночная, а не вообще тишина, и вершины спят “во тьме ночной”. У Гете просто вершины, всякие, вообще вершины, у Лермонтова они “горные”, что опять-таки конкретней. Лермонтов расширяет картину ночи, как бы раздвигая ее горизонты, вводит тихие долины (сугубо русский образ), подчеркивает пейзаж ночи деталями “свежая мгла”, “ночная тьма”.

Навеянное в определенной степени абстрактно-философским мировосприятием стихотворение Гете у Лермонтова заметно конкретизировано, оживлено наглядными деталями, цветовой окраской, и потому картина ночи в “Горных вершинах” стала как бы более осязаемой, зримой.

* * *

Муза Пушкина и Лермонтова была особенно близка и понятна Абаю. “Пушкин и Лермонтов... Оба они прошли свой жизненный путь вдали от степей, где жили его деды, и кончили. жизнь в неведомых даях, чуждые и неизвестные казахам. Но за эту зиму оба стали так близки Абаю... Явились из другого мира, изъяснились на другом языке, — а отнеслись к нему приветливо, как родные. Двойники его в огорчениях и грусти, они, разгадав его душу, как бы говорили ему: “И ты своими мыслями подобен нам!”

Эти строки — из эпопеи Мухтара Ауэзова “Путь Абая”. В словах этих тот же всеобъемлющий мотив. Мотив созвучия. Созвучия духа. Единство разноязычия.

В 90-е годы прошлого века Абай увлеченно переводит Лермонтова. “Исповедь”, “Еврейская мелодия”, “Не верь себе”, “Выхожу один я на дорогу”, “Кинжал”, “Утес”, “Дума”, “И скучно, и грустно”, “Молитва”, “Дары Терека” и другие произведения великого русского поэта переведены Абаем блестяще, с подлинным поэтическим жаром, с проникновением в содержание и форму. Дух и своеобразие лермонтовской музыки были чутко уловлены зрелым Абаем.

В те годы перевел он и “Горные вершины”... Вот так звучит абаевский перевод:

Қаранғы түнде тау қалғып,
Ұйқыға кетер балбырап.
Даланы жым-жырт дел-сал қып,
Түн басады салбырап.
Шаң шығармас жол дағы,
Сыбдырламас жапырақ.
Тыншығарсың сен дағы
Сабыр қылсақ азырақ.

Как тонко, проникновенно поняли друг друга великие поэты!

Перевод Абая удивительно близок лермонтовскому тексту. А разница любопытна.

Для русского читателя я приведу обратный подстрочный перевод:

Темной ночью горы, дремля,
Уходят в сон, разнежившись (разомлев).
Степь тихую разморив (обессиливая),
Накрывает ночь, нависая.
Не пылит и дорога,
Не шелестят (не шепчутся) листья.
Отдохнешь и ты,
Если проявишь немного спокойствия.

С детских лет помню, как и всякий казах, наизусть эти стихи. Написав их так, как они пелись в том ауле, где я вырос, я заглянул на всякий случай в один из последних сборников Абая и удивился: вместо “сыбдырламас жапырағ” стоит “сілкіне алмас жапырағ”, то есть, вместо “Не шелестят листья” — “Не вздрагивают листья”. Принципиальной разницы в том нет, и потому я поставил строку так, как знаю ее с детства. Увы, текстологически Абай изучен далеко не образцово, и канонического издания его до сих пор нет.

Итак, об абаевском переводе. У Лермонтова уже ночь, глубокая ночь, у Абая же ночь только наступает: горы,

дремля, только-только погружаются в сон; над степью, нависая, опускается ночь. В первом четверостишии у Лермонтова только один глагол (“вершины спят”), у Абая, кроме глаголов “уходят” (“кетер”), “наступает” (“түн басады”), есть еще деепричастия “разнежившись”, “разомлев” (“балбырап”), дремля (“қалғып”), да и “дел-сал ып” тоже глагольная форма. Таким обилием глаголов и глагольных форм Абай показал наступление, движение ночи. Плавность, широкая, величавая поступь ночи, покой и тишина, простор чувствуются в стихотворении Абая. Мы не только видим ночь, картину ночи, как у Гете и Лермонтова, мы видим и чувствуем, как наступает эта ночь. Застывшая, статическая картина ночи в стихотворении Гете, заметно раздвинутая, оживленная, конкретизированная в переложении Лермонтова, стала в переводе Абая значительно динамичней.

В приведенной выше цитате из Белинского говорится о “тихом, успокоительном чувстве ночи после знойного дня”. Ни из стихотворения Гете, ни из переложения Лермонтова нельзя сделать категорического вывода, что ночь, нарисованная ими, — это ночь после знойного дня. Абай был знаком со статьей Белинского “Стихотворения М. Лермонтова” и, видимо, перевод “Горных вершин” был сделан уже после ее прочтения. Введенные Абаем новые слова “разомлев”, “дремля”, “разморенно-обессиленно” дают ощущение ночи именно после знойного дня.

Можно еще отметить, что лермонтовские “долины” Абай заменил “степью”. И заменил, конечно, сознательно. Долина по-казахски анжар, алап, алеап. Если же Абай вместо “даланы” написал бы “аңғарды”, “алапты” или “алқапты”, в ритме, размере стиха ничего бы не изменилось: все эти слова в исходной форме двухсложны и созвучны. Другой поэт наверняка так бы и сделал, стараясь быть точнее, ближе к тексту. Могу здесь опять-таки интереса ради — привести для владеющих казахским языком перевод “Горных вершин”, выполненный Музафаром Алимбаевым:

Макпалдай кара түндерде
Маужырап таулар мүлгиді.

Тым-тырыс, бей-жай қыр-белде
Қоңыржай мұнар сырғиды.
Бүрк етпес шан да жолдағы,
Желпінбес жасыл шалғын да.
Аялдай тұрсаң болғаны,
Тыныстар күнің алдында.

Аккуратный, старательный, поэтический перевод, имеющий право на существование. Разумеется, при переводе М. Алимбаев также руководствовался не оригиналом, а переложением Лермонтова.

Абай же по-своему осмыслил лермонтовский образ. Описывая ночь по Лермонтову, он видел, чувствовал поэзию “казахской” ночи, ночи казахской степи.

В переводе Абая “Горные вершины” прекрасно звучали по-казахски, сохранив нити духовной близости с гетевским оригиналом.

Поразительная духовная связь великих поэтов существует реально и проявляется всюду. Я это как-то неожиданно и остро почувствовал однажды, прохаживаясь по тихим, задумчивым залам Государственного музея литературы имени Алишера Навои в Ташкенте. Затаив дыхание, разглядывал я древние книги и рукописи. Их было много, больших и малых, изящных и громоздких, потемневших от времени, от пыли веков, но сохранивших краски, искусство, неповторимое мастерство и терпение известных и неизвестных художников, оформителей, каллиграфов. Сколько труда, любви и вкуса вкладывали переписчики бесценных рукописей, поэтических сборников-диванов! Причудливый восточный орнамент, выполненный на коже холодным тиснением. Изящные рисунки, густо расположенные вокруг четырех-шести строк на одной странице, покрытой золотым крапом. Тонкие, переплетающиеся линии, ажурная вязь, с величайшей добросовестностью выведенные жидким червонным золотом. Изумительные по красоте, нетленные, невыцветающие заставки... Как красиво, одухотворенно!

Можно понять Гете, который в пору увлечения поэзией Востока старательно и влюбленно копировал таинственную, как магические знаки, восточную вязь. Как бы погружаясь в старину, попадая в древний Восток — многокрасочный, бурный и яростный, созерцательный и мудрый, пестрый и шумный, я с благоговением шептал сладкозвучные имена: Навои, Хафиз, Саади, Фирдоуси, Низами, Джами, Физули. И вспомнил: ведь когда-то юный Абай, вернувшись из Семипалатинского медресе, нашептывал, точно исцеляющую молитву, эти имена на ухо любимой бабушке Зере. И я обрадовался, увидев в одном из залов в ряду великих поэтов Востока и Абая.

А ведь когда-то, еще раньше, великий Гете, впервые соприкоснувшись с семью прославленными “царями поэтов”, с такой же дрожью в сердце произносил — должно быть, на свой, немецкий, лад, с ударением на первом слоге, — эти дивные имена. Почитайте или хотя бы полистайте его “Западно-Восточный диван” и вы убедитесь в этом. Привлеку внимание читателей к тому, что в числе семи “царей поэтов” Гете называет Фирдоуси, Энвери, Руми, Хафиза, Джами, Низами, Саади. В известном юношеском стихотворении-пожелании Абая также упоминается семеро поэтов — Физули, Шамси, Сайхали, Навои, Саади, Фирдоуси, Хафиз.

Да-а... Восток с его поэзией, философией, колоритным, экзотическим бытом, яркой чувственностью в восприятии мира всегда притягивал Запад. И лучшие умы Запада неизменно стремились к сближению культур, к наведению мостов. И одним из этих гениев был Иоганн Вольфганг Гете. Это он, плененный поэзией Востока, восклицал об одинаковой божественности Востока и Запада:

Богом создан был Восток,
Запад также создал Бог!

А много десятилетий спустя эту же идею со свойственными ему страстностью и решительностью выскажет наш современник Олжас Сулейменов:

Нет Востока,
И Запада нет,

Нет у неба конца.
Нет Востока,
И Запада нет
Два сына есть у отца.
Нет Востока,
И Запада нет,
Есть
Восход и закат.
Есть большое слово ЗЕМЛЯ.

Неразрывна связь времен, и большие поэты всегда созвучны и родственны духом, ибо их объединяет и роднит Поэзия — поистине божественная тайна, божественное чудо.

Абай не только перевел “Ночную песнь странника” на казахский язык, но сочинил к ней музыку, тягучую, широко-распевную, величавую, и вряд ли можно найти казаха, который не знал бы мудрой, степенно-мелодичной песни. “Темной ночью горы, дремля...”

В 1958 году в Джамбульской области, в Байкадаме, где тогда учительствовал, я как-то рассказал обо всем этом старому педагогу Э. И. Шуллеру, и тот вдруг своим рокочущим низким басом затянул: “Über allen Gipfeln...” Мне до сих пор неведомо, кому принадлежит музыка, написанная на слова Гете. Может, композитору Цельтеру, другу поэта? Меня поразило то, что начало музыки к немецким словам удивительно созвучно абаевской мелодии. Та же тональность, та же медленная, глухая, постепенно нарастающая распевность. Откуда такое созвучие? Как возникла эта начальная непостижимая схожесть? Может, и тут сказалась таинственная родственность муз?

Не знаю.

(Здесь в скобках замечу, что многие годы спустя большой библиофил и тонкий знаток немецкой культуры Ойген Хильдебрандт представил мне сведения о немецких композиторах, написавших музыку на слова “Ночной

песни странника”, с подлинной немецкой аккуратностью и дотошностью указав все источники, откуда он приводил эти данные. Вот эти композиторы: Фридрих Кулау, М. Гауптманн, Вильгельм Рудник, доктор Е. Р. Кюне. Но я где-то читал, что Цельтер также написал мелодию на эти стихи...)

Одно бесспорно — нечто магически общечеловеческое в этой распевной мелодии Абая. Не потому ли ее так охотно поют казахи, оказываясь в кругу своих друзей-европейцев? Не потому ли они тоже улавливают в абаевской песне нечто близкое, родственное? Вот Абдижамил Нурпеисов вспоминает: “Было это в Париже накануне рождественских праздников. После какого-то молодежного концерта повели меня в дом художавого бородатого композитора. Народу собралось немало, и после легкого угощения мы начали петь и пели охотно и долго, пели в одиночку и все вместе. Обстановка была удивительно теплая, дружеская, настроение — приподнятое, и меня, по природе замкнутого, охватила вдруг приятная легкость, и я тоже подпевал, подтягивал, как мог, потом, отважившись, спел песню Абая “Темной ночью горы дремлют”, сложенную на стихи Гете и переведенные им же, Абаем, на казахский язык. “Неужели это сочинил казах? — удивился кто-то из гостей.— А мелодия вроде европейская...” Я улыбнулся, вспомнив поразительный, поистине уникальный случай, выпавший на долю известного гетевского стихотворения...”¹.

Созвучие... Оно во всем. В природе. В музыке. В поэзии. В возвышенных порывах и в благородных страстях. В людских сердцах. В человеческой речи.

Сказано поэтом:

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых.

(Лермонтов)

¹ “Созвучие... Алма-Ата, “Жалын... 1982, стр. 5.

Существует созвучие духа. Созвучие таланта. Единство разноречия.

И об этом речь...

Вот, скажем, Гете и Абай. Внимательного, со зрячей душой читателя не может не волновать определенная близость этих двух великанов человеческого духа. И даже в разной тональности их мировосприятия и миропонимания невольно мерещится некое родство, некое созвучие, достойные серьезного изучения и разговора. Вчитывайтесь в поэзию Гете и Абая, читайте вдумчиво максимы великого германца и гаклики великого степняка — сколько созвучия, сколько перекличек мыслей и чувств, сколько взаимопонимания и душевной близости! Эта родственная близость двух гениев очевидно прослеживается и в настойчивых поисках гармонической целостности через искусство, через Слово, способное успокоить, утишить душевную смуту, и в недовольстве убогой действительностью, ничтожеством среды — германской или казахской, и в желании преодолеть это убожество путем эстетического, культурного, просветительского воспитания, в ощущении значимости своей личности, своей роли, в горьком сознании своего одиночества. Поэты отлично знали себе цену. Гете пишет в дневнике: “Но, к сожалению, я чувствую свои тридцать лет и свое мировое значение!” Дальнейшая жизнь и деяния его доказали, что он имел право на такое признание. Абай роняет в одном стихотворении: “Не проста, джигиты, суть моя”. И он, как мы знаем, не преувеличивал, говоря о своей сути, о своей тайне, о своей загадочности.

Они, Гете и Абай, были выразителями своей эпохи. Они олицетворяют дух Времени И этим, думается, объясняется их родство.

Велики притягательность и обаяние песни “Темной ночью горы, дремля...” — Ее поют и поныне повсеместно, и в одиночку, и хором, на пиру, в часы отдыха, на сцене художественной самодеятельности и Оперного театра, и

неизменно волнует, завораживает она разноязыких потомков, удивляет, сближает людей — детей разных народов. Иногда самым неожиданным образом.

В 1970 году в Алма-Ате гостили литераторы из ГДР, и в один из ясных, солнечных дней казахские друзья и коллеги повезли их в горы, и там в густой прохладной тени тяньшаньских елей, у подножья холма со звонкой горной речкой известная казахская поэтесса Турсынхан Абдрахманова неожиданно для всех во весь свой сильный и красивый голос запела “Қараңғы түнде тау қалғып...” Гостя из ГДР, писательница Рут Крафт, вначале подумала, что Турсынхан поет свои стихи, но узнав, что она пела, пришла в восторг. “Как? Гете?! Здесь, в Казахстане, в горах Алатау!!!” — воскликнула она, и ей в этот миг почудилось в глазах певицы отражение зеленых и пышных холмов Тюрингии. И еще поразительным ей казалось, что гетевские стихи, переведенные и положенные на музыку Абаем, так естественно и привычно, словно у себя дома, звучат в горах близ казахстанской столицы. Об этом — о своих впечатлениях и чувствах — Рут Крафт написала позже лирический очерк, озаглавленный “Друзья у Алатау” и опубликованный в “Нойе Дойче Литератур” (1970, № 8).

Подобных фактов немало. Они, эти факты, а также собственные какие-то наблюдения и переживания, навеянные миниатюрой Гете и ее переводами на русский и казахский языки дали мне повод написать небольшой рассказ, в котором вымышленный мною герой, капитан Ержанов, в первый послевоенный год по воле моей фантазии совершает прогулку на Кикельхан, чтобы осуществить юношескую мечту — поклониться гетевским местам. Я живо представил, как молодой филолог-казах, за четыре года войны счастливо сохранивший восторженную восприимчивость и пылкость натуры, после прогулки, приятно взволнованный, стоит в одиночестве на зеленом увале и неожиданно для самого себя, низко и тягуче, поет:

Темной ночью горы, дремля,
Уходят в сон, разнежившись...

“Он пел восторженно, радуясь тому, что жив, молод и полон сил. Над застывшими лесами Тюрингии и холмами близ Ильменау, помнившими Гете, поплыли — аллах свидетель, наверняка впервые — слова и музыка Абая, и это было прекрасно и возвышенно. Казалось, упойтельная ночь казахской степи на широких крыльях опустилась вдруг на склоны немецкой горы, и все вокруг жадно и благоговейно внимало гортанным звукам неведомого языка народа из безбрежных просторов Моргенланда — Утренней страны. В эту ночь, легко преодолев непостижимое пространство, прилетела смутлолицая муза Абая на свидание с духом Гете, и Ержанов чувствовал себя невольным и единственным свидетелем этого события.

Песня гетевского странника, вобрав в себе ковыльно-попынный аромат раздольных степей, облачившись в величаво протяжные звуки, пришла сюда, на холмы Ильменау, чтобы отдать полный достоинства салем, который Восток посылал Западу.

Плыла-парила над Тюрингией песня Абая на его родном языке. И Ержанов испытывал сейчас необъяснимую гордость за Абая, за его слова, за свой народ, за эту задумчивую песню, которую, как ему казалось, он пел впервые в своей жизни так широко и проникновенно. Салем тебе, Гете! Салем тебе, великий поэт, от нашего великого Абая...”

Но тогда, когда я писал этот рассказ, придумав капитана Ержанова, я и не догадывался о том, что мне вовсе не надо было выдумывать героя, что жизнь, как давно замечено, богаче вымысла художника, и что реальный прототип моего Ержанова находился в буквальном смысле под боком, на расстоянии одной троллейбусной остановки, и я с ним годами встречаюсь едва ли не ежедневно, и зовут его Калмухан Исабаев — мой старший товарищ и коллега по перу.

И тут я должен поведать о том, как окрестности Ильменау, прочно связанные с памятью великого веймарца, как творчество Гете и — особенно — его “Ночная песнь странника” причудливо и счастливо сплелись с судьбой казахского писателя Калмухана Исабаева.

Случилось так, что в 1949-55 годах молодой советский офицер Калмухан Исабаев нес службу по охране мира на территории ГДР. Он стал другом строителей нового немецкого государства, другом тех, кого потом в бывшей ГДР называли “активистами первого часа”. А Ильменау с его удивительной историей особенно и издавна волновал и привлекал его. Здесь К. Исабаев глубже познал жизнь, обрел много друзей и как бы душою прикоснулся к живой реальности, одухотворенной гением бессмертного Гете. Калмухан нередко ходил по окрестностям тихого, уютного городка, поднимался па вершины Габельбах и Кикельхан, подолгу любовался историческим охотничьим домиком и зарисовал его.

Позже Калмухан вспоминал: “Когда я поднялся на второй этаж охотничьего дома Гете, передо мной простиралась вечерняя Тюрингия, и я не удержался — спел песню Абая, в которой он в одном из уголков земли обесмертил строки Гете”.

Возможно, именно тот благодатный край, воспетый еще Гете, и бережливая память народа о Поэте разбудили в молодом офицере-казахе писательский дар. Как бы там ни было, многие сюжеты, характеры и идеи его будущих произведений рождены опытом войны и впечатлениями от пребывания в Ильменау.

Демобилизовавшись и приехав в Алма-Ату, Калмухан Исабаев с головой окунулся в житейские заботы, учился, работал, писал свои рассказы и повести, но неизменно вспоминались ему полубившиеся далекие места в небольшом округе Зуль, вспоминались ему верные друзья, а чаще всего — тропа по зеленым холмам к знакомому охотничьему домику, та самая тропа, по которой некогда хаживал Гете и в молодости, и в преклонном возрасте. И еще с волнением вспоминалось, как взобравшись на вершину холма, молодой офицер с тоскою представил далекий родной край — красочный Баянаул — и помимо воли запел тогда во весь голос напев Абая — “Темной ночью горы, дремля...” Тогда-то и зародилась мечта вновь приехать туда, где прошли памятные годы, и увековечить когда-нибудь на Габельбахе волнующие строки Абая.

Мечта эта осуществилась через двадцать пять лет — в июле 1979 года.

Получив приглашение Союза писателей ГДР, К. Исабаев сразу решил, что поедет прежде всего в Зульский округ, в Ильменау, поднимется непременно на вершину Габельбаха и повезет с собой в дар местному музею Гете мраморную плиту, на которой выбит текст “Ночной песни странника” в переводе Абая, а также магнитофонную запись песни в исполнении известного певца Магавьи Кошкинбаева в его собственном аккомпанементе на домбре.

Встреча с немецкими друзьями после двадцатипятилетней разлуки глубоко взволновала казахского писателя. Все ему в том краю было знакомо и одновременно ново. А подлинным апогеем его нового свидания с окрестностями Ильменау был торжественный митинг, организованный 22 июля 1979 года в его честь в зале заседания гетевского музея в Габельбахе. В присутствии партийного руководства округа и района, известных ученых, деятелей и представителей общественности после горячих приветствий, речей и концерта в музее была установлена мемориальная доска с абаевским текстом “Ночной песни странника”. Сверху текста на фоне силуэта была выбита надпись: “Гете. Вандрерс Нахтлид. 1780.— Лермонтов. Горные вершины. 1840.— Абай. Түнгі тау. 1892”. Собравшиеся с большим вниманием и интересом выслушали распевную мелодию Абая, улавливая в проникновенном бархатном баритоне певца созвучный гетевскому ночному страннику душевный настрой.

Отныне 60-70 тысяч людей — такова средняя посещаемость музея Гете в Габельбахе в год — покидают древнюю обитель великого поэта под раздумчивый напев Абая — “Темной ночью горы, дремля...”

Тогда же было замечено, что это первый случай, когда гетевское творение, переведенное на другой язык, вернулось к своему месту рождения. А первым секретарем Ильменауского районного комитета СЕПГ товарищем Хайнцем Кохом был дан банкет в честь Абая. Банкет в том же зале знаменитого ресторана, в котором 26 августа

1831 года Гете, специально приехав из Веймара, отметил свой последний день рождения.

Счастливым и помолодевшим вернулся тогда из Германии Калмухан Исабаев. Торжественный акт по поводу установления казахским прозаиком мемориальной доски в музее Гете получил широкое освещение в печати тогдашних ГДР и СССР. Живо рассказал об этой своей поездке и о том памятном событии и сам автор. А сколько писем, восторженных откликов было получено писателем от граждан ГДР после того знаменательного акта на Габельбахе!

Менее чем через год, в мае 1980 года по случаю 35-летия освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма Калмухан Исабаев был вновь приглашен в ГДР. И опять он был почетным гостем Зульского округа, и вновь он посетил тот благословенный край земли — “зеленое сердце Тюрингии”. И на этот раз писатель отправился в музей Гете не с пустыми руками: привез выполненный им самим портрет Абая Кунанбаева с нотной записью его напева “Темной ночью горы, дремля...” и домбру с надписью на русском и немецком языках под небьющимся стеклом: “Первый в Азии переводчик Гете — поэт и композитор Абай на таком музыкальном инструменте сочинил музыку к “Ночной песне странника”. 6 мая 1980 года этот дар был вручен писателем окружному отделению Культурбунда, о чем на следующий день сообщила газета “Фрейес Ворт”.

Знаменательный этот случай натолкнул земляков Абая на мысль установить памятник бессмертной песне. И вот летом 1983 года “исключительно по требованию населения”, как отмечала местная печать, такой памятник был установлен в центре Абаевского района Семипалатинской области Казахской ССР — в городе Карауле. На барельефе — портреты великих поэтов — Гете, Лермонтова, Абая и полный текст “Вандрерс Нахтлид” на немецком, русском, казахском языках. Место это названо “Аллеей поэтов”.

На торжества по случаю 40-летия Дня освобождения руководство Зульского округа вновь пригласило Калмухана

Исабаева в ГДР. На этот раз он подарил Веймарскому гетевскому музею собственноручно изготовленный оригинальный планшет “Казахские переводчики Гете”. Планшет богат информацией: портрет Абая работы Калмухана, фотокопия из рукописи Мурсента, нотная запись “Ночной песни странника”, фотокопия постановления Исполкома городского Совета народных депутатов г. Семипалатинска о переименовании улицы Гражданской в улицу имени Иоганна Вольфганга Гете, фотография обложки “Избранной лирики” Гете на казахском языке, фотографии барельефа в г. Карауле, фотокопия страницы из “Фауста” в казахском издании, портреты основных переводчиков Гете на казахский язык — К. Бекхожина, К. Шангитбаева, С. Иманасова, М. Курманова, А. Егеубаева с перечислением названий переведенных ими стихов Гете на немецком и казахском языках.

Благодаря энтузиазму и стараниям неутомимого К. Исабаева улицам в городах Семипалатинске, Целинограде и Абае присвоено имя Гете.

Стоило это Калмухану, понятно, немало хлопот. Но энтузиазм местного населения был трогателен и исключителен. В г. Абае, например, этому событию был посвящен многолюдный митинг. И я испытываю гордость за мой Казахстан, где великому немцу уделено столько внимания. И огорчен тем (вместе с Калмуханом), что, подобный благородный, человекодостойный порыв все еще не находит ответного шага с германской стороны.

Нам кажется вполне уместным и целесообразным присвоение одной из улиц какого-нибудь городка Тюрингии имени великого казаха — Абая. Или, скажем, совместного, “парного” наименования — Гете-Абай-штрассе. Увы, наши старания пока еще не увенчались успехом¹.

¹ Эти строки были написаны почти два десятилетия назад. Мечта К. Исабаева все-таки сбылась. 19 февраля 2000 г. в Берлине появилась улица Абая. На торжество по этому случаю в Берлин был приглашен Калмухан Исабаев. Он выступил на церемонии с речью. Все перипетии многолетней этой акции он потом обстоятельно описал в книге “Берлин.Абайштрассе” (Алматы, 2002г.)

Рассказанное мною выше — одна лишь деталь из обширной истории культурных связей народов, маленький, но примечательный факт, нашедший добрый отзвук в сердцах людей. Факт, характеризующий созвучие духа. Единство разноречия.

...Плывет над ночным аулом дивный напев Абая. Словно откуда-то с вышины спокойно и ровно льется голос певца.

Подожди немного,
Отдохнешь и ты...

Счастливой оказалась судьба у гетевского странника. Его ночную песню услышали во всех странах, на всех континентах. Она прозвучала на многих языках. И всем стала доступной и понятной. Услышали и подхватили ее и великие поэты Лермонтов и Абай, бережно, с любовью донесли каждый до своего народа. И теперь, через века и расстояния, плывет она над степью, над долинами и увалами гор, славя мир и тишину, обещая всем странникам на земле желанный покой.

1970-1986 гг.

КАЗАХСКОЕ СЛОВО

Тіл — көңілдің кілті

Язык — ключ к душе человека

Жаксы сөз — жарым ырыс.
Доброе слово — половина блага.

Казахская поговорка

Поводом для написания этих беглых заметок послужила давняя потребность поделиться с так называемым русскоязычным читателем своими многолетними наблюдениями о некоторых качествах, своеобразиях и достоинствах казахского речестроя.

Уже несколько лет не выходит у меня из головы одна, не очень приятная, встреча с эмиссаром из ЦК КПСС по фамилии Мищенко (а, может, Тищенко или даже Нищенко, точно уже не помню), который, прибыв по горячим следам декабрьских событий 1986 года из Москвы, пригласил меня на конфиденциальную беседу в ЦК КП Казахстана, чтобы я — как человек нейтральный («*ара ағайын*») и имеющий определенные представления о казахском языке (как-никак переводчик казахской художественной прозы) — просветил его по части лексического запаса казахов, так как накануне некий доморощенный «знаток» языка доверительно сообщил ему, что казахский язык состоит всего из 200 слов (ни больше, ни меньше). Чувствовалось, что Мищенко (кстати, вел он себя как хозяин Казахстана) очень хотелось, чтобы я это авторитетно подтвердил: да, так и есть, казахский язык, о котором вдруг стали так остромерно и много говорить, состоит именно из 200 слов.

Я это утвердить не мог и тем самым не оправдал надежд и доверия высокого гостя. Более того, пустился, помимо воли, в длинные рассуждения о природе казахского языка, ссылаясь на суждения и авторитеты академиков Бартольда и Радлова, помянул и Янушкевича, обрушил на голову рассеянного слушателя поток примеров, и разочарованный, раздосадованный представитель-инспектор ЦК КПСС, оборвав меня и сдержанно поблагодарив, отправил восвояси.

Легенда (лживая и унижительная) о бедности и скудости казахского языка внедрялась в сознание общества десятилетиями (если не столетиями). Она пустила очень глубокие корни даже среди вполне порядочных, образованных, либеральных людей. Помню, как примерно в то же время один известный московский критик-литературовед, знаток европейских языков, в перерыве на одном из переводческих семинаров отвел меня в сторонку и поинтересовался: «Скажите, только честно, казахский язык действительно язык или скотоводческий диалект узбекского?»

Я растерялся от такого вопроса.

Позже ГДР-овский журналист, общительный бородач, за дружеским застольем без подвоха, совершенно искренне спросил: «Есть ли слово «любовь» у казахов и соответствует ли это понятие у них европейскому?»

И ты, Брут?!

От удивления я, выражаясь по-казахски, схватился за воротник.

Поистине: невежество — бич разума.

То, что досужее мнение, будто казахский язык скуден и беден, — ложь и кошунство — еще не главная беда. Главная беда в том, что в эту легенду со временем уверовала и значительная часть так называемых носителей языка. Которые в сущности ими не были. Или не являются. Но которые эту легенду вольно или невольно, сознательно или несознательно всячески тиражировали.

Я всегда испытываю стыд и неловкость оттого, что иные казахи, по тем или иным причинам давно отлученные от этнических корней, от родного языка, с апломбом говорят о его скудности.

В последние пятнадцать лет (особенно!) языковая буря в Казахстане не утихает. Страсти бушуют повсеместно. Ищут виновных в бедственном положении языка. В печати теребят косноязычных мажилисменов и безязыкое правительство. Ударяются в крайности. Разоблачают мнимых врагов и друг друга. Хватаются за палицу, которую поднять не в силах. Увесистые тумакни достаются нерадивым. От «манкуртов» летят клочья. В пылу спора незаслуженно достается и русскому языку — выразителю «имперского» зла. Случается, шипают и неведомых, но якобы вездесущих «масонов». Косяками рождаются беспомощные концепции и беззубые программы развития государственного языка. Пишутся серьезные и не очень статьи в защиту его (от кого? от чего?).

Все понятно. Все логично. Все объяснимо.

Сказать, что воз и ныне там, что реальных сдвигов нет, было бы неправильно. Несомненно, есть позитивные результаты. Свидетельствую: аура казахского языка заметно расширилась именно в последние годы. Все больше говорят на казахском языке. Все более конкретно заботятся о нем. Растет его востребованность.

И хотя все понимают: возрождение языка никак не произойдет в одночасье, нужны терпение, старание, условия, постоянные усилия, общественная, государственная, индивидуальная воля, нужна непроходящая, повседневная, взыскующая любовь к главному богатству народной души, все же сплошь и рядом, печатно и устно слышны нарекания, недовольства, ропот и отчаяние по поводу медленного, слишком медленного восстановления и развития родной речи. Казахи, на мой взгляд, вообще максималисты, им выдай сразу все и в полной мере: и независимость, и свободу, и достаток, и расцвет по всем параметрам. Казах предпочитает хотя бы один день быть бурой (верблюдом-самцом), чем тридцать дней атаном (кастрированным рабочим верблюдом).

Увы, так не бывает.

Казахскому языку лишь сравнительно недавно придан государственный статус, и, понятно, государственным в

полном, желаемом смысле и объеме он пока не стал. Однако, если народ захочет, если народ, от мала до велика, в том заинтересован — станет.

Поэтесса и депутат Мажилиса Фариза Онгарсынова назвала его с болью «государственным сиротой». Она, может, и недалеко от истины, и пафос ее заявления, полагаю, разделяет большинство ее сограждан, однако, главную вину сиротства следует, убежден, искать прежде всего в самих носителях этого языка или, точнее, среди тех, кто по этническому происхождению должен бы быть носителем. Российских немцев, развезенных по городам и весям империи в недобрые времена, сурово преследовали за то, что они «шпыхали» на родных диалектах. Казахам же на их земле, в их независимой стране, слава Аллаху, за стремление к родному языку не преследует никто. И об этом следовало бы помнить везде и всюду. «Империя», конечно, большое зло, но в национальной нерадивости она виновата лишь отчасти.

В силу своего воспитания и профессии литератора-переводчика, по своей определенной причастности к культуре коренных казахстанцев я давно и принципиально ратую за развитие и расцвет казахского языка, ибо глубоко сознаю, что он того достоин. Но смотрю на эту проблему более радужно, уверенный, что за последние годы заложен совсем неплохой фундамент для достижения вожаемой цели и полагаю, что если не упустить, не пригасить инерции возрождения, восстановления, то со временем, через, скажем, два-три десятилетия можно будет говорить о серьезных результатах на этом пути.

Не нужно только постоянно — извините — скулить, скорбеть, нудить, разводить вселенский плач, убиваться, сетовать, кого-то обвинять и проклинать, а методически, шаг за шагом, целеустремленно, изо дня в день, на всех уровнях добиваться желаемого. Абаевское кредо «*ақырын жүріп, анық бас*» («идя медленно, ступай уверенно») в этом случае весьма кстати. Для этого есть все основания и все возможности. О том, на мой взгляд, красноречиво свидетельствует недавно обнародованная «Государствен-

ная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы». Главное достоинство этой программы в том, что она не ущемляет множества языков в Казахстане, а настроена на оказание поддержки казахскому языку, чтобы он мог в полной мере выполнять функции государственного.

Своими скромными разрозненными заметками, наблюдениями, замечаниями по поводу и без повода хочу также внести свой посильный вклад в решение этой сложной и ответственной проблемы.

Хочу поведать своим гипотетическим читателям о своем понятии, представлении, ощущении относительно особенностей и богатства казахского речестроя, надеясь, что это может быть интересно и для русскоязычных, и для тех, кто не совсем в ладу с родным языком.

Хотя я и вырос в казахской среде и живу в Казахстане 60(!) лет, но все же по происхождению являюсь российским немцем, то есть, в какой-то мере как бы наблюдателем со стороны, а со стороны, говорят, все виднее, человек со стороны, иного рода-племени, случается, подмечает то, что не всегда видит тот, кто повседневно варится в своем национальном казане.

Я не стану придавать своим запискам строго систематический, научный вид, это не учебник, не пособие, не путеводитель, не «методичка», это именно записки, вольное изложение своих наблюдений, родившихся в течение многих лет. Нередко это — разрозненные заметки из записных книжек разных лет или пометы на полях прочитанных книг, и буду излагать свои наблюдения абсолютно вольно, как Бог на душу положит, а читатель вправе их читать, если охота, как ему заблагорассудится — с начала, с конца, соглашаться или оспаривать, дополнять и расширять их по мере своих познаний.

Словом, это непритязательная, вольная беседа с неравнодушным читателем.

И еще: я постараюсь быть лаконичным, дабы не утомить уважаемого собеседника. Известно: веревка хороша длинная, а речь — короткая.

II

Was Hänschen nicht lernt, ternt
Hans nimmermehr
Что Гансик не выучил, тому
Ганс не научится.

Немецкая поговорка

1941-й год. Война. Осень. Холод. Нужда. Неопределенность и страх. Мы, спецпереселенцы с Волги, живем сиротливо при медпункте в казахском ауле на берегу Есиля (Северный Казахстан).

Отец, фельдшер, обслуживает ближайшие населенные пункты. Мама обменивает свои городские «наряды», остатки бывшего благополучия, прихваченные при депортации, казашкам-соседям на молоко, пшено, ячмень, шерсть. Я играю с казашатами-сверстниками и запоминаю первые казахские слова: *бар, жоқ, кел, бер, жүр, нан, айран, ет, ат...* Иногда в рифму: *жол — дорога, сиыр — корова, жүген — узда...* Далее нечто непотребное, непечатное, доселе неслышанное. «Либер Гот!» — поражается мама. Отец поощряет мои старания. «Пригодится...» Меня учат все охотно и увлеченно. Все аулчане — от сорванца Аскера до подслеповатого дяди Тайшика — мои учителя.

Ежедневно хожу с солдатским котелком к соседям за молоком. Смешливые и приветливые сестры-погодки Кульшара и Кульбара Касымовы тоже учат меня казахским словам. Им это доставляет удовольствие. Они «крутят» мой язык и хохочут от души. Называют меня то «Гера», то «Кира», то «немыс-бала» и угощают сушеным кислым сыром и жареной на бараньем сале пшеницей. Ничего подобного на Волге не ел. Вскоре я узнаю, что молоко по-казахски — *сүт*, а из коровьего молока готовят «агарган» — «белую пищу»: *айран, қатық, қаймақ, бал қаймақ, ақ қаймақ кілегей, белый иримчик, красный иримчик, қойыртпақ, іркіт, сарысу, тасқорық, шалап, уыз, сірне, құрт, ежігей, сықпа, сүзбе*; из кобыльего молока — *қымыз*, из верблюжьего; *шубат, кымыран*, которых тоже бывает десятки видов.

Ни в русском, ни в немецком языках не подберешь для всех этих названий адекват. Приходится прибегнуть к описательному, разъяснительному переводу. И это открытие поражает.

Начинаю вникать в смысл названий близлежащих аулов, входящих в радиус обслуживания моего отца. Как метко и поэтично! «*Көктерек*» — зеленый тополь. «*Терең сай*» — глубокий овраг. «*Қаратал*» — черная ива. «*Жаңа жол*» — новый путь. «*Жаңа талап*» — новое стремление, новая цель. «*Өрнек*» — узоры. «*Алқа ағаш*» — лес-ожерелье. «*Ақ су*» — беловодье. «*Жаңа су*» — новый источник. Видно, казахи — большие мастера по определению, характеристике местности. Точнее не скажешь. Точно и картинно! И мне это интересно.

Годы спустя я узнаю, что многие русские, по фонетическому облику, названия местности — на самом деле неузнаваемо искаженные казахские слова. Ганюшкино — оказывается, «*Қан ішкен*» (место побоища, где проливалась кровь), а ущелье «Комиссар» на самом деле «*Кім асар*» (буквально: «Кто одолеет?»). И таких казусов окажется в Казахстане — пруд пруди.

Название старинных казахских поселений раскрывает их биографически сущностный признак: «*Қара өткел*» — черный брод; «*Ақмешіт*» — белая мечеть; «*Ақмола*» — белый холм, белая возвышенность; «*Қараганды*» — караганник, заросли караганника; «*Жезқазған*» — медь копали; «*Екібастұз*» — «две головки соли»; «*Ақтау*» — белая гора; «*Қаратау*» — черная гора; «*Алатау*» — пестрые горы; «*Көкшетау*» — синие горы; «*Алматау*» — яблоневые горы; «*Қызыл жар*» — красный яр и т.д. Ничего случайного! Точно, образно, исчерпывающе.

Несколько десятилетий назад, когда Аральское море было еще в силе, красе и могуществе, я бывал в тех краях, и мне рассказывали о гряде островков, которые назывались «*Қыз қашқан*» («девушка сбежала»), «*Қыз құған*» («за девушкой погнались»), «*Дамбал қалған*» («штаны остались»). Целая картина. Пиши хоть повесть, хоть драму.

А какого смысла и красоты, значения и желания исполнены казахские собственные имена! Каждое имя —

целый мир. Ну, какие имена были в немецких селах Поволжья? Сплошь и рядом: Иоганн, Иоганнес, Фриц, Петер, Вильгельм, Христьян, Хайнрих, Карл, Анна, Магдалина, Амалия, Маргарита, Виктория, Ольга... Конечно, как я потом узнаю, и эти христианские имена имеют свое значение, свой смысл. Но выбор-то совсем невелик, и случалось, в многодетной немецкой крестьянской семье одного звали Иоганн, другого Иоганнес, третьего — Ганс, одного — младший Фриц, другого — большой Фриц. Все собственные имена вертелись вокруг двух-трех десятков. Даже Рейнгольды и Рейнгарды, как слишком интеллигентные, городские, встречались не так уж часто.

А у казахов имен столько, сколько и слов. А, может, даже и больше, если учитывать заимствования из арабского, персидского, монгольского, тюркского и других языков. Казахи неистощимы в придумывании имен для своих детей. Все учитывается: род, местность, время года, предки, какой-нибудь знаменательный случай, желание, мечта, намек, традиция, созвучие, благословение, житейская деталь, даже какой-нибудь казус. Все грани бытия, все проявления и параметры человеческой жизни, все аспекты нравственного и духовного бытования, все оттенки поэтического восприятия беспредельного мира, история собственная и заемная, вплоть до звукоподражания и инородных, иноязычных терминов, до сокращенных слов и аббревиатур, причудливых образований — все, все находит отражение в казахских собственных именах. Казахская ономастика — удивительная, поразительная, увлекательная наука.

Если я начну приводить примеры, то моим запискам не будет конца... Тем более на тему казахской ономастики много писал профессор Телькожа Жанузаков. Блистательное эссе «У каждой эпохи свои имена» опубликовала несколько лет назад в «Казахстанской правде» Такура Жаксыбай. Разные справочные материалы о значении казахских имен можно найти в словарях. Будучи студентом, а позднее учителем, и я одно время сильно увлекался сбором казахских имен, собрал их в разных областях несколько тысяч, систематизировал их, интересовался их

этимологией, имел десятки корреспондентов, которые со всех сторон присылали мне списки имен родных и близких. Потом, став аспирантом, я узнал, что этим же более научно и серьезно занимается сотрудник Института языкознания Академии наук Казахской ССР Т. Жанузаков, к тому же мне почудилось, что тема эта беспредельна — все равно, что собирать все слова на свете, и я охладел к своему своеобразному хобби.

Чтобы не повторять известное, я ограничусь здесь лишь двумя-тремя случаями из моей личной практики во время сбора казахских имен.

В пору моего учительствования в районном центре Байкадам Джамбулской области я квартировал у вдовы по имени Кармеш. Я сразу записал это редчайшее (если не единственное) имя в свой фолиант и долго ломал голову: что оно означает, откуда пришло. Исчерпав свои познания по части этимологии, я обратился к носительнице этого имени. И она поведала его историю. Родилась она в 1925 году в глухомани. На шильдехану (праздник по случаю рождения ребенка) пригласили русского гармониста из соседнего села. Братишка-несмышлениш новорожденной с удивлением тыкал в гармонь и все спрашивал: «*Бұл не?*» («Что это?»). Взрослые отвечали: это гармонь, гармошка. «А-а, — возликовал мальчишка, — кармошке, кармеш, кармеш!» Это слово в устах любимца-мальца так обрадовало взрослых, что они тут же нарекли новорожденную небывалым именем — Кармеш. Вот и вся этимология! И вся история!

Другой случай. В начале 50-х годов у преподавателя казахской литературы нашей школы, большого оригинала и выдумщика, родилась девочка. До нее появились в семье на свет двое мальчиков. Первого называли *Бейбит* (Мир), второго — *Омир* (Жизнь). Я был на той шильдехане и помню затянувшийся спор: какое же имя дать девочке. Неожиданный выход нашел сам отец. Бейнегуль! Да, да, *Бейнегул* («Подобная цветку»). Красиво, звучно и — главное — со смыслом. Сложилась первая строчка стихотворения: *Бейбіт Әмір — Бейнегул*, то есть, Мирная Жизнь подобна цветку. Ну, не красиво ли? Имена трех детей

аульного учителя сложились в картину мироздания, в философию: Мир и Жизнь подобны цветку. Неразрывное триединство!

Я уже не удивлялся тому, что у казахов встречаются имена: Коммунар, Съезд (*Сиязбек*), МТС, Лениншил, Колхозбек, Совхозбек, Социал, Коминтерн, *Мәскеубай* (сын родился, когда отец ездил на ВДНХ в Москву, вот и *Мәскеубай*), Маркс, Энгельс, Октябрь, МЭЛС, Марэлс (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), Гегель, Идеал, Арарат, Гений, Меркурий, Генерал, Маршал, Берлин, Париж, Талант, Сунь-Ят-сен и т.д. и т.п.

Абдижамил Нурпеисов рассказывал мне, как в одном аральском колхозе в послевоенное время встретился ему мальчуган по имени ... Сталин. Сидели как-то гости в какре (плоскокрышная мазанка) и вдруг слышат громкий вопль хозяйки: «Эй, Сталин, будь ты неладен! Куда ты провалился, негодник?! Ох, задам тебе трепку! — Ста-лин-ай, ты что теленка отпустил? Он же все молоко выцедит! Ах, Сталин, Сталин, дурачок! Чтоб тебя...» Гости опешили, переглянулись. Усатый вождь был еще жив. И шутки с ним были плохи. Хотя и был он силен в языкознании, но в казахской ономастике разбирался слабовато. Придя в себя, гости посоветовали хозяевам срочно поменять имя своего непутевого отпрыска.

Но вот встретилось мне имя Полас, и я опять был в недоумении. Что сие означает? Выяснилось: сокращение первых букв от Пушкин, Островский, Лермонтов, Абай, Сабит. Родитель, как видно, был книголюб и грамотей.

Словом, форма образования имен у казахов безгранична. Казахские имена отражают быт, эпоху, социальные потрясения и высшие человеческие идеалы.

Элементы этого феномена открылись мне в детском возрасте, когда я впервые очутился в казахском ауле, а поражают, удивляют меня до сих пор, когда я уже благополучно преодолел возраст Пророка.

* * *

И еще одно открытие моих детских лет: как поют в аулах! Самозабвенно, задушевно, охотно, подзадоривая,

поддерживая, вдохновляя друг друга, восклицая: «*Уа, де*», «*Ой, жаса*», «*Ай, дегенің-ай*», «*Ай, азамат*». Песни раздольные, широко льющиеся, проникновенные, протяжные, то печальные, то ликующие. Не у всех есть голос, но поют все. Поют в одиночку, иногда попарно, втроем, даже хором — но в унисон. На Волге, в немецких селах, тоже охотно пели, но там культивировали многоголосье. Заранее, бывало, распределяли: ты ведешь первую партию, ты — вторишь, ты подпеваешь третьим голосом. Получалось удивительно многоцветно. А в аулах поют главным образом в унисон. Поют при каждом удобном случае и даже в одиночку, когда человек едет верхом или на телеге, пасет скот или прядет шерсть. Многие годы спустя прочту у Г.Н.Потанина, друга Чокана Валиханова, большого знатока казахской культуры: «Мне чудится, что вся казахская степь поет». А в школе заучиваю наизусть абаевские строки:

Туғанда дүние есігін ашады өлең,
Өлеңмен жер койнына кірер денек...

В переводе П. Карабана это звучит по-русски так:

Двери в мир открыла песня для тебя.
Песня провожала в землю прах, скорбя.

Об этом я узнаю позже. А пока в родном ауле я начинаю различать «*Ләйлім шырақ*», «*Сырымбет*», «*Ақ сиса*», «*Қамажай*», «*Құлагер*», «*Ғалия*», «*Қаракесек*», «*Паровоз*». В смысл, в слова этих песен не вникаю, но мелодию улавливаю и стараюсь ее воспроизводить на мандолине. А однажды мы трое — отец на скрипке, мать — на гитаре, я — на мандолине — сыграли в школе «*Қамажай*». Боже, какая буря восторга обрушилась на нас! Мы сразу и бесповоротно завоевали расположение аулчан. Красивы казахские песни. Жаль, что не понимаю слов. Но понимание скоро придет. Лица аулчан светлели, когда они пели. Глаза сияли. А ведь шла война, жили скудно, и радость была редкой гостьей.

... В аспирантуре мне попадется на глаза статья востоковеда и педагога А. Алекторова «Киргизская песня». И я удивлюсь, как зримо и точно воспроизвел он свои впечатления от слушания казахской песни и как это созвучно моим детским ощущениям.

«На дворе шумела буря, а я сидел в теплой зимовке и слушал пение. Певец расположился на бараньей шкуре и перебирал струны своей домбры-балалайки. Тихое дребезжание струн, легкий шелест приближающихся к певцу слушателей, его глухие, заунывные звуки настраивали душу мою на особый лад. И сколько может быть поэзии в этой дикой песне, в этой дикой музыке! Я никогда не поверил бы, что на двухструнной, почти самодельной домбре можно извлекать такие нежные и приятные звуки, я не поверил бы, что его песня может гармонировать с бушующей природой, если бы сам не слышал этой дикой, за душу хватающей песни! Он пел. С певца катился пот, воодушевление росло, а слушатели все плотнее и плотнее сдвигались около него и в такт качали головами. Певец снял платок, вытер пот с лица и снова запел, вторя музыкальным переливам бушующего ветра, и не один вздох вылетал из груди слушателей, у которых, как говорится, начинали ходить нервы».

Очень верное описание песенного торжества.

Тогда же я вычитал у Григория (Ахмет Байтурсинов говорил уважительно: Гереке) Потанина: «Слышу, как прекрасно поет казахское небо».

Увы, в наше время такое сказать уже сложнее...

III

Жаксы сөз — жан азығы.

Хорошее слово — душе опора.

Казахская пословица

Осенью 1944 года я пошел во второй класс казахской средней школы. Русской школы в ближайшей окрестности не было. О немецкой школе — после тотальной депортации российских немцев в Сибирь и Казахстан — даже мечтать воспрещалось. «Ничего, — утешал отец

меня и себя. — Таблица умножения везде одинаковая. У всех народов дважды два — четыре. А знание других языков никогда не помеха». По первоначальным навыкам (родители занимались мною дома) я мог бы пойти и в четвертый класс, но был все еще слабоват по казахской части. Я уже многое понимал и сносно говорил, но некоторые казахские звуки — қ, ғ, ө, ұ, ү, ы, і, ә — упорно не давались, да и словарный запас был беден. К тому же сходу засорил язык ненормативной лексикой, от чего отвыкал очень трудно.

В познаниях казахского языка я сравнивался со своими сверстниками-казахами лишь в пятом классе, а по грамотности и грамматике даже превосшел многих (не считите за хвастовство). Морфологические и синтаксические понятия (*жіктеу, септеу, жалғау, жұрнақ, жай сөйлем, сабақтас, салалас, аралас, құрмалас сөйлем* и прочее) сами лезли мне в рот. И поныне с благодарностью вспоминаю первую мою учительницу Кульшару Касымову и учительницу по казахскому языку в 5-7 классах Мисалым Садыкову. Именно в этих классах формируется грамотность по грамматике. (Я знаю казахских писателей, совершенно беспомощных по части грамматики, и этот пробел заметно отражается на их творчестве, при всем таланте и прочих достоинствах). Казахский язык все более естественно и активно входил в мою душу. Примерно с 8 класса повадился кропать стишки на казахском языке — беспомощные, спотыкливые, вымученные. Писал лесенкой, подражая Маяковскому и по незнанию ломая версификационные традиции. Что стишки мои никчемные, понял лишь студентом первого курса литфака и тотчас излечился от зуда рифмовать. Теперь радуюсь, что вовремя опомнился и не стал мучить ни себя, ни других.

Единственный орыс в нашем ауле (обычно говорили тогда: «представитель великого народа») по фамилии Пассажирцев, добродушный, бородатый увалень, с любопытством следил за моими успехами в казахском языке, но время от времени внушал мне, что казахский язык беден. И при этом укоризненно тряс кудлатой бородой. Сам он на русский лад произносил десятка два казахских слов,

но был абсолютно уверен в своей правоте. «Почему беден? — возражал я робко.— Ведь в нем столько слов, которых нет в русском языке». Для меня же в ту пору бедными были и немецкий, и русский, и казахский языки, ибо беден был сам. Я пытался что-то объяснить моему бородатому оппоненту, но тщетно. «Нет, не говори, Гера. Бедный язык, — упорствовал дядя Пассажирцев. — Вот у русских есть топор, топорик, топорище, а у казахов «балта» и все». Ввязаться с ним в дискуссию я тогда не мог: мало было аргументов. Да и кто станет дискутировать с пацаном.

* * *

А как ладно-складно, без запинки, образно и афористично говорят (или говорили) простые аульные казахи. Нередко в рифму, речитативом, с аллитерационными фигурами, пересыпая беглую речь пословицами, поговорками, устойчивыми фразеологическими выражениями и сравнениями, образными оборотами, живописно, не «*так, туқ*», суконно, топорно, а с намеками, иносказательно. Заслушаешься! Поистине речь шешена-златоуста.

Школьником я упоенно повторял отрывок из драмы Габита Мусрепова:

Бір карамас —
бір караса,
қыз да көзін ала алмас,
Отпен ойнап,
күйсе өкінбес.
Іші күлсе — көзі жылап,
Қуанышын бір білдірмес
Қыздар-ай!..

Каков, однако, синтаксис! Каков склад речи! Это вам не обыденный воляпюк!

А сколько энергии, ярости, необузданной страсти в речитативах мятежного Махамбета:

Мен — мен едім, мен едім,
Мен Нарында жүргенде

Еңіреп жүрген ер едім.
Исатайдың барында
Екі тарлан бөрі едім,
Қай қазақтан кем едім?
Бір қазақпен тең едім.

Какой-то неукротимый поток раскаленных слов.
Внутренняя энергия казахского поэтического слова
сквозила даже в переводах с русского.

Вот известные строки Тараса Шевченко:

Ой, ты, доля, моя доля,
Никакой не чую.
Если доброй жалко, боже,
Дай хоть злую, злую.

Мне эти стихи кажутся несколько размягченными,
смирненными, жалобными. А как они звучат по-казахски в
переводе Касыма Аманжолова:

Сыбағам қайда, сыбағам,
Жоқ па, сірә, ешқандай.
Жақсылық менен аяса”,
Жамандық бер, я, Құдай!

Упруго, мускулисто, напористо, дерзко. Есть необъясни-
мая магия в казахском речестрое.

Таков склад характерной казахской устной речи.

Сколько таких примеров в казахских сказках, сказах,
батырских дастанах, эпических поэмах, драмах на
фольклорной основе! Россыпь жемчужин! Европейцу это
почти недоступно.

Василий Васильевич Радлов (собственно Фридрих
Вильгельм), знаток народной литературы тюркских племен,
за восемьдесят лет до того, как я узнал казахов, верно
заметил: «Киргизы отличаются от других своих сопле-
менников особенной ловкостью в выражениях и заме-
чательным красноречием».

В наше время это качество, это свойство казахской
устной речи заметно обеднело, потускнело, стерлось. Но

мне еще доводилось слушать настоящих виртуозов, мастеров подлинного красноречия, которые грациозно владели риторикой.

Редчайшие образцы шешенской речи (о том речь впереди) мы находим у казахских биев-златоустов. Я однажды сделал попытку передать колорит речестроя бия Айтеке на русском языке. Не могу сказать, что попытка получилась удачной, но намек на подобный речевой строй, думаю, все же есть.

* * *

Строптивый, язвительный старик Сеит-ходжа любит рассказывать мне, любознательному малыцу, сыну лекаря («*лөктірдің баласы*») разные байки и возбуждает мое любопытство.

«Эй, Кира, а у немцев бывают “*nir*” — покровители, защитники, Духи животных?»

Нет, мне такое слышать не доводилось. Спрошу у родителей.

«А у орысов?» — допытывается старик, ловко затачивая бруском литовку.

Тоже не слышал.

«А у казахов каждый вид домашнего животного имеет своего покровителя. *Пір* называется.

Запомни:

Қамбар ата — покровитель лошадей.

Ойсыл қара — покровитель верблюдов.

Зеңгі баба — покровитель крупного рогатого скота.

Шопан ата — покровитель овец.»

Рядом с любопытством взирал на нас наглый, драчливый, бородатый козел.

«А у коз тоже есть покровитель?»

«Есть, — отвечает Сеит-ходжа. — Покровителя коз зовут *Шек-шек ата*».

«А у людей покровитель кто?»

«У всех людей покровитель один. *Құдай!*»

«Так разве? А я думал — Сталин».

«Э, брось, Кира, не пугай меня...»

* * *

Зайра-әже (бабушка) не расстается со своей отполированной, потемневшей от времени прялкой-юлой (*ұршық*). Из одного кармана ее выплывшего камзола вечно торчит клочок тщательно растеребленной шерсти — то овечьей, то верблюжьей, из другого высовывается прялка-юла. И в шошале возле очага, и в гостях, и на лужайке перед домом, подстелив под собой шкурку, она крутит-крутит привычным движением свою миниатюрную прялку и тонкая шерстяная пряжа без устали накручивается на нее. Только что прялка была пуста, худа, а через некоторое время глядишь — пузата, округла, и ёже сворачивает, сматывает с нее клубок черной, серой, белой, пегой шерсти. Работает ёже, как фокусник, и я зачарованно смотрю на ее ловкие, смуглые пальцы, между которыми вьется-тянется нескончаемая нить. Мой друг, Ойрат, на это священнодействие и не смотрит — привык, а мне любопытно. Прялка у моей мамы совсем другая, она крутит ее ногой, ритмично нажимая на деревянную педаль и вращая большое, как колесо, веретено и обеими руками сворачивая, накручивая на шпиндель нить.

Зайра-әже мне объясняет. Оказывается, *жүн* (шерсть) бывает разных видов:

Жабагы жүн — шерсть весенней стрижки.

Күзем жүн — шерсть осенней стрижки.

Өлі жүн — «мертвая» шерсть, когда животные линяют.

Биязы жүн — тонкая, нежная шерсть.

Ұяң жүн — шерсть без щетинок.

Мамық жүн — мягкая шерсть, пух.

Қылышқ жүн — грубая, с шерстинками.

* * *

Вот градация, родственные связи поколений.

По-русски (по восходящей): сын — внук — правнук — праправнук, прапраправнук и т.д.

По-немецки: Sohn-Enkel-Urenkel-Ururenkel-Urururenkel usw.

По-казахски: *бала* — *немере* — *шөбере* — *шөпшек* — *немене* — *туажат* — *жүрежат* (с седьмое поколение). Далее

— *жұрағат* (с этого поколения можно вступать в брачные отношения); до этого поколения брачные отношения строго возбраняются, ибо ведут к кровосмешению. У казахов — в отличие от многих народов, как европейских, так и азиатских, — это строгий генетический закон, нравственная основа развития и размножения народа. По-научному это называется ЭКЗОГАМИЯ — запрет брачных отношений между членами родового объединения до седьмого поколения. Далее — *жекжат*, близкие отношения сватов. Затем — *жамағат* (миряне, общий народ). Не только познавательно, но и поучительно, не так ли? Такой порядок строго регламентирует родственные отношения.

* * *

Внук от сына — *немере*; внук от дочери — *жиен*. Городские казахи нередко путают эти понятия, подражая русским: все внуки, *немере*. С точки зрения казаха это некорректно. Кстати, племянник тоже *жиен*. Выходит, у внука от дочери и у племянника примерно равный общественно-социальный статус.

* * *

Сухопарый, козлинобородый старик Ергали имел обыкновение собирать аульную малышню и устраивать экзамен. А ну, скажи, как зовут отца? А деда? А прадеда? А прапрадеда?

И так до седьмого колена. Большинство моих сверстников-казахов отвечали без запинки. Экзаменовал Ергали-ата и меня. Я отвечал:

— Отец — Карл. Дед — Фридрих. Прадед — Хайнрих. Далее я не знал. Не знаю и поныне. Ергали-ата снисходительно гладил меня по голове:

— Э, жарайды. Для немца и этого достаточно.

Знание своих предков до седьмого колена для казахов свято. Мой друг Шотаман Уалихан, чингисид, знает своих предков — от Чингисхана до себя — в двадцать три поколения. Конечно, род его знатный, именитый, все зафиксировано в истории, летописи и в памяти народной. Но

вдумайтесь: двадцать три поколения. У русских так глубоко в родословное древо вошел, кажется, один Пушкин.

Другой мой знакомец, писатель и журналист, ныне покойный Балгабек Кыдырбекулы уверял меня, что знает своих предков аж до 34 колена. Уму непостижимо! Вот это экскурс в генетические дебри. Но я не удивляюсь: у казахов знание предков — культ.

IV

Көз жетпеген жерге сөз жетеді.
Куда глаза не доходят, туда
слова приведут.

Казахская пословица

Своеобразие, богатство казахского языка проявляются иногда даже в казалось бы самых простых, обыденных обстоятельствах.

Возьмем, к примеру, наименования временных отрезков суток. По-русски мы говорим: утро, обед, вечер, ночь. Можно еще сказать: рассвет, раннее утро, позднее утро (все равно утро); ранний обед, поздний обед (все равно обед); ранний вечер, поздний вечер (все равно вечер). Еще: после полудня, полдник, сутемень, сумерки. Дальше — не сразу и придумашь.

Как же различают время суток казахи? Какие в казахском языке имеются названия для наименования отрезков времени?

Пожалуйста, вдумайтесь:

I. *Таң ертең* — утро.

а) *елең-алаң* — предутренние сумерки, перед рассветом. Все еще неопределенно, неясно.

б) *құланиек, құлансәрі* — когда, начинает светать и уже можно различать очертание предметов.

в) *таңсәрі* — пора, когда на землю падает свет, но солнце еще не взошло.

г) *таң* — пора, когда показывается, встает солнце.

II. *Сәске* — пора, когда солнце всплыло над горизонтом.

а) *сиыр сәске* — пора, когда солнце поднялось на длину аркана.

б) *сәскетүс* — примерно около 12 часов дня.

в) *ұлы сәске* — полдень, перед обедом.

III. *Түс* — обед.

а) *тал түс, талма түс, тапа-тал түс* — примерно около часа дня, верхушка дня, пик дня, разомлевший день.

б) *шаңқай түс* — время дня, когда тень самая короткая, примерно около 2-х часов дня.

IV. *Бесін* — после полудня, солнце перевалило зенит.

а) *ұлы бесін* — солнце начинает клониться к закату.

б) *кіші бесін* — солнце склонилось заметнее.

в) *құлама бесін* — еще более склонилось.

г) *екінді* — приближается вечер, солнце совсем уже низко.

д) *намаздыгер* — солнце готовится к закату, склонилось над своим «гнездом».

V. *Ақшам, ымырт* — вечер, сумерки.

а) *алагеуім* — солнце вот-вот зайдет, ранние сумерки.

б) *кеугім, кеуім, ымырт* — солнце зашло, сгущаются сумерки.

в) *кешқұрым, намазшам* — время вечерней молитвы.

г) *кеш* — все окутано сумерками, начало ночи.

VI. *Түн* — ночь.

а) *іңір* — пора перед наступлением ночи, природа готовится ко сну.

б) *қызыл іңір* — начало ночи.

в) *жарым түн* — полночь.

г) *таң қараңғысы* — густая мгла, пора перед рассветом, близится рассвет.

Разумеется, это не прихоть номада, не забава кочевника. А потребность, нужда, необходимость. Так тонко и точно чувствовали и определяли время кочевники-скотоводы.

* * *

У казахов много праздников и соответствующих ритуалов. Их подробное описание заняло бы слишком много места. Да это и не входит в мою задачу. Сфера моих записок — язык. К

тому же праздников и ритуалов много у всех, без исключения, народов и племен. Однако, отмечу те казахские праздники, которые строго соответствуют временам года.

I. *Наурыз* — праздник обновления, благоденствия, весны, начала года. В эту пору очищают родники, источники, сажают деревья, совершаются добрые деяния.

II. *Қымызмұрындық* — праздник лета, проводится в промежутке месяцев мая — июня. Пора доения кобылиц, изготовления кумыса; близкие и дальние родичи приглашают друг друга в гости. Проводятся разные национальные игры, состязания.

III. *Мизам* (сабан той) — праздник в честь земледельцев и животноводов, праздник урожая.

IV. *Соғым басы* — праздник зимы. Проводится после выпадения снега и наступления холодов. Пора повсеместного забоя скота на зиму. Угощают друг друга убойным мясом. Долгими зимними вечерами акыны, певцы, сказители, музыканты забавляют народ своим искусством. Сочиняются сказы, киссы, дастаны, сказки. Праздник отдохновения.

* * *

По-казахски следует говорить:

«*Әйел босанды*» — женщина разродилась, «освободилась», разрешилась от бремени.

«*Сиыр бұзаулады*» — корова отелилась.

«*Бие құлындады*» — кобыла ожеребилась.

«*Қой қоздады*» — овца оягнилась, не окотилась, как иногда выражаются неправильно.

* * *

На одну тонкость казахского языка указывает доктор филологии Жумагали Исмагулов. Нельзя говорить: «*өкінішке орай*» (калька русского выражения «к сожалению»). Правильно: «*өкінішке қарай*». И неверно говорить: «*домбырада ойнайды*», надо: «*домбыра тартады*».

* * *

Много лет назад, на одном из собраний в Союзе писателей Казахстана, Акселеу Сейдимбеков обратил мое

внимание на то, какие глаголы употребляют казахи при смене времен года.

Қыс келді. Зима пришла.

Көктем туды. Весна родилась.

Жаз шықты. Лето вышло, наступило.

Күз түсті. Осень упала, свалилась.

Менять глаголы, по мнению Акселеу, неверно, безграмотно. И если, случается, говорят «*көктем келді*» (весна пришла), то это от глухоты к чуткой природе языка: весна не приходит, она рождается, а осень не рождается, а сваливается, обрушивается на голову, падает.

Любопытно, не правда ли?

Иные казахские глаголы однозначно и однословно на русский язык никак не переводятся. Вот, например, широко распространенный глагол «*қаңтару*». Вот что точно это означает: «привязать поводья к передней луке седла». Вот и спотыкаешься каждый раз при переводе на русский язык об этом «*қаңтару*».

* * *

Давным-давно, еще в свои студенческие годы, Абдижамир Нурпеисов раздобыл в Книжной палате «Русско-киргизский словарь» проф. М.Машанова, изданный в 1899 году в Оренбурге. Словарь весьма толковый (в смысле: интересный, поучительный). Сразу видно, что проф. Машанов великолепно чувствовал тонкости казахского языка, владел его богатством, умело выстраивал к каждому русскому слову целый синонимический ряд объяснений. Нурпеисов не поленился, переписал из словаря — на свой выбор — несколько сот слов и много лет спустя передал эту изрядно потрепанную тетрадку мне. И теперь я ее нередко листаю с большим восхищением. Машанов приводит слова, которых я в других словарях чаще всего вообще не встречал.

Напролом — *бұза-жара*.

Напраслина — *нақақтан, ақтанақ күйдіру, жала*.

Негодник, негодница — *мұндар*.

Задарить — *сый-сыя*.

Закваска — *ашыртқы, ұйтқы, іріткі, қор, қораба.*

Костоправ — *оташы, сынықшы.*

Общество — *қауым, жамағат, жұртышылық, халайық.*

Ось — *белдік, белағаш, кіндік.*

Мыслитель — *ойшыл, ойгер, білімпаз, білгір, зиялы, оқымысты, ғалым, дана, данышпан, кемеңгер, ақылман.*

Құралай — *киік лағы*, в переносном смысле — ветреное, дождливое время около 10-го мая.

Приварок — *көжеқатық.*

Полба — *борай бидай.*

Отава — *шежік, шиін.*

Жәдігәй — притвора, лицедей, ханжа, лицемер.

И т.д.

Обратите внимание на синонимы к каждому слову. В современном языке их не всегда встретишь. То есть, произошло явное сужение, оскудение, обеднение лексики.

* * *

К слову «вид» профессор М. Машанов в своем «Русско-киргизском словаре» приводит следующий синонимический ряд:

тұр, кескін, сынық, сымбат, тұрпат, келбет, нобай, нұсқа, көрік, әлпет, шырай, рең, тұлға, ұсқын, айбар, пыс, кейін, сұрық, ажар, мүсін, пішін, бейне, сын, өң, көрініс. И добавляет: «вот неполный перечень компонентов того синонимического ряда, который соответствует русскому понятию «вид».

Каково?! 25 казахских синонимов к одному «виду» и это еще неполный перечень! И после этого говорят о бедности казахского языка! Привет господину-товарищу Мищенко-Тищенко-Ни-щенко, которого я помянул в предисловии к циклу заметок!

* * *

Еще одно доказательство о разборчивости казахского языка в классификации периодов человеческой жизни.

Только что родившийся ребенок называется — *нәресте*,

От одного года до семи лет — *сәби*,

Девочка между годом и двумя годами — *бөпе*,

Мальчик такого же возраста — *бөбек*,
Мальчик в возрасте от двух до трех лет — *бүлдіршін*,
От трех до пяти лет — *балдырған*,
От восьми до двенадцати лет — *ойын баласы*,
От двенадцати до пятнадцати лет — *сығыр*,
От пятнадцати до шестнадцати лет — *ересек бала*,
От шестнадцати до девятнадцати лет — *бозбала*,
От двадцати до тридцати лет — *жасжігіт*,
Мужчина в возрасте от тридцати до сорока лет —
күржігіт,
От сорока до пятидесяти лет — *ер түлегі*,
От пятидесяти до шестидесяти лет — *жігіт ағасы*.
Теперь предлагаю носителям и знатокам других языков
подыскать к этим понятиям соответствующие адекватные
и аналоги.

* * *

У казахов есть единица измерения времени — «*бие сауым*». Отрезок времени — от дойки до следующей дойки
кобылицы. А вот время, от дойки до дойки коровы или козы,
обозначения у казахов не имеет. Нет таких понятий, как
«*сиыр сауым*» или «*ешкі сауым*».

* * *

Богатое, звучное, красивое казахское слово «*Айналайын*». Сколько в нем оттенков, от умиленной ласки до
легкого укора и даже до язвительной насмешки. Бесконечная гамма чувств! Переводят обычно: «милый
(ая)», «дорогой (ая)», «хороший (ая)» и т.д. Но все это
лишь бледная тень мягкого, звучного, нежного
«*айналайын*».

Олжас Сулейменов своему известному стихотворению
«Айналайын» предпослал объяснение:

«Обращение к дорогому человеку — айналайын.

«Кружусь вокруг тебя» — подстрочный перевод.

«Принимаю твои болезни» и «Любовь моя» — смысло-
вые переводы».

Поистине: слово одного языка не покрывает слова
другого.

Сөз қадірін білмеген өз қадірін

білмейді.

Кто слов не ценит, сам себя не ценит.

Казахская пословица

Знакомый журналист из Берлина Вольфганг Сабат просит меня привести хоть один пример из казахского языка, который не имел бы аналога в немецком языке. Глаза его победно, испытующе поблескивают из-за стеклов очков. Он уверен, что не может быть такого слова у номадов, которому не нашлось бы адекватата в развитых европейских языках.

Я ему рассказываю о деталях юрты, выкладываю слова: *кереге, шаңырақ, уық, түндік, туырлық, үзік, басқұр, бақан, уықбау* и т.д. — добрая сотня сугубо этнографических, материально-бытовых понятий. Говорю, что писатель, ученый Акселеу Сейдимбеков посвятил описанию юрты блистательный историко-этнографический очерк, упомянув огромное число специальных терминов. А у историка-этнографа А.С. Муканова есть основательный труд «Казахская юрта». И сколько там юрточных слов-понятий! И ни одно из них не имеет адекватата ни в русском, ни в немецком, ни в других европейских языках. А ведь и юрт бывает несколько: походная (*жолама үй*), то же — *аблайша*, еще — *қос, шайла, күрке...*

— Ну, юрта — понятно, — не сдается Вольфганг. — Это нечто типичное для кочевников. Немцы ведь не кочевники. Им юрта не нужна. Ты приведи другой пример.

— Ну, возьмем, к примеру, беркута.

— Как, как? Беркут? Вас ист дас?

— Ну, как бы тебе сказать? Птица, хищник, орел. Адлер.

— Ах, зоо? Адлер, альзо! Ну и что?

— Подожди. Я еще о юрте не все сказал. К теме «Юрта» можно отнести и различные предметы из войлока, тканые изделия, узорчатые циновки, настенные ковры, вышивки, домашнюю утварь, отделанная резьбой по дереву, инкрустацией костью, росписью и т.д.

— Ладно. С юртой, допустим, ты меня сразил. Перейдем к адлеру... как ты сказал... к беркуту.

Так вот, начнем с того, что этот самый беркут не встречается ни в четырехтомном академическом «Словарь русского языка», ни в «Русско-немецком словаре». Нет и все! А как воспет беркут в казахском фольклоре! Сколько его разновидностей! Сколько специальных слов-терминов у беркутчи — охотников с беркутом! Сколько слов для беркута разных возрастов!

— И ты это знаешь?

— Кое-что знаю. Был в нашем ауле беркутчи — старик Абилямжын. Он нас, аульных шалопаев, просветил. А кое-что вызнал из доклада поэта Кадыра Мырза-Али.

— Интересант! Давай примеры!

Пожалуйста. Годовалый беркут называется у казахов — *балапан құс*. Двухлетний — *қан түбүт*. Трехлетний — *тірнек*. Четырехлетний — *тас түлек*. Пятилетний — *мүзбалақ*. Шестилетний — *көк түбіт*. Десятилетний — *барқын*. Одиннадцатилетний — *баршын*. Двенадцатилетний — *шөгел*.

— И все казахи знают эти слова? — любопытствует Вольфганг.

— Все, наверняка, нет. Но важно, что эти понятия в казахском языке существуют. А в европейских языках их нет. Придется говорить: «трехлетний адлер», «адлер по пятому году» и т.д.

— Но ведь можно привести и обратные примеры, — настаивает германский журналист. — В европейских языках есть, а в казахском — нет.

— Конечно, — соглашаюсь я. — В казахском языке нет, например, понятия презерватив. Ну, не пользовались степняки этой штучкой. Приходится прибегнуть к описательному переводу: мешочек для мужского полового органа.

Мы оба хохочем.

* * *

Угощение у казахов — сложный ритуал. Бесбармак — это не просто гора мяса, дымящегося на подносе-табаке. Так это кажется лишь несведущему человеку.

Приведу отрывок из повести «Купы джиды» Абиша Кекилбаева, попутно указав в скобках казахские названия частей бараньей туши.

«Всеведущие старики, зоркие стражи дедовских обычаев, внушавшие несмышленным мальчикам святость родственных уз с той самой поры, как они научились сидеть на коне и подавать гостям блюдо с мясом, неизменно твердили: «Запомните раз и навсегда: при угощении самому почетному гостю преподносят тазовую кость (по-казахски: *жамбас*). Затем наиболее ценным считается лопатка (*жауырын*). Потом следует лучевая кость (*кәрі жілік*), потом — берцовая кость (*тоқпан жілік*), потом — *асық жілік*. Опаленную и сваренную баранью голову (*бас*) кладут на первый, главный поднос. Курдючное сало (*құйрық май*) и печень (*бауыр*) нарезают тонкими ломтями и распределяют по всем подносам. Десять ребрышек (*сүбе қабырға*) вместе с мясом на них кладут на первые четыре подноса, при этом шесть подкладывают к двум лопаткам, а четыре — к двум берцовым костям. К остальным восьми частям следует добавить по два ребрышка у ключицы (*бұғана қабырға*). Грудинка (*тәстік*) полагается зятю, крестец (*құйымшақ*) — девушке, шейный позвонок (*көтен-мойын*) — пастуху, ребуха (*ішек-қарын*), почки (*бүйрек*), голень (*сирақ*) — женам, служанкам, детям...»

Выходит, непростая наука у степняков — угощение. А главное — сколько слов, наименований, обозначений!

* * *

Примерно тоже можно сказать и о кумысе. Кумыс — не просто напиток из кобыльего молока. Его готовят по-разному, заквашивают, выдерживают в разных кожаных бурдюках, напиток капризный, привередливый, и видов его не один десяток. Кто интересуется — рекомендую прочесть дивный, лирико-этнографический рассказ «Кумыс» Дукенбая Досжана. Рассказ этот переведен на многие языки мира.

Кумыс надо уметь готовить на все случаи жизни. Надо знать, для кого и чего готовишь: для батыра, для

влюбленного или косаря-пастуха. На свадьбу или для поминок. Для утоления жажды или для наслаждения, удовольствия гурманов. Знать, из какого молока, от какой кобылицы.

В рассказе Д. Досжана молодой казах спрашивает у мастерицы-кумысницы:

«А почему вы не доили смирных, старых кобылиц?»

«У старых молоко закисает скорее, и вся сила у такого кумыса наверху, вроде бы в сливках. А кумыс из молока молодых кобылиц обретает настоящий вкус и силу только на третьи сутки. Он и есть самый целебный. Какая кобылица — такой и кумыс. Если от молодой кобылицы — человек словно молодеет».

Готовить кумыс — священнодействие.

«Тихо стало в юрте. Даже молоко в турсуке не булькало. Ак-тате качала турсук на коленях так долго, что, я видел, начала уже задремывать. Потом, очнувшись, приподняла угол текемета-кошмы с узорами, положила турсук на сырую землю, на пожелтевшую редкую траву и тщательно укрыла сверху. Кумыс так и должен был выдерживаться, дозревать — согреваться сверху и охлаждаться земляной сыростью снизу».

А из какой посуды следует пить кумыс? Тоже ритуал.

«Уж так издавна повелось, что разным людям подают кумыс в разной посуде. Простому человеку — в *кесе*. Случайным гостям, путникам — тоже. Обжорам и торгашам наливают в большую деревянную чашу — *тостақ*. Ведь для них главное – залить толстое брюхо. А вот дорогим друзьям подают в расписанных, средней величины чашах — *зеренах*. Правда, и зерены бывают разные. Вот этот выточил из урючины и расписал золотом знаменитый мастер Акадиль. Влюбленным предлагают кумыс в изящных *көзе* — маленьком узкогорлом сосуде с золотыми каемками. Из отделанных серебром *көзе* пили акыны-певцы, тонколицые щеголи — *сері*. Батырам и борцам-палуанам обычно подносили кумыс в высоких кувшинах».

Этнография — этнографией, но за каждым этнографическим описанием стоит огромное лексическое богатство.

* * *

Напомню казахские названия оружия и доспехов. Несомненно, поучительный материал, свидетельствующий о лексическом многообразии.

1. Виды кольчуг: *бадана, берен, жалаңқат, зере сауыт, көбе, кіреуке, қаттама, торғауыт.*

2. Шлемы: *бетбейнелі дулыға, көбе дулыға, қаттама дулыға, қурама дулыға, темір қалпақ, темір телпек.*

3. Легкие защитные панцири (кежім): *бөреңгілі кежім, зере кежім, көбеккежім, қаттама кежім, қияқ кежім.*

4. Оружия стрельбы: *мытық* (фитильное ружье), *садақ* (лук).

5. Режущее оружие: *алдаспан, қылыш, сапы, семсер.*

6. Колющее оружие: *найза, суңгі.*

7. Секущее оружие: *айбалта, селебе.*

8. Бьющее оружие: *шоқпар, сойыл.*

9. Казахские нагайки: *құмшы, дойыр, дырау, дода.*

Разумеется, все эти виды имеют русский адекват. И, разумеется, большинство ныне вышли из активного употребления.

* * *

Еще одна национальная особенность. Приведу сцену из романа Жусупбека Аймаутова «Ақбілек»:

«Ну, а где сейчас твой муж?»

«По службе перевелся в другой город. Уже два месяца, как нет от него вестей».

«Детей от него рожала?»

«Был выкидыш. Один ребенок умер по нашей вине».

«Как зовут мужа?»

«Грех ведь. Как скажу?»

«Какой грех, милая? Предрассудки все. Назови смелее!»

«Имя его — то, что надевают на шею коня».

«Хомут, что ли?»

«Нет, то, что выше».

«Дуга?»

«Да, оно самое».

«Ну, и наградили имечком!»

Такой вот разговор. А все дело в том, что по стародавнему обычаю казашка не имеет права называть по имени мужа, деверя, свекра. Это неприлично, предосудительно, грешно. Выйдя замуж, казашка вынуждена всех деверей называть описательно, придумывая ласковые, почтительные прозвища. Мужа она называет: «Хозяин этого дома», «человек этого очага» или «отец моего сыночка», «моей доченьки», или еще как-нибудь. Но ни в коем случае по имени.

Правда, сейчас эти правила далеко не столь строги. А в городских условиях и вовсе не соблюдаются.

* * *

Многие полагают, что единственный казахский народный инструмент — домбра. Существуют уничижительные строки: «Одна палка — два струна, *мұның аты — домбыра*» (Сам слышал в Таразе и Шымкенте). Это одна из распространенных глупостей. Музыкальных инструментов у казахов множество: *домбыра* (много видов — двуструнные, трехструнные, ширококорпусные, двухсторонние, с полым грифом, шинкильдеки), *уілдек*, *сазген*, *желбуаз*, *желқобыз*, *даңғыра*, *дабыл*, *дауылпаз*, *шындауыл*, *керней*, *дулыга*, *дүңгіршек*, *тоқылдақ*, *асатаяқ*, *адырна*, *шартылдауық*, *сақпан*, *сырнай*, *кепшік*, *жетіген*, *бұғышақ*, *шың*, *шаңқобыз*, *ауызсырнай*, *қамыссырнай*. (См. Джанибеков У. «Эхо». С. 248).

Описание старинных музыкальных инструментов можно найти в трудах А. Левшина, Ч. Валиханова, И. Георги, Г. Потанина, С. Рыбакова, Р. Сазонова.

* * *

Истинно казахская речь похожа на причудливые узоры на домотканном ковре. Казах не говорит прямо, плоско, серыми ремарками, однозначно, в лоб, он предпочитает речь эмоционально окрашенную, многослойную, витиеватую. В «Пути Абая» Мухтара Ауэзова читаем: «По старому обычаю аксакалов, отец говорит иносказательно, намеками и кружит над целью своей речи, как ястреб».

Очень тонко подмечено.

Вслушайтесь в экспрессию устной речи героев «Пути Абая»:

“Ел аузына какпак болып көрші. Бірақ ол қолыннан келмейді. Ендеше, не ер бол да, акта! Немесе илан да жазала! Тек, жарықтығым, дүмбілезінді көрсетпе, былқылы-сылқылы” ды аулақ әкет”.

Напористо, упруго, энергично.

А в русском переводе это воспроизведено так:

«Попробуй заткнуть рот всему народу! В силах ты сделать это? Так будь решительным до конца: осмелюсь оправдать его. Или оправдай, или осуди! Только, дорогой мой, не топчись на месте!»

Формально, может, и близко. Но нет ритмичности, динамизма, строя речи, характерных для оригинала.

Казах любит, чтобы в речи была «изюминка», некая загадочность.

Проиллюстрирую сказанное примером из сказки об Алдаре-косе. Помните, между ханом и Обманщиком состоялся такой диалог:

«С каких пор холм покрылся снегом?»

«Пожалуй, с четверть века».

«Двумя еще владеете?»

«Владею ныне тремя».

«Как относитесь к дали?»

«Даль мне близка».

«Как относитесь к ближнему?»

«Ближнее мне далеко».

«С сорока возьмете по одной?»

«Если на то будет ваша воля».

«Тогда берите заранее».

«Могу взять и потом. Надеюсь, не обманут, мой повелитель».

Нукеры ничего не поняли из этого разговора и попросили Алдара разъяснить его суть. И Алдар сказал:

«Хан поначалу спросил: «Давно ли холм покрылся снегом?» Это означало: «Давно ли побелела ваша голова?». И я ответил: «Уже четверть века». Потом хан спросил: «Владею ли я двумя?» Означало это: «Крепко ли я стою на двух ногах?» Я сказал: «Владею тремя», то есть, «Хожу

с палкой». «Как относитесь к дали?» — спросил хан. Смысл: «Хорошо ли видите издалека?» Я сказал: «Даль мне близка», значит: «Далекое вижу хорошо». Хан поинтересовался: «Как относитесь к ближнему?», то есть, «Как видите вблизи?» Я ответил: «Ближнее мне далеко». Означает: «Вблизи вижу плохо». Хан догадался, что вы все из нашего разговора ничего не поняли и что потом все равно придете ко мне за разъяснением, а потому спросил: «С сорока возьмете по одной?», что означало: «Возьму ли с каждого из сорока нукеров по одной лошади?» Вот и вся разгадка».

Вообще передать подлинный казахский речестрой на других языках крайне сложно. Нередко — невозможно. Это вам не слова перекладывать с языка на язык.

VI

Піл көтермегенді тіл көтереді.

Язык осилит, что и слон не поднимет.

Казахская пословица

Почему-то бытует мнение, будто казахский язык не особенно богат и разборчив в наименовании деревьев, трав, цветов, ягод, то есть флоры, а также животного мира, то есть фауны. Действительно, в художественной казахской прозе (сужу по опыту давнего переводчика) то и дело встречаешь общее наименование — деревья, травы и реже конкретное название конкретного вида деревьев, трав и птиц. Мелькают *ағаш*, *терек*, *қайың*, *жиде*, *тал*. Терек и терек. Иногда *көк терек*, *қара терек*, *қара тал*, *самбі тал*, *ақ қайың*, *арша*, *емен*. Зайдет разговор о птичках, так сплошь и рядом торғай: *қараторғай*, *бозторғай* и т.д.

И я знаю, у русских и немецких переводчиков это обстоятельство всегда вызывает недоумение. Те к подобным наименованиям более щепетильны и привыкли называть деревья и травы конкретно по разновидностям. Их раздражают фразы типа: «На холме росло одинокое дерево», или: «На верхушке дерева щебетала птичка», или: «Из камышовых зарослей выскочил какой-то зверь». Сразу

возникает вопрос: «Что за дерево? Что за птичка? Какой зверь?»

В том, что иные казахские писатели по части флоры и фауны слабо вооружены, казахский язык не виноват. По этой части казахский язык никак не беднее других. В этом я убедился не однажды за свою многолетнюю переводческую практику. И для облегчения своей работы я завел целую рубрику в своей рабочей тетради, посвященной казахским словам по разной тематике. Приведу из разряда «Травы, деревья» десяток-другой примеров (больше не позволяет размер статьи). Вот некоторые названия ягод:

Қара жидек — черника
Ит бүлдірген — брусника
Көк жидек — голубика
Шырғанақ — облепиха
Бүлдірген — земляника
Мойыл — черемуха
Шие — вишня
Қара өрік — слива
Бөрі қарақат — барбарис
Қой бүлдірген — костяника
Қожақат — ежевика
Таңқурай — малина
Қарақат — смородина
Долана — боярка

Увы, на базаре казахи не всегда прибегают к казахским названиям, а довольствуются чаще всего русскими аналогами: «*Малина бар ма?*», «*Смородина қанша тұрады?*».

Вот казахские названия трав, наиболее часто встречающиеся в художественной литературе:

Жусан (полынь),
ермен жусан (чернобыльник),
шайқурай (зверобой),
адыраспан (гармала),
жантақ (верблюжья колючка, иногда: янтак),
түйе жоңышқа (донник),
жоңышқа (люцерна),
беде (клевер),
ошаган (репей),

құзтабан (лапчатка),
қияқ елең (осока),
көде (пушица дернистая),
еркек (житняк),
бидайық (пырей),
арпабас (костер),
құзылот (костер безостый),
ажырық (прибрежница),
сұлыбас (овсец),
түлкіқұйрық (лисохвост),
қуу (ковыль),
селеу (триостница),
құға (рогоз),
көкпек (лебеда),
жыңғыл (тамариск),
құзғалдақ (подснежники),
қурай (бурьян),
бақбақ (одуванчик),
тасшөп (габрец).

С неохотой обрываю перечисление. Продолжать можно еще долго. Мог бы на страницу-другую перечислять казахские названия деревьев.

Слова эти родились не сегодня и не вчера. Они встречаются в «Русско-киргизском словаре» проф. М.Машанова (1889) и в «Кратком русско-киргизском дорожнике со словарем» Жумагула Кошербаева (1906, Омск) под редакцией А. С. Алекторова. Вот примеры из того «Дорожника»:

Дерево — *ағаш*;
сосна — *қарағай*;
осина, тополь — *терек*;
ель — *шырша*;
ива — *үйіңгі тал*;
липа — *жөке ағаш*;
куст — *шоқы*;
орешник — *шеттеуін ағаш*;
черемуха — *қара мойыл*;
терновик — *мойыл*;
шиповник — *ит мұрын*;

сирень — *мәйе*;
малина — *қажақат*;
смородина — *қарақат*;
раkitник — *шілік*;
плод — *жеміс, миуа*;
ягода — *жидек*;
овощ — *жеміс*;
слива — *қара алу*;

груша — *алмұрт* (к слову: мой покойный друг Аскар Сулейменов утверждал, что алмұрт — неверно, правильно: *нәж*);

вишня — *шие*;
персик — *шабдалы*;
финик — *құрма*;
калина — *бүргөз*;
орех — *шеттеуік жаңғақ*;
подсолнечное семя — *шекілдеуік*;
урюк — *өрік*;
лук — *пияз, сарымсақ*;
чеснок — *жуа*;
репа — *салқам*;
редька — *тырна салқам*;
картофель — *буулдық, бөреңгі*;
капуста — *керем*;
горох — *бұршақ*;
земляника, клубника — *бүлдірген*;
клюква — *қызыл жидек*,
просо — *тары*;
гречица — *қырлық карамық*;
крупа, пшено — *тойтары, жарма*,
сорочинское пшено — *күрішсөк*.

Таковы примеры из словаря столетней давности. Признаться, некоторые наименования для меня вновь. Морковь ныне по-казахски именуют — *сәбіз* (а не *кешір*); картофель называют просто *картон* (а не *буулдық* или *бөреңгі*); капусту называют *қарыққабат, капуста, қоян жапырақ* (а никак не *керем*).

И, завершая тему «Растительный мир», хочу привести названия в этой области, употребленные в своем поэти-

ческом творчестве Ильясом Джансугуровым. Названия эти касаются флоры лишь одного Семиречья (Жетысу), воспетого поэтом. Их приводит критик и литературовед Сайдил Талжанов в своем воспоминании об Ильясе Джансугурове. И названия эти красноречиво свидетельствуют о широких познаниях и богатой словесной палитре убиенного классика казахской литературы. Вот эти наименования (предлагаю равнодушному читателю самому подбирать к этим словам соответствующий русский адекват).

Қарағай, тал, донала, ұшқат, шетен, ыргай, ариша, ақсасық, ққзыл қайың, барша, шынар, шырғанақ, сөңке, терек, сөгет, емен, үйеңкі, шырғай, балғын, тораңғы, сары ағаш, қойқарақат, жиде, тобылғы, түйеқұйрық, тауқонақ, шәйшөп, маңққ, құлынембес, сүтіген, еңлік, мейіз, киізқиқ, ақшалғын, бес, көкемарал, бетеге, раң, жапырақ теңге, бұйра, қисық иық, балдырған, уқорғасын, атқұлақ, желкеуір, шырыш, шытыр, биеемшек, мыңтамыр, жуа рауаш, жаужапырақ, балауса, сорғыш, селдір, ермен, бақбақ сыбызғы, жалбыз, құлмық, қарақияқ, шоқайна, меңдуана, сора, шақпақ, қурай, шырмауық, кендір, қылыша, жыланқияқ, ққнжыға, қоға, сасыр, ақққй, таусарымсақ, ққмыздық, қызсаумалдық, ққлақай, ойылқияқ, усойқы...

Браво, поэт Ильяс! Я не знаю другого казахского писателя, который так глубоко знал и так щедро воспевал флору родного края.

Жаль, что в 1986 году я не мог опрокинуть на голову самоуверенного эмиссара из ЦК КПСС Мищенко (или Тищенко, Нищенко?), который в душе был расположен к тому, что казахский язык состоит всего из 200 слов. Неужели он искренне полагал, что грандиозная эпопея «Путь Абая» была написана таким скудным запасом слов? Хотя известно, что словарь «Пути Абая» (не всего Мухтара Ауэзова) составляет 16893 слова.

А вот слова «тюрьма» нет в казахском языке. Нет и все тут! Как-то обходились вольные сыны степей без этого атрибута цивилизации. А когда понадобилось, прибегли к искаженному «*түрме*». Также приспособили и другие слова: *зауыт* (завод), *тауар* (товар), *самауыр* (самовар),

экуатр (экватор), *кәмпеске* (конфискация), *пірканшік* (приказчик), *белесебет* (велосипед), *каменес* (коммунист), *аулнай* (председатель аульного совета), *біргадір* (бригадир) и т. д. и т.п.

Новая эпоха, общественно-социальные катаклизмы принесли в казахский язык огромный поток заимствованных слов. Появилась в них острая нужда, а достойного эквивалента впопыхах не нашлось. А время не терпело. Пришлось использовать иноземный лексический материал, мало-мальски приспособив его фонетически в соответствии с казахской артикуляционной базой. Проиллюстрирую сказанное примерами из произведений казахских прозаиков.

У Беймбета Майлина: *учитель* (много раз), *нәшәндік* (начальник), *кәшір* (кучер), *стражник*, *пристап*, *делегат*, *милиция*, *пеш*, *мода*, *подлог*, *арыз*, *презден* (президиум), *сельсабет*, *піртекел* (протокол), «*под сот*», *машина*, *закон*, *уез*, *песір* (писарь), *кәндидәт* (кандидат), *камсомол* (комсомол), *шинель*, *фуражка*, *солдат*, *поселке*, *бәлшебек* (большевик), «*тыбая — мая, мая — тыбая*» («твое — мое, мое — твое»), *губерне*, *үстел* (стол), *пакет*, *спесік* (список), *прабител*, *бөтелке*, *жалонжа* (жалованье), *слабода* (свобода), *конпеске* (конфискация), *пірешкі* (бричка), *телефон*, *охрана*, *партизан*, *кәләуния* (колония), *быгыбыр* (выговор), *контра*, *құлып* (клуб)...

Кончаю перечень. В одном только сборнике рассказов и повестей Б. Майлина «Шұғаның белгісі» (1974) я встретил не одну сотню подобных заимствованных слов — реалий жизни в начале XX века.

Подобных заимствований я выписал из однотомника другого классика казахской литературы Жусупбека Аймауытова количеством в 163 слова:

ушкәл (школа), *періуатшік* (переводчик), *нашалнік*, *кінеге* (книга), *әтірет* (отряд), *пәуеске* (повозка), *ізбес* (известь), *дияла* (дело), *өшетіл* (учитель), *кәріс* (курс), *әпесер* (офицер), *кемесер* (комиссар), *ділграм* (телеграмма), *мелитсе* (милиция), *субалыш* (сволочь), *безобразия*, *арестовайт*, *жәшейке* (ячейка), *шорнабай* (черновик), *самогон*, *ашаба* (кошевка), *пенжсек* (пиджак), *секрет*, *декрет*, *кәтлет* (котлета) и т.д.

Помню, учеником начальных классов я впервые наткнулся у Джамбула на стихотворение «*Өстенкеде*» и не сразу догадался, что это значит: «На выставке».

В пухлом довоенном, очень занимательном романе Сабита Муканова «Жұмбақ жалау» искаженных русских слов встречалось множество.

Но это — примеры из 20-30-х годов прошлого века. В них отразился колорит эпохи, своеобразие казахской речи в момент социального перелома. А вот аналогичные примеры из более близкого времени.

Небольшой рассказ Шерхана Муртазы «Жалаң аяқ от кешу». В нем я встретил такие заимствованные слова: *пәуеске, қожайын, фуражка, гимназист, мама, губернатор, казарма, полицей, крестер, кафедра, собор, түрме, революционер, бандит, камера*. (Обратите внимание: заимствованные слова фонетически редко искажаются).

Примеры из повести Санны Муратбекова «Жабайы алма»: *жемпір* (джемпер), *маладес, гормон, монделен* (мандолина), *скрипка, пашиис* (фашист), *казит* (газета), *жуншалки* (шерстяные чулки).

Примеры из повести Мухтара Магауина «Бір атаны» балалары»: *калхқоз* (колхоз), *дүкімет* (документ), *біргәдір* (бригадир), *кәмәндір* (командир).

Заимствования из рассказа Тынымбая Нурмаганбетова «Үшінші класты» жетекшісі»:

педсовет, класс, директор, стол, докладтау, бәте "ке (ботинки), *плащ, кереует* (кровать), *термос, шкаф, газет, совхоз, кадр, коллектив, нейлон, парта, бугалтер, әбизатіліні* (обязательно), *шкул* (школа), *костюм, сумка, мәғәзін* (магазин), *міністір*, (министр), *пәпке* (папка), *коридор, үнстет* (институт), *перуай* (первый) и т. д., всего 60 слов.

Прошли годы. Казахстан стал суверенной страной. Национальное самосознание перешло в новую стадию своего развития. Заимствования из русского языка (что одно время было модным и даже как-то поощрялось) резко сократились. Писатели, языковеды стали искать и использовать другие ресурсы для обозначения новых реалий жизни. Пошло повальное увлечение словесными новообразованиями. Иногда удачно, иногда — не очень. А

случалось — и вовсе ни в какие ворота. Но о том разговор впереди.

VII

Өткен күн оратмас,
күнды сөз жоғалмас.
Прожитый день не вернется,
а мудрое слово останется.

Казахская поговорка

Занимаясь не одно десятилетие переводами казахской прозы на русский язык, я, понятно, постоянно сталкивался с определенными трудностями. Всегда не хватало нужных слов при описании, скажем, аульного быта, обычаев и обрядов, реалий и обозначений для раскрытия тем «лошадь», «верблюд», «животный мир», «травы», «исторические понятия». Словарей вечно не хватало, а те, что были под рукой, не всегда оказывались полезными. Словом, все, что было мне нужно, я редко находил в словарях. И я завел для личного пользования разные тематические словарики (своего рода шпаргалки), в которые вносил все необходимые детали и нюансы того или иного казахского понятия. А добывал я этот материал из бесед, случайных разговоров, распросов и чтений художественной и специальной литературы.

Об этом своем излучистом пути расскажу чуть подробнее.

Сколько мне, например, приходилось собирать по крупицам (буквально!) русские слова для одной лишь темы «Лошадь»?! Трудно найти в казахской прозе произведения, где не описывалось бы с самых неожиданных сторон это любимое, веками почитаемое степняками благородное животное. Сколько, например, о лошади, о коне, о скакунах, об их стати, красоте, верности, о скачках, о погонях, о походах сказано в казахском фольклоре! В знаменитом абаевском стихотворении, посвященном описанию коня, указаны и воспеты четыре десятка // внешних примет. В моей переводческой практике до поры, до времени удавалось обходиться теми крохами, которые я знал или

выудил из разных словарей, из русской прозы, из романов, описывающих казачий быт. «Холстомер», «Казак» и «Хаджи Мурат» были читаны-перечитаны вдоль и поперек. Но казахские писатели оказались по части описания лошади поистине неистощимы. Сын табунщика Дукенбай Досжан, питающий к тому же слабость к разного рода этнографическим деталям, рассказывал о лошади, о скачках, о сбруе-упряже, обрушивал на голову переводчика такие слова и понятия, о которых я доселе и слыхом не слыхивал.

Потом Абиш Кекилбаев написал повесть, где даже повествование ведется от имени гнедого скакуна. Тут уже и вдохновенные слова, найденные для описания лошади Чингизом Айтматовым в «Прощай, Гульсары!», оказались недостаточным подспорьем. Надо было каким-то образом разузнать, что подкопытная косточка называется по-русски козлон, а пучок волос над копытами лошади — щеткой, что ремень, проходящий под брюхом лошади и скрепляющий стремяна — скошевка, а полоска на местах, где перетягиваются подпруги, — ленник и т.д. и т.п.

Потом уже из какого-то дореволюционного немецкого лексикона я почерпнул сведения и о породах лошадей, и о том, что скелет лошади состоит из пятидесяти шести частей-названий, а для характеристики внешней формы коня необходимы сорок два слова, что есть еще десятки и десятки слов для описания масти и стати лошади, стойки, очертания спины, хребта, шеи, крупа, ляжек, ног, добавьте сюда виды аллюра (шаг, рысь, иноходь, галоп, карьер) с их разновидностями и с различными комбинациями, вроде того, что рысь с подсакиванием именуется тропотом, и еще добавьте не один десяток слов-названий разных частей и деталей конской сбруи, а также разные типы лошадиников и их профессий и т.д., и вы поймете, что для раскрытия одной темы «ЛОШАДЬ» необходим внушительный словарь.

Братьям-казахам, однако, и этого оказалось мало: они расширили «лошадиный» словарь еще отдельными понятиями, характеризующими возраст коня. Просто жеребенок — құлын, или — нежнее — құлыншак; если

же жеребенку более шести месяцев, но менее года — жаба?ы, годовалый жеребенок называется тай (стригун); сосун на втором или третьем году — арда емген; жеребенок по третьему году — кұнан; самец-трехлетка — дөнен; кобыла-трехлетка — байтал; лошадь по пятому году — бесті и т.д.

Приведу для любопытства еще ряд казахских слов, относящихся к теме «лошадь»: *торы* (гнедой), *құла* (буланый), *боз ат* (сивый), *бурыл ат* (чалый), *кер ат* (мухортый), *шабдар* (игрений, игреневый), *қара ат* (вороной), *кекіл* (челка), *құлақ* (уши), *мойын* (шея), *жал* (челюсть), *қабақ* (веко), *омыртқа* (позвонок, шейный столб), *жал* (грива), *желке* (затылок), *сағақ* (изгиб, шея и подбородок), *мұрын* (нос), *ерін* (губы), *тіс* (зубы), *қабырға* (ребра), *жота* (хребет), *омырау* (грудь), *төс* (грудинка), *бақай* (бабка, козон), *тұяқ* (копыта), *сікір* (сухожилие), *аяқ* (ноги), *жауырын* (лопатки), *сауыр* (круп), *мықын* (бок, маклок), *құйрық* (хвост), *қыл* (щетина, шерсть), *көтендік* (зад), *ұршық* (берцовая кость), *сан* (ляжки), *ума* (пах), *тірсек* (голень), *көз* (глаз), *шаша* (щетки), *әуке* (подгрудок)...

Вынужден остановиться: «лошадиные» слова, наверняка, займут несколько страниц. Мой покойный друг Аскар Сулейменов, большой любитель и знаток лошадей, просмотрев мой «лошадиный» словарь, сделал несколько карандашных пометок, пояснений в своем оригинальном стиле. *Таралғы* — крепление стремян; *өмілдірік* — нагрудник; *парыл* — храп; *текірек* — трот; *қаңтару*, *таң асыру* — выстойка; *үйір (ру)* — косяк; *тұлпар* — вне конкурса; *дүлдүл* — конь Азрет-Али; *саяқ жылықы* — диссидент (мерин, пасущийся особняком).

Справедливости ради следует сказать, что по части лошади и русский язык довольно богат. А вот там, где на страницах казахской прозы величаво возникает вдруг верблюд, у переводчика нередко бессильно опускаются руки. Если многие языки вполне обходятся словами «верблюд», «верблюдица», «верблюжонок», то казахи различают: *нар* (одногорбый), *бура* (двугорбый самец-производитель), *үлек* (породистый верблюд), *қаснақ* (метис одногорбого самца и двугорбой самки), *желбая* (верблюд-

скакун), *жалбай* (с горбами в разные стороны), *аруана* (одногорбая), *інген* (дойная), *атан* (холощенный), *арван* (порода вьючных верблюдов), *қайыма* (первородящая), *буыршың* (молодой верблюд-самец), *бота* (верблюжонок), *тайлақ* (годовалый), *азбан* (холощенный), *тұмса* (молодая самка), *жампоз* (разновидность жалбая), *майя* (приплод аруаны) и др.

В зимнюю пору все верблюды называются — *жүнді түйе*; в летнюю пору — *қара қайыс түйе*; в осеннюю пору — *боздақты түйе*. И верблюжья шерсть бывает трех видов: *биязы*, *жабағы*, *шуда* (остевой волос; длинная шерсть с нижней стороны шеи и на ногах выше колен верблюда). В свой черед и *шуда* бывает трех видов — *желке шуда*, *тізе шуда*, *томақшы*. И верблюжью шкуру делят на три вида: *мойнақ тері*, *бой тері*, *жондық тері*. Все это я узнал из разных статей, словарей, также из расспросов, когда колесил по Мангышлаку.

С добрым, покладистым верблюдом — я убедился у литераторов вообще сложные отношения. На какие только словесные ухищрения не идут переводчики, как только сталкиваются с верблюдом? У Махамбета Утемисова почти в каждом стихотворении встречаются породистые разновидности этого животного. Вот и читаем в русском переводе:

Не верится,
когда *жампоз* обычный
Сравняться может с *наром-силачом*,
Хоть и рожден *двугорбым*.
Не верится,
что может быть неумной
Совсем не схожей с матерью ни в чем
Дочь *аруаны* гордой».

(перевод А. Устинова)

Или:

Ведь знают люди,
что ты — ублюдок хилого верблюда.
Коспаком лучше назовись.

(перевод А. Устинова)

У другого переводчика — А.Б.Никольской — нередко такие выражения: «Бурый *нар* с могучей спиной», «день, когда, по льду скользя, падает крепкий *бууришин*», «день, когда в стаде *бура* покрывает *атана* вдруг», «день, когда бурый *нар* привязи рвет», «приплод *аруаны майей* зовут», «на наше дело нужен черный *нар*, рожденный от *улека* черный *нар*», «бег выносливый *аруаны*», «верблюжонок тощий, больной, как *атан* ходил по пескам», «гордо ступает *сарыатан*» и т.д.

Тяжело читается, не так ли? Нелепо звучит, чужеродно. Очень уж неуклюже лезет в поэтическую строку верблюд. Но что делать? Вот и прибегают к сноскам и пояснениям, которые, как известно, всегда отягощают художественный текст.

В русской прозе то и дело встречаются такие выражения: «верблюд кричал», «жалобные молитвы верблюдов», «свирепо вопит», «раздраженно покрикивает», «осадили верблюдицу на подогнутые колени», «пришлось укладывать верблюда наземь», «шишь — деревянная заноза, продаваемая в верхние губы верблюда» и т.д. Звучит непривычно, конечно. А все оттого, что не находится достойного эквивалента для казахских слов «*шөктіру*», «*боздау*», «*мурындық*» и др.

Что делать... приходится как-то выкручиваться. Не выкинешь же благородного верблюда из контекста азийской реальности...

Заклучая разговор о казахских словах, относящихся к животному миру, приведу для убедительности еще несколько слов из этого разряда: *ісек* — холощенный баран (двухгодовалый); *шыбыш* — годовалая коза; *бұзау* — теленок; *орда баспақ* — годовалый теленок-сосун; *құнан өгіз* — бычок по третьему году; *дөнежін* — самка-трехлетка; *тайынша* — годовалый бычок; *баглан* — ягненок раннего расплода; *құнан атан* — верблюд-мерин по третьему году; *тайлақ* — годовалый верблюжонок.

Примечателен список слов, обозначающий мир зверей и птиц одного лишь Семиреченского региона и упоминаемых в поэзии Ильяса Джансугурова. Приведу этот список из статьи Сайдила Талжанова о поэте:

Сілеусін, ілбіс, аю, бұғы, бұлан, қасқыр, серек, қарақұлақ, шибөрі, қарсақ, сусар, бұлғын, жанат, таутеке, арқар, құлжа, қарақұйрық, марал, тазқара, балтажұтар, ақбас, құмай, жұртша, саржақ, су бүркіті, лашын, түйғын, тұнжар, тынар, мыки, ителгі, бөрі, қкргі, құр, тұрымтай, бидайық, бүркіт, тығанак, үкі, ақсары, құладың, қара, боз, суық, бұкла, сіпті, шапшақай, майлық, маубас бұққ, шөже, тоқылдақ, сұр құрқынтай, бұлбұл, шымшық...

Далеко не всем этим наименованиям я в состоянии подобрать русский адекват. Знаю, что не найду его и в известных или доступных мне словарях. Вполне возможно, что некоторых птиц и зверей из этого списка уже и не встретишь в благословенном Жетысу, а иные, вероятно, числятся в «Красной книге». А слова остались, и свидетельствуют они об океане казахской лексики.

VIII

Сөз сөзден туады, сөйлемесе
кайдан туады?

Слово рождает слово: если
молчать, откуда ему взяться?

Казахская пословица

Огромный пласт казахского лексического богатства — архаизмы, слова, вышедшие из активного употребления. Жизнь течет, времена меняются, и слова — как люди: рождаются, стареют, дряхлеют, забываются, умирают. Последующим поколениям обветшалые слова-понятия уже не нужны. Другая эпоха — другие песни -иные нравы — другие потребности — новый быт. Все естественно. И это характерно для всех языков мира. И порою трудно определить, каких слов больше — активных или пассивных, живых или мертвых.

Казахский язык в этом смысле не исключение. Архаических слов в нем — море. И не надо углубляться в далекие века, в общетюркские времена, достаточно вникнуть в фольклор, в батырские дастаны, в религиозные киссы, в любовно-романтические поэмы, в исторические сказы, в творения Бухара-жырау, Дулата, Махамбета,

Шернияз, Шортанбая, Суюнбая и многих-многих других предшественников Абая, да и самого Абая; стоит прочесть исторические романы М. Ауэзова, И. Есенберлина, А. Кекилбаева, М. Магауина, Д. Досжанова, К. Жумадилова, выдающихся писателей начала XX века Ж. Аймаутова, Б. Майлина, И. Джансугурова, и вы убедитесь в неохватном богатстве казахской лексики, незаметно перекочевавшей в разряд архаизмов. Читая выше-названные произведения, а некоторых — переводя на русский язык, я делал для себя в блокнотах, в рабочих тетрадях, на разрозненных клочках бумаги, на полях книг выписки и примечания, которые просто недосуг собрать воедино — получился бы словарь устаревших, редко употребляемых казахских слов. Мне неизвестно, есть ли такой опыт или хотя бы попытка, но убежден: такой словарь был бы весьма целесообразен во всех отношениях. Ведь архаизмы — достояние любой национальной культуры, ее прошлое, ее прочный фундамент. Отметать эти слова за ненадобностью — просто неразумно, кощунственно.

Рискую быть назойливым и скучным, однако не могу удержаться от нескольких конкретных примеров.

Архаизмы из сочинений Бухара жырау (1693-1787): *пұсырман* (мусульманин), *маһи* (родовитая знать), *мамыр* (терпение, благоразумие), *көрпелдес* (краснобай-трепач), *морты?* (невзрачный, недомерок, малый), *кәләм* (слово судьбы), *һоммәт* (вялый, квелый, жалкий), *шөншіт* (кожаный мешочек для насыбая, кисет), *талыс* (из бычьей кожи), *арсы мен құра* (по мусульманскому поверью, небесная сфера состоит из семи слоев; два высших слоя, где решается потусторонняя жизнь усопшего, называются арсы мен күрсі), *шадияр* (четыре помощника-заместителя пророка Мухаммеда), *кебе* (кабаба) — обитель Творца.

Архаизмы, встречающиеся у Дулата (1802 -1887): *ғақыл* (ум, разум, нынешняя форма: ақыл), *газиз* (в смысле сожаления — қайран), *ғафыл* (неприметный, незаметный), *ғаділ* (справедливый, ныне — әділ), *гадет* (привычка, ныне — әдет), *қиямет* (начало потусторонней жизни), *жолан*

(джигит-пришелец, инородец), *гайып ирен қырық шілтен* или *Баба түкті шашты әзиз* — мифические духовники-благодетели, заступники-защитники.

Неупотребляемые ныне слова в творчестве Абая (1845 — 1904): *нәпіл* (молитва после захода солнца); *бергек* (покрывало жаулыка женского головного убора); *паруардигәр* (Бог, Создатель); *жықа* — (по одной версии подзатыльник, по другой — навершие богатырского шлема); *бадалық* (хвостовство); *сұхбат* (задушевная беседа); *өлекшін* (самка собаки или хищного зверя); *гиззат* (уважение, внимание); *райыс* (наслаждение, услада); *мәліш* (мелочь); *нәфрәтлі* (примерный); *серменде* (гуляка); *қәтпа* (проповедь); *шардақ* (беспомощный); *бәһра* (польза, пример, вклад), *бәңгі* (тупой, глухой) и т.д., а также множество арабизмов, фарсизмов, религиозных и философских терминов, не зная которых, Абая постичь невозможно.

Несколько слов из прозы Жусупбека Аймаутова, значение которых я так и не уяснил, хотя и обращался ко многим знатокам казахского языка: *шығу*, *маңқа*, *мандам*, *бұқылама* (по контексту, видно, болезни животных); *шауқар*, *бөдес*, *дүкірт*, *құнтийңқы*, *сұқым*, *салдаман*, *тәжібі*, *нырай*, *лике*, *жом*, *бейуаз*, *саңқал*, *ергенек*, *шайырқал*, *березе*, *мауқіл*, *мәзқар*, *шажа*, *мыршым*, *мудуар*, *дәнекүс*, *мырсын*, *шүлеңгер* и др. Вообще, язык Ж.Аймаутова поразительно богат, сочен, ярок, живописен, образен. Просто диву даешься! Кажется, М. Горький говорил о Лескове: «Язык знает до фокусов». То же можно сказать и об Аймаутове. Из всех казахских прозаиков, которых мне довелось читать, виртуозно владели родным языком Мухтар Ауэзов, Жусупбек Аймаутов и Ильяс Джансугуров. Бесподобно!

К древним казахским словам питал неизбывную тягу покойный журналист и писатель Балгабек Кыдырбекулы. Во время прогулок возле памятника Чокану он обрушивал на меня старинные казахские слова, испытывая тайную радость оттого, что мне они неведомы. Он мне втолковывал: *пәйкел* — детеныш марала; *нұғара* — вид охотничьего барабана, обтянутого кожей; *шүлеңгер* — кузнец, железных

дел мастер; *күрік* — круг, в который вводят лошадь для осмотра; *мурақ* — высокий расшитый головной убор казахской знати.

Из разных источников я также узнал, что самка барса называется *таутан*, барсенок — *алан*, котенок — *мәулен*, а древнее название волчицы — *қартқа*.

Словом, архаизмами, этнографизмами казахский язык исключительно богат. И их круг употребления из года в год все активнее, все стремительнее сужается. Из-за ненадобности тысячи и тысячи слов со временем выпадают из сферы употребления. Иногда раньше времени. Все меньше и меньше становится хранителей этих сокровищ. По себе знаю: многие слова, которыми мы, аульные сорванцы, пользовались в наших играх-затях, многие названия аульного быта — утвари, сбруи, ручных поделок, обиходной лексики — мои сверстники ныне и не упомянут. Далеко не все зафиксированы в словарях, в литературе. Несколько подобных слов привел как-то в «Ана тілі» читатель Олжабай Узакбайұлы:

Астақта — низкий столик, на котором раскатывают тесто, готовят пищу;

Сытыра — посуда, в которой хранят остаток муки и дрожжи;

Қамырбұрыш — один из видов дрожжей;

Рапида — специальные рукавицы, употребляемые при выпечке лепешек в раскаленном тандыре;

Шөрек — один из видов хлебного изделия;

Ақсыл — белок;

Кәуір — огненное дыхание раскаленной тандырной печи.

Все это и любопытно, и познавательно, и полезно. Не знаю, кому как, а меня лично казахские архаизмы волнуют, будоражат сознание и память. Хотелось бы поделиться с читателем большим количеством примеров, но надо ведь знать меру и вовремя остановиться.

* * *

Стерлись в народной памяти и много специальных слов-терминов. Приведу одну цитату из «Эха» У. Джанибекова:

«В наши дни, как это ни парадоксально, только отдельные знатоки танцевального фольклора могут назвать и показать такие характерные движения и жесты казахского танца, составляющие его основу, как «*саяқ жүріс*» (осторожный ход), «*сыпайы жүріс*» (изящный ход), «*қымыма*» (пластика рук), «*шынжара*» (бегущие волны), «*өкше алмасу*» (ход с поворотом), «*малдас*» (приседание), «*айналымалы-ауыспалы*» (переменный ход с вращением), «*өкшелеу*» (ход с каблука), «*сүйретпе*» (скольжение), «*сырма*» (поземка), «*дүлей*» (вьюжные закручивания), «*зырылдауық*» (вихрь), «*бұрқасын*» (полет метели), «*орату*» (наматывание), «*ширатпа*» (сучение), «*бұраңбел*» (гибкость талии) и др.» (стр. 269).

* * *

Хочу обратить внимание читателя еще на одну особенность казахского языка: это обилие и выразительность так называемых *құс сөз* — двойных, парных слов, слов-дуплетов. Без них не обходится ни устная, ни письменная речь. И придают они речи особенный шарм: украшают, обобщают, дополняют, оттеняют основной смысл.

Переводить их адекватно на русский язык далеко не всегда удается. При этом второй, дополнительный, элемент слов-дуплетов часто не имеет конкретного значения (или потерял его), он не самодостаточен, но придает основному смыслу обобщающий, расширяющий смысл. *те-міте* — очень-очень; *дос-жаран* — примерно: друзья-товарищи; *бала-шаға* — детки-домочадцы; *ілік-шілік* — примерно: дела-делишки. Или звукоподражательные *қос-сөз*: *сарп-сұрт*, *тарс-тұрс*, *быт-шыт*, *дұрс-дұрс*, *кұрс-кұрс*, *арс-арс* и т.п.

Разновидностей казахских *қос сөз* столько, что им следует, пожалуй, посвятить отдельное исследование. Чем богаче язык у художника, тем больше и чаще встречаются у него *қос сөз*. С помощью слов-дуплетов можно выразить самые сложные философские, абстрактные понятия и разные психологические нюансы. В любом рассказе, в любой статье, в самой заурядной обыденной речи редко кто обхо-

дится без кос сөз. Они характеризуют природу казахского языка. Вот, к примеру, я сейчас взял в руки свежий номер «Қазақ әдебиеті» (№ 10/2001) и наткнулся на памфлет Турсынжана Шапая «Как я поздравил акима». В этом небольшом по объему памфлете я насчитал 62 кос сөз: *әрі-бері, жылт-жылт, жуып-шайып, ұзын-сонар, үйме-жүйме, кәкір-шүкір, қадір-қасиет, ұсақ-түйек, бет-пішін, ішкен-жеген* и т.д. Или вот в статье Аманхана Алима «Еще раз о том же западничестве» («КЭ», 16.03.01): 77 кос сөз.

В русском языке хоть и значительно реже, меньше, но подобные словообразования также встречаются, особенно в сказках, былинах, просторечии. К ним прибегают и писатели. Меня поразило обилие таких слов в романе «Шахта» А. Плетнева: *знай-ведай, думай-соображай, раз-мазня-тесто, чувство-знание, цепи-скрепки, тварь-крыса, дурак-дурачина, едва-едва, желоб-рештак, доска-семерка, жива-здоровая* и т.д.

Так что, кос сөз — отнюдь не привилегия тюркских языков. И все же русские парные слова, слова-дуплеты по смысловой окраске, по разнообразию, по эмоциональной выразительности не идут ни в какое сравнение с казахскими кос сөз.

* * *

Понятно, что в рамках «Записок» я лишен возможности обстоятельно говорить о своеобразиях казахского поэтического языка и поэтических форм. Это увело бы меня в такие специфические, узко профессиональные дебри, из которых читателю было бы мудрено выбраться. Но на одно свойство казахского стихосложения все же обращаю внимание, а именно на богатство рифмы. По многоликости и звучности рифмы казахский язык дает ощутимую фору и русскому, и западноевропейским, и многим другим азиатским языкам. Дело в том, что природа рифм, их качество и содержание в русском и казахском языках совершенно различная. Это и понятно: разность рифм предопределена силлабической и тонической структурами стихосложения. Русская рифма в один ударный слог для казаха звучит скудно, бедно, примитивно.

Казах любит рифму звучную, полнокровную, где созвучны не один слог, а минимум два, а лучше — три, четыре и более слогов. Как у Абая: «ән бе екен» — «сән бе екен». Как у Маяковского: «носки подарены» — «наскипидаренный». Как в известном трехстишии, пришедшем мне сейчас на память: «Не вы, но Сима, страдала невыносимо, рекой Невы носима». Вот подобная составная рифма звучит совершенно по-казахски. Вот такую игру слов, где слоги в строчках перекликаются, как бубенцы, казах обожает. И Создатель щедро одарил казахский язык рифмами. Это поистине поэтический язык.

Русский язык на рифмы значительно бедней, на что сетовал в свое время еще Пушкин, высмеивая набившие оскомину рифмы типа: «любовь — кровь — вновь», «младость — радость», или, добавлю я, немецких: «Herz-Schmerz», «Nur-Natur», «Sonne-Wonne». Казахская поэзия по части рифм — счастливица.

Уместно здесь вспомнить Ильяса Джансугурова. Читая его, чувствуешь: он вскормлен, воспоен казахским вековым фольклором, насыщен дастанным духом, поэтикой номадов, и находить рифму в сингармонической стихии казахского стихосложения ему не представляло никакого труда. Он мыслил стихами, рифмы водопадом исторгались из него, и ему — так кажется — приходилось даже обуздывать себя, чтобы не впасть в шешенский (ораторский, риторский) раж. Впрочем, это можно сказать о многих выдающихся казахских поэтах.

Какие рифмы, какую игру слов и созвучий можно встретить в поэме «Күйші» Ильяса Джансугурова:

«жүгірмейді — күй білмейді — мәуілдейді»;

«дүрілдетіп — дірілдетіп — жүр-жүрлетіп»;

«бипыңдады — күйтыңдады — сылқылдады»;

«сарқ-бүрк етті — жарқ-жүрк етті — сарт-сүрт етті»;

«былқылдаған-ыңқылдаған-сылқылдаған»,

т.е. сплошь и рядом рифмуются по четыре слога. И это вообще характерно для казахской поэзии. Можно найти примеры, где рифмуются по пять-шесть слогов, а то и все строчки традиционного одиннадцатисложника («Витязь в тигровой шкуре» в переводе Х. Абдуллина или поэма «Туркестан» Ж. Абдрашева).

Говоря о природе казахского языка, невозможно пройти мимо этого уникального свойства национальной поэтики.

IX

Жүздің көркі — көз, ауыз көркі — сөз.

Глаза украшают лицо, слово

украшает уста.

Казахская пословица

У каждого народа своя ментальность — своеобразный склад ума, свое мироощущение, миропонимание. Казаху, например, не свойственны точность, четкость в европейском понимании. Он предпочитает речи иносказательные, метафорические, с намеками, с красочными образами, витиеватые. Душа у него широкая, вольная, как степь. Мыслит он космическими категориями. Он с презрением относится к мелочам жизни, к мышиной возне, к муравьиной суете. Он щедр, дорожит днем сегодняшним, почитает предков, уважает традиции. На вопрос: «Сколько у тебя детей?» казах редко ответит точно: «двое, трое». Он скажет: «Э, слава Аллаху, бегают тут пятеро-шестеро». Спросишь: «Сколько километров до следующего аула?», он ответит, почесав затылок: «Э, кто твои километры считал? Кто божью землю мерял?», и скажет: «*Иек астында*», то есть, «под подбородком». Или: «Два ягнячьих перегона». Или: «Один скок на стригунке». Или: «За время, пока вскипятишь молоко, доедешь». Или: «За время, пока сварешь мясо... пока подоишь кобылицу... верблюдицу...» Если уж совсем рядом, то «на расстоянии крика», «на расстоянии брошенной палки», «на длину аркана». И даже «на расстоянии струйки мочи» («*сідік шаптырылм*»). Если далеко, то «на расстоянии двух-трех ночевок», или «двух-трех-дневного пути». Спросишь возраст, тоже не всегда точно ответит. Скажет, подумав, со значением: «Ододел

перевал жизни», «Полпути достиг», «Взобрался на вершину мудрости», «перевалил за шестой десяток», «добрался до возраста Пророка», «уж недалек аул семидесятилетия», «дополз до ледяного пика восьмидесятилетия», «седьмой год седьмого десятка», «до тупика девяностолетия рукой подать» и т.д.

Вообще для казаха говорить прямо, в лоб, без вводных фраз, без слов приличия, так называемых ритуальных фигур, однозначно предосудительно, бестактно. Тот, кто говорит напрямик, в лоб, «ляпает сходу» — человек «русского нрава», «русского характера». В понимании казаха это отнюдь не достоинство.

* * *

Есть такое старинное казахское выражение, устойчивое словосочетание — «*үйіріңмен үш тоғыз*». Буквально это переводится как «С косяком три девятки». Фразу эту говорят, как бла-гожелание, как доброе напутствие. По смыслу: «Да постигнет тебя крупная удача!», «Возвращаясь с отменной добычей!». Каждый раз, когда встречалось мне это выражение, я затруднялся его передать по-русски, ибо неясно было его первоначальное значение, его потаенный смысл. Что за косяк? Откуда девятка? Почему три?

Объяснение, наконец, я нашел в этнографическом этюде Акселеу Сейдимбека.

Оказалось, это выражение уходит корнями в глубокую древность, едва ли не в гуннские времена и связано с животноводческой практикой кочевых племен. Издревле считалось, что самцам четырех видов домашних животных — жеребцу, быку, верблюду-буре и барану-кошкару — «полагается» для оптимального размножения и здоровой селекции по девять самок. Самец и девять самок составляют одну «семью», один «*үйір*», один «косяк». Отсюда определялись и разные степени награды, поощрения, т.е. один «*үйір*» во главе с самцом-верблюдом, или девять коров с бугаем, или девять овец-маток с бараном-производителем. Это было одновременно и мерилom штрафа, наказания за какую-нибудь провинность. Плата

за жизнь человека («құн») определялась до «девяти девяток», т.е. до девяти «үйір», «косяков» по девять (с самым десяти) голов скота.

Вот что означает формула удачи или добычи — «үйірің мен үш тоғыз» — с косяком три девятки.

* * *

Малоизвестные слова в романе А.Нурпеисова «Последний долг», которым я так и не нашел русского адекватного при переводе:

аласат лаң, жұмбаздап, тағдыр кесігі, үзір көбейіп, жабдан біреудей, айбықадамданып, тұғыжым, мартудай, беренауыз, күпсер бойы, жетішкі әйел.

Смысл в контексте мне понятен, но точного перевода этих слов на русский пока не нашел.

* * *

Известно, что число семь у казахов (как и у многих других народов) относится к священному, магическому. Этнограф и писатель Сеит Кенжеахметулы обыгрывает это число, конкретизируя разные этноэтические понятия, связанные с этим числом. Вот его примеры:

Жеті шәріп (Семь святых мест или предметов)

1. Мекке
2. Медина
3. Бұхара
4. Шам
5. Қатым
6. Құддыс (Мысыр)
7. Кәләм (Құран)

Жетіру (Семь родов Младшего жуза)

1. Кердері
2. Тілеу
3. Жағалбайлы
4. Рамадан
5. Табын
6. Тама
7. Керейіт

Жеті казына (Семь благ, богатств)

1. *Ер жігіт* (Храбрый джигит)
2. *Сұлу әйел* (Красивая женщина)
3. *Ақыл, білім* (Ум, образование)
4. *Жүйрік ат* (Быстрая лошадь)
5. *Қыран бұркіт* (Сокол-беркут)
6. *Берен мылтық* (Охотничье ружье)
7. *Жүйрік тазы* (Гончий пес)

Жеті жұт (Семь бед)

1. *Құрғақшылық* (Засуха)
2. *Жұт* (Бескормица, падеж скота)
3. *Өрт* (Пожар)
4. *Оба* (Холера)
5. *Соғыс* (война)
6. *Топан су* (Потоп, наводнение)
7. *Зілзала* (Землетрясение)

Жеті су (Семь рек, Семиречье).

1. *Іле*
2. *Қаратал*
3. *Ақсу*
4. *Көксу*
5. *Басқан*
6. *Лепсі*
7. *Сәрқант*

Жеті ғалам (Семь частей Света):

1. *Шығыс* (Восток)
2. *Батыс* (Запад)
3. *Оңтүстік* (Юг)
4. *Солтүстік* (Север)
5. *Аспан* (Небесная — высшая — часть света)
6. *Жер* (Земля, срединная часть света)
7. *Жерасты* (Подземье, нижняя часть света)

Жеті жетім (Семь сирот):

1. *Тыңдамаған сөз* (Невостребованное слово)
2. *Қиюсыз бөз* (Несшитые лоскуты бязи)
3. *Иесіз жер* (Обезлюдевшая земля)
4. *Басшысы жоқ ел* (Народ без предводителя)

5. *Аққу-қазсыз көл* (Озеро без пернатых)
6. *Жерінен айырылған ер* (Храбрый муж, лишенный родины)
7. *Замандасы қалмаған* (Старец, лишившийся сверстников)

Жеті тозақ (Семь кругов ада):

1. *Жаһаннам*
2. *Иази (Ләзи)*
3. *Жахин*
4. *Хатма*
5. *Саир (сагир)*
6. *Сахр (сықыр)*
7. *Һауия (Хауиа)*

Жеті қат жер (Семь сфер подземелья).

1. *Тұңғиық* (Пучина)
2. *Жылан* (Гадюшник)
3. *Су* (Вода)
4. *Қос балық* (Две чудища-рыбы)
5. *Қара тас* (Черный камень)
6. *Көк өгіз* (Сивый вол)
7. *Жер* (Земля, твердь)

Жеті қат көк (Семь небесных тел)

1. *Ай* (луна)
2. *Күн* (солнце)
3. *Шолтан* (Сириус)
4. *Есекқырған* (Меркурий)
5. *Қызылжұлдыз* (Марс)
6. Сатурн
7. *Мүштәри* (Юпитер)

Жеті күн (Семь дней недели):

- а) 1. *Дүйсенбі* (понедельник)
2. *Сейсенбі* (вторник)
3. *Сәрсенбі* (среда, день удачи, везения)
4. *Бейсенбі* (четверг)
5. *Жұма* (пятница, священный день)
6. *Сенбі* (суббота)

7. Жексенбі (воскресенье)
- б) 1. Бүгін (сегодня)
2. Ертең (завтра)
3. Бүрсікүні (послезавтра)
4. Арғы күн (после послезавтра)
5. Ауыр күн (тяжкий день)
6. Соңғы күн (последний день)
7. Азына (скорбный день)

* * *

Несколько историзмов:

Абыз – мулла, писарь и советник при ханах, султанах и родоправителях; грамотный человек.

Азиям — верхняя одежда широкого покроя.

Аталық – дядька знатных казахов, воспитатель ханских детей.

Бек — бей, князь, феодальный владетель.

Көш – стоянка, стан.

Тархан — титул, пожалование которого освобождало от налогов.

Төре — господин, знатный феодал; чингисид.

Ұлыс – владение, удел.

* * *

Предметы, изготавливаемые из обработанной кожи:

ішік, тымақ, тайжақы, тон, шалбар, бөстек, шөнішiк, талыс, саба, торсық, тұлып, көнек, малақай, қолғап, тулақ, сыпыра, дастарқан, өң, терлік, өт, тоқым, тебінгі, ішпек, төсеніш.

Изделия из сыромятной тесьмы:

Таралғы, тебінгі, жүген, ноқта, айыл, құйысқан, өмілдірік, шідер, тұсамыс, тағабау, шеттік, қанжыға, тізгін, шылыбыр, шалма, ар?ан, таспа, көрік, сірі, сірге, түйме, тұтқа, тоқым, адырна, көк, ұлтан, құлақбау, шілія, божы, оймық, қамшы, бишік.

* * *

Казахское «көк» (как цвет) означает и серый, и сивый, и голубой, и — иногда — даже зеленый («көк шөп»).

У немцев тоже голубой и синий цвета обозначаются одним словом — blau.

* * *

Вот слова, которые понемногу внедряются в современный казахский язык:

Дәлелдеме — аргумент

Дәйектеме — обоснование

Уәж — мотив

Уәждеме — мотивация

Тәлімгер — наставник

Тағылымдама — стажировка

Бәсіре стипендия — именная стипендия

Еңшілес компания — дочерняя компания

Сары басылым — желтая пресса

Не помню, кто автор этих нововведений, но в них, на мой взгляд, есть и смысл, и форма.

* * *

Коктебель... Этимология этого слова просматривается ясно: «*Көк төбелі ел*» — «Страна (край) голубых холмов». Поэтично!

* * *

Некоторые казахские пословицы переводятся на русский язык буквально, точь-в-точь, и при этом сохраняют свою смысловую и эстетическую значимость. Вот несколько примеров:

Коварство одной женщины — груз сорока ослов.

Кто сорок бед вытерпел, тот и сорок первую вытерпит.

Чего нет, того и на скакуне не достичь.

Яловая корова много мычит.

Благодаря рису и сорняк воду пьет.

Беркут состарится — мышковать начнет.

Впрочем, таких примеров много во всех языках.

Х

Тауып сөйлесе" — күміссі",
таппай сөйлесе" — мыссы".

Уместное слово — серебро,
неуместное — медь.

Казахская поговорка

Мои записки о казахском слове были бы слишком неполны без упоминания структуры и особенностей шешенской (ораторской) речи, фразеологизмов, пословиц и поговорок. Постараюсь дать, конечно, очень общие, краткие сведения об этих свойствах казахского речестроя.

Говоря о шешенской речи, нужно еще раз подчеркнуть особенное, культовое отношение номадов к Слову — отточенному, ассоциативному, яркому, афористичному, ритмизованному, хлесткому, метафоричному, организованному по канонам высокой риторики. Казах-кочевник воспитывался веками на культивированном, поэтическом слове, оно вошло в его кровь и плоть, он знал цену ему, неизменно восторгался (восторгается) словом самобытным, незатертым, с подтекстом и намеками, уместным, попадающим точно в цель, сражающим наповал, вдохновляющим на подвиги, запоминающимся, как на скальной надпись.

Словесные поэтические ристалища, состязания — айтысы предполагают не только умение говорить в рифму, красноречиво, но и ощущение тонкого чувства меры, когда участники не просто «переговаривают», «перебалтывают» друг друга, а по достоинству ценят меткость, яркость и выразительность истинного слова и вовремя останавливаются, умолкают, признав преимущество соперника.

Такова общепризнанная культура, таков общепризнанный статус высокой шешенской речи подлинных златоустов-биев.

Впечатление от словесного состязания поэтов-шешенов хорошо передал ссыльный поляк Адольф Янушкевич:

«Несколько дней тому назад я был свидетелем столкновения между двумя враждующими партиями и с удивлением рукоплескал ораторам, которые никогда не

слышали о Демосфене и Цицероне, а сегодня передо мной выступают поэты, не умеющие ни читать, ни писать, однако поражающие меня своими талантами... Народ, который одарен Творцом такими способностями, не может оставаться чуждым цивилизации: дух ее проникнет когда-нибудь в казахские пустыни, раздует здесь искорки света, и придет время, когда кочующий сегодня номад займет почетное место среди народов, которые смотрят на него сверху вниз, как высшие касты Индостана на несчастных париев». (А. Янушкевич. «Дневники и письма из путешествия по казахским степям». А., 1966. С. 71).

Образцы шешенской речи мы встречаем в казахском фольклоре, в заповеданных потомкам мудрых сентенциях прославленных биев трех жузов — Толе, Казыбека и Айтеке, в драмах М. Ауэзова и Г. Мусрепова, в исторических повествованиях многих казахских прозаиков. Элементы, россыпи шешенской речи сохранились и в устных, импровизированных выступлениях иных современных общественных деятелей, звучат они порой с политических трибун, из уст деятелей культуры, во время дастарханных словоизлияний и задушевных разговоров. Увы, шешенская речь осталась в прошлом, в той поре народного сознания, когда Слово было единственным и главным богатством казахов.

Перекладывать на иные языки шешенский строй речи в полном смысле невозможно. Можно только попытаться дать намек, передать тень, воспроизвести «изнанку ковра». Для иллюстрации этого утверждения приведу отрывок из речи Айтеке би. Сначала в оригинале, потом — в моем посильном изложении по-русски.

“Пәлі жән-ақ сөз! Ендеше, мен атадан балаға қалар мұрадан бастайын сөзімді. Бата — құранның анасы. Айтады ердің данасы. Атадан бота қалмасын, бата қалсын. Ботаның құны — бір-ақ жұт, батаның құны — мәңгі құт. “Жаңбырмен жер көгереді, батамен ер көгереді” деп отыратын баяғының данагөйлері... Адамға тәттінің жақыны — туыс. Туысыңмен әуелде туыспау керек, туысқан екенсің, сөз қуыспау керек. Туысыңнан кетіссең, басың азаяр, құрмет тұтып, сыйлассаң, қасың азаяр.

Ағайынмен той-тойлас, саудаласпа, жауыңмен саудалас, той-тойласпа”.

Прошу обратить внимание на строй речи, на ритм и метрику, на рифмы («анасы — данасы», «бота — бата», «құт — жұт», «жер — ер», «жуыспау керек — қуыспау керек», «басың азаяр — қасың азаяр»), на параллелизмы («той-тойлас — саудалас», «саудаласпа — той-тойласпа!»), на внутреннюю динамику.

В русском переводе все эти элементы, рифмы, игра слов безнадежно блекнут, исчезают, умирают.

«Уах, истинная правда!.. Коль так — начну со слов, заповеданных предками. Благословение — милость. А милость — мать всего сущего. Сердцевина священного Корана. Сказано мудрецами: не табуны отцовские благо потомкам, а истинное благо — милость предков, переданная в наследство. Один лишь джут, бескормица-зима — и нет табуна. А благословение предков — неиссякаемая казна. Как весенний ливень степь обновляет, так благословение старших жигита вдохновляет. Близкий сородич — сердцу услада. Не всякого к сердцу своему подпускай, а уж коль породнился — кривотолков избегай. С сородичем поссорился — накличешь беду, не давайте повода злорадствовать врагу. Не торгуйся с родичем, торг устраивай с врагом, с собратьями пируй, гуляй, с врагом держись особняком». Тот же Айтеке би рассуждает так: «А всем на свете верховодит, все в единый смысл сводит — ум. Мудрости краса подобна озеру прозрачному. Глупость — что тучи в день ненастный. Слово, сказанное глупцу, вода, ушедшая в песок. Слово, обращенное к умному, что стяг в руке народа. Красота взор ублажает, ум народ объединяет. Уменье наслаждаться красотой и восхищаться достоинством — признак ума. Внимать мудрым речам — удел благородства. Назойливые нравоучения оскомину набивают. Лживые наставления народ с толку сбивают. Ум питает сердце, облагораживает душу. Ум — надежная опора, верный спутник твой, однако не кичись и не умничай перед толпой. Быть умным — красота. Казаться умным —

уродство. Здоровая плоть, свободный ум, чистые помыслы воплощение счастья в жизни. Но нередко бывает, что все горести-напасти обрушиваются на достойного, а везенье-счастье достается ничтожному... На все воля Создателя, а человек слаб...»

И еще один пример:

«Нет такого человека, который желал бы себе зла. А коли желаешь добра себе — не делай худа другим! Нет большего греха, чем злорадство и враждолюбие. Там, где царит добро, в душах людских мед разливается, там, где расплеснулось зло, кровь проливается».

А вот как говорит Айтеке би о правде: «Не свяжешь нити без узла, без правды — речь твоя пуста. И обезьяну слушай, коль правду говорит. С правдой в бой иди без оглядки, коль дружить решил — раскрой объятия».

Надеюсь, эти примеры дают некоторое представление о форме и содержании шешенской речи. Такие сентенции, мудрые высказывания, ораторские приемы мы находим в изобилии и у Толе-би, и у Казыбек-би, и у многих других известных биев.

* * *

Известно, что в фразеологизмах отражается образность, затаенный дух живого языка. Именно фразеологизмы оживляют речь, придают ей особый шарм, то, что ласкает слух и что Абай называл «красотой речений».

Фразеологизмы имеются в каждом языке. «Немецко-русский фразеологический словарь» Л.З. Биновича и Н.Н. Гришина содержит 14 тысяч фразеологических единиц. Во «Фразеологический словарь казахского языка» (акад. С.Кенесбаева), вышедший в 1977 г., вошло более 10 тысяч фразеологических образований.

Каждый язык отражает сугубо индивидуальные мироощущение, мировосприятие, духоустройство. Нейтральные идиомы, общие для нескольких языков, — редкость. Русские утверждают: у лжи короткие ноги. Точно так же выражаются и немцы: "Lügen haben kurze Beine". И казахи в таком случае пользуются почти тем же фразеологизмом: «*Өтіріктің құйрығы бір-ақ тұтам*».

Казахские фразеологизмы самобытны, образны. О человеке жадном, ненасытном, о хапуге казахи, например, говорят: «Проглотит верблюда с шерстью, кобылу с выюком». Это, согласитесь, сильнее и образней, чем русская «ненасытная утроба». Попробуй, угадай, что это значит, если казах о ком-то говорит, что он «один день кобыла, один день верблюд». А это адекватно русскому «семь пятниц на неделе». Буквальный перевод казахского выражения «*Жезөкше*» — «медный каблучок». Несколько лет назад в центре Алматы появилась ненадолго обувная мастерская под этим названием, пока незадачливому хозяину не объяснили, что «*жезөкше*» по-казахски просто-напросто «проститутка». Там, где русский говорит: «врет, глазом не моргнет», казахи выражаются: «*ақсақты тыңдай, өтірікті шындай қылады*», то есть, «сделает хромого здоровым, ложь — правдой». Если по-русски говорят: «Не семи пядей во лбу», то казах прибегает к форме: «Не с небес он спустился». О беременной женщине принято по-русски говорить: «в положении», казахи в таком случае употребляют выражение «*аяғы ауыр*» — букв.: «у нее ноги тяжелые». Буквальный перевод фразеологизмов из одного языка на другой, как правило, создает комический эффект. Помните расхожую фразу: «Я вижу солнце на твоей спине», означающую по смыслу: «Я живу благодаря тебе». Сопоставление фразеологизмов в разных языках, подыскивание наиболее точных аналогов — поучительное, познавательное и увлекательное занятие. Гиви Гачечиладзе в книге «Художественный перевод и литературные взаимосвязи» (СП, 1980) приводит одну грузинскую пословицу и ее эквиваленты в разных языках:

«Благослови брод, выйдя из него» (груз.)

«Не говори «гоп», пока не перескочишь» (русс.)

«Не свисти, пока-не вышел из леса» (англ.)

«Не празднуй победы без боя» (франц.)

«Не хвали дня, пока не наступит ночь» (нем.)

«Не говори «четыре», пока орех не в мешке»
(итальянск.)

«Не кончил дела, не хвастай» (испанск.)

Опытные переводчики с казахского нередко прибегают к калькам, смело вклинивая их в русский текст, тем самым передавая аромат казахской прозы. Вот как это, например, сделал Иван Щеголихин, озвучивая фразеологизмы в повести Дуkenбая Досжана:

«Если ветер покачнет верблюда, то козу ищи в небе».

«Слова подталкивают слова, а мысль подталкивает мысль».

«Душа у него висит на кончике носа».

«У кого руки шевелятся, у того и рот шевелится».

«Наступать на хвост спящей змеи».

«Узор чаши со временем стирается, но достоинства ее остаются».

«Барыпкел умеет жирные слова говорить».

«Не смогли сварить общий казан с директором».

Хоть и скалькировано, а все по-русски понятно.

* * *

В 1988 году в издательстве «Мектеп» вышел «Казахско-русский фразеологический словарь» Х. Кожахметовой, Р.Жайсаковой и Ш. Кожахметовой. Словарь содержит более 2300 фразеологических единиц и их вариантов. Труд, достойный внимания. Приведу из него несколько примеров, дающих представление об образности казахских фразеологизмов:

Ақ түйенің қарыны жарылу — букв.: брюху белого верблюда быть распоротым — по смыслу: пир горой.

Ақылы алтыға, ойы онға бөліну — букв.: ум делится на шесть частей, а думы — на десять. По смыслу: голова идет крутом.

Бүйректен сирақ шығару — букв.: почку превратить в голень. Смысл: вкривь и вкось.

Ертеңгі құйрықтан бүгінгі өкпе артық — букв.: лучше иметь сегодня легкие, чем надеяться на завтрашний курдюк. По смыслу: лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Өз қотырын өзі қасу — букв.: каждый сам свою болячку чешет. Смысл: сам по себе.

Талагының биті бар — букв.: у него в селезенке есть вошь. Смысл: деловитый, энергичный.

* * *

Ну, а пословицами, поговорками казахский язык исключительно богат. Их народ накопил чудовищное количество на все случаи жизни. При этом нередко бывает, что пословицы противоречат друг другу, что свидетельствует о диалектическом мышлении. Поражает и тематическое разнообразие казахских поговорок и пословиц. Утебай Турманжанов, например, в своем однотомнике «Пословицы и поговорки казахского народа» (А., 1980) классифицировал их на тридцать тем: «О Родине», «Об единстве», «О храбрости и трусости», «О народе», «Об одиночестве», «О человеке», «О доме, семье», «О языке», «О родителях», «О времени», «О богатстве и бедности» и т.д.

Еще школьником я прилежно собирал казахские пословицы. Но потом понял: в мире пословиц можно утонуть. Да и разных сборников пословиц выходило немало. А Музафар Алимбаев не только собирал народные пословицы, но и сам сочинял их в огромном количестве (острословы-шутники называют их музафаризмами, по аналогии с афоризмами) и переводил, искусно рифмуя, из других языков.

Последняя новинка, попавшаяся мне на глаза, — «Казахские пословицы и поговорки на казахском и русском

языках», собранные журналистом Мадатом Аккозиным (А., 2001)¹. Он разделил пословицы на пятьдесят тем и перевел их параллельно на русский язык, стремясь это делать адекватно по форме и по содержанию, что, разумеется, очень не просто: ведь помимо лапидарности, упругости необходимо передать игру слов, рифму, синтаксические параллелизмы, аллитерации, созвучие гласных и согласных и прочие тонкости. Понятно, что при этом случаются и удачи, и огрехи. Но речь сейчас не об этом. Я приведу несколько примеров из этой, несомненно, полезной книги, дабы подчеркнуть своеобразие казахских пословиц.

Көл толкыса — жар құлайды, көп толкыса — хан құлайды.

Озеро разбушуется — берега размывает, народ поднимется — хана свергнет. (Смысл и ритмический строй пословицы переданы точно, но исчезло созвучие: көл — көп, жар — хан).

Елдің күші — селдің күші.

Сила народная могуча, как селевой поток. (Смысл — да, верен. Но исчезли рифма и лапидарность).

Білмегенді білдірмесең, білгендігің бар болсын.

Что толку от твоих знаний, если не можешь незнающих вразумить. (Может быть по смыслу близко, но звукопись, аллитерация, столь свойственная структуре казахских пословиц, исчезли, оттого и форма передачи хромает).

Қылыштың міндеті — кесу, қолдың міндеті — шешу.

Долг сабли — рубить, долг руки — ее остановить. (Не совсем так, но приемлемо).

Бәле қуған бәлеге жолығады, жала қуған жалаға жолығады.

Кто ищет беду — беду назовет, кто ищет ссору — ссору назовет. (Пожалуй, хорошо).

Переводить пословицы адекватно, т.е. сохраняя смысл и форму, — крайне трудно. Зачастую — невозможно. Чем-то приходится жертвовать: или смыслом, или формой. И то, и другое — искажение.

¹ Кстати, все поговорки и их переводы на русский язык, приведенные эпиграфом к каждой главке данной работы, взяты мною из этого сборника.

Приведу пример из, так сказать, личной практики. Однажды в переводной редакции издательства несколько джигитов мудрили над переводом казахской пословицы: «*Қара аргымақ арыса, қарға адым жер мұң болар*». Смысл: «Когда черный скакун отощает, ему и расстояние в вороний шаг печалью станет». Но как это передать точнее и более складно, упруго по форме? Ерлан предложил: «Загнанному вороному вороний шажок верстой покажется». Совсем неплохо. И смысл сохранен, и фонетический рисунок воспроизведен (ар, ар, ар — вор, вор, вор). Бахытжан предложил свой вариант: «Одряхлевшему вороному в тягость расстояние в вороний шаг». Тоже приемлемо. Мы долго переключивали пословицу и так, и сяк. В конце-концов получилось: «Одряхлел вороной — вороний шаг верстой покажется». Вроде бы прилично. Вероятно, можно сделать еще лучше.

ХІ

Келді жел қозғайды, ойды сөз қозғайды.

Ветер озеро приводит в движение,
слово — мысль.

Казахская поговорка

С обретением независимости в Казахстане началась, можно сказать, тотальная борьба с варваризмами в языке. Вдруг обнаружилось, что родной язык ужасающе засорен заемными словами — интернациональной лексикой и руссизмами. Это оскорбляло национальное чувство, унижало язык, уроняло его престиж. И без того ограниченная сфера употребления казахского языка сужалась на глазах до уродства, до пародии. И главное — это было просто несправедливо. Исконное богатство казахского языка, его исключительные возможности в словотворчестве, в словообразовании нарочито обеднялись. Варваризмы мозолили глаза, как сорная трава на неухоженном поле, и оскорбляли слух, как фальшивая нота в мелодичной песне. Заемные слова, сплошь и рядом употребляемые как в устной, так и в письменной речи, типа — коллектив, самолет, колхоз, творчество, салют, зоопарк, юбилей, космонавт, пенсионер, сумка, медсестра и сотни подобных варваризмов, стали

набивать оскомину, вызывали откровенную неприязнь, аллергию, их стали вытравливать из речи, им стали повсюду и активно подыскивать сугубо чистый казахский аналог. В ход пошли древние, забытые слова, арабизмы, тюркизмы, фарсизмы, неологизмы, искусственные образования — порою весьма удачные, порою сомнительные, спорные, порою неуклюжие, анекдотичные, подозрительные, откровенно экспериментальные. Какие-то новообразования прижились в живом языке сразу же, другие «прописались» временно, третьи отвергались сходу, как слова-ублюдки, чуждые природе языка. Об этом и поговорим подробнее на конкретных примерах.

Для начала приведу несколько слов, введенных в казахский обиход литератором, переводчиком Ислямом Жарылгаповым. Он является автором не одной сотни неологизмов.

Балмұздақ — мороженое (*бал* — мед, *мұздақ* — ледок: «медок — ледок»). Сравни узбекское: «*мұзқоймоқ*» — *мұз* — лед, *қоймоқ* — тугие сливки); *аялдама* — остановка; *шеберхана* — мастерская; *суреткер* — художник; *саяжай* — дача; *аққайнар* — шампанское (*ақ* — белое, *қайнар* — кипящее, бурлящее); *теледидар* — телевидение; *басылым* — издание; *қазанама* — некролог (*каза* — смерть, утрата); *азагүл* — венок (*аза* — скорбь, *гүл* — цветок); *балабақша* — детский сад; *оқырман* — читатель; *көермен* — зритель.

Слова эти образованы естественно, убедительно, путем слияния двух корневых слов или корневого слова с исконным казахским суффиксом. Именно потому, должно быть, слова эти легко прижились, прочно вошли в лексику современного устного и письменного казахского языка. А ведь каких-нибудь сорок-пятьдесят лет тому назад этих слов — даже страшно представить — вообще не существовало.

* * *

А вот слова-неологизмы Хайдоллы Тлемисова, которые, однако, не прижились в языке, хотя тоже кажутся оригинальными:

Әуегер — космонавт (*әуе* — воздух, *гер* — суффикс, определяющий причастность к чему-то, к какой-нибудь

профессии. По-русски как бы «воздухист», если б так можно было сказать).

Бейдауа — рак (болезнь) — («бей» — отрицательный префикс, *дауа* — снадобье. Как бы: «без снадобья», т.е. «неизлечимое»).

Басжалбыр — капуста (*бас* — голова, *жалбыр* — кудлатый).

Қызанақ — помидор; *сүр жер* — пар (земля); *дәмдеуіш* — специи.

Балуа — пчелиная семья (*бал* — мед, *уя* — гнездо); *теңгерім* — баланс; *дыбысхана* — фонотека; *баспагер* — издатель (*баспа* — издательство, *гер* — суффикс — «издающий»).

Придуманно, кажется, совсем неплохо, хотя искусственность и бьет в глаза. Может, потому из этого разряда неологизмов и прижилось только *баспагер*.

В обогащении современного казахского языка новыми словами в духе времени посылно приложили руку многие казахские писатели.

С. Сейфуллин, к примеру, назвал цирк — *атойын үйі* (букв. «дом, в котором показывают лошадиные игры»); И. Джансугуров адекватно слова «демонстрация» употребил *думан жүріс* (*думан* — шумный праздник, торжество, *жүріс* — ходьба, шествие. Букв.: «торжественное шествие»); а рельс назвал — *табантемір* (*табан* — подошва, основа, *темір* — железо. Букв.: «железная подошва»); вместо «этикетка» Г. Мусрепов употребил *құлақша қағаз* — букв. «ушки-бумажка»; У.М. Магауина будильник — *оятар* («будящий»); А. Кекилбаев Снегурочку назвал — *қар ханшайым* («снежная барышня»); О. Сарсенбаев — глазок (в дверях) — *тесіккөз* (*тесік* — дырка, *көз* — глаза); А. Нысаналин — эпигон — *далдүріш* (этимология мне неясна); Ж. Бектуров — некролог — *мұнақып* (не знаю, откуда он взял). Таких примеров можно найти у большинства казахских литераторов, но все подобные неологизмы остались авторскими, индивидуальными.

* * *

Для понятия «паспорт» «неологисты» придумали казахский аналог «*тәлтұмар*» (*тәл* — основной, главный,

исходный, *тумар* — талисман, оберег), *талқұжат* (*құжат* — документ, «основной документ»), *төлайғақ* (*айғақ* — свидетельство, «главное свидетельство»). Но в массе своем народ продолжает говорить: паспорт. Удобнее и понятнее. Да и правильнее, пожалуй.

* * *

Вместо «класс» стали говорить «*сынып*» (искаженное фарси «синф»), вместо «процент» — *пайыз* (то ли тюркское, то ли арабское заимствование). Для «капуста» придумали еще «*арамжапырақ*» (поганный лист) и «*қырыққабат*» (сорок слоев).

* * *

Зуд словообразования одно время был очень силен. «Выдумщики» предлагали в разных газетах целые серии неологизмов. Находились охотники заменить всю интернациональную лексику. Все это подавалось как акт очищения от ненавистой иностранщины, как возмездие постылому «имперскому» языку. В газете «Ана тілі» была рубрика «*Сөз сандық*» («Кладезь слов»). Там часто печатались подобные предложения. Приведу примеры из одного номера (№ 40/ 1992):

Территория — *уалаят* (тюркск. велайет)

Провинция — *аймақ*

Поселок — *қаржа*

Область — *дуан*

Урбанизация — *кенттену* (кент — узб. город)

Программа — *низам*

Газета — *жариядат*

Конфронтация — *шептесу*

Дислокация — *жайғасу*

Прогресс — *алағаят*

Мэр — *уәли*

Семья — *жаран* (есть варианты: «*жанұя*» — «гнездо душ», *отбасы* — «члены очага»).

Директор — *мүдір*

Публицистика — *ғақлия*

Минерал — *арасан*.

Я выписал лишь часть аналогичных проектов. Их было много. Прошло десять лет, но ни одно из этих предложений не внедрилось в жизнь. Ибо, на мой взгляд, теоретически сам посыл неверен. Любой ценой подыскивать аналог интернациональной лексики — нонсенс. Ну, в самом деле, зачем непременно подыскивать казахский эквивалент, скажем, стюардессе, революции, гимну, гимназии, компьютеру и т.д., если эти слова употребляются в данном значении во всем мире? Куда еще ни шло, если к подобным нововведениям прибегают в качестве пробы, эксперимента писатели в художественном тексте, но навязывать такие неологизмы, которые часто ни уму, ни сердцу, в форме обязательных терминов — это напоминает языковые потуги славянофилов в русском обществе XIX века.

* * *

Желающих любой ценой придумать казахский аналог спецтерминам и интернациональной лексике одно время было пруд пруди. В этих реформах активно участвовали не только доморожденные знатоки, но и зарубежные представители казахской диаспоры. Так, студент Бабакумар Кинатулы из Улаан-Баатора (именно так пишется столица Монголии) опубликовал в «Қазақ әдебиеті» свои варианты-предложения:

Радиус — *шара*; конверт — *хаттыс* («письмо + обложка»); аппарат — *құрылғы* (т. е. образование, составляющее); компас — *бағдарлы* — «направитель»; медик — *медицинашы*; физик — *физикашы*; химик — *химикашы*; биолог — *биологияшы*; (т.е. человек, занимающийся физикой, химией, медициной, биологией и т.д. по аналогии с трактор — *трактор*, тракторист — *тракторшы*); энциклопедия — *мағлұтнама* («сборник сведений, фактов»); ресторан — *сыйхана* («место угощений»); рельс — *шойынсырық* («чугунные жерди»).

Кандидат химических наук Даулет Кияшев предлагал следующие адекваты:

Белок — *ақ зат* (букв.: белое вещество).

Экстракт — *қайнақ* (образование от «*қайнау*» — кипение; осадок, остающийся после кипения, выварок).

Таблетка — *тұйме дақ* («пуговица» + «пятно»).

Ампула — *тұйық түтік* («замкнутая трубочка»).

Драже — *қапташа* («оболочкан, «обертка»).

Технолог — *жасалымгер* («делатель»).

Пилюля — *допшылар* («мячики»).

Стоит ли говорить о том, что ни одно из этих предложений не вошло в живой язык.

* * *

Давний знакомый математик Угубай возмущенно втолковывал мне: «Зачем переводить «функцию» (*бернеме*), «клетку» (*ағза*) «хлорофил», «презерватив»?! Ведь не было этих слов-понятий в казахском языке! Не было! Так зачем же мудрить, голову пудрить себе и другим?! Ведь русский язык вбирает в себе слова-термины из всех языков мира и ничуть от этого не страдает, не комплексует! Так и казахи должны поступать. Не так ли?»

В чем-то, полагаю, седой математик прав.

* * *

Подобные словообразования напоминают мне этнографизмы у Юрия Рытхэу. Для языка чукчей он предлагал:

Баня — дом с горячей водой.

Карандаш — пачкающая палочка.

Вилка—маленькая острога.

Часы — стукалка, похожая на глаз.

Грамофон — замерзшее эхо.

Письмо—следы речи на бумаге.

Грамота— записанный разговор.

* * *

Возможности словообразования в казахском языке поразительны и беспредельны. И по этой части казахи неистощимы. Все это, разумеется, свидетельствует о богатстве и жизнестойкости казахского языка. Природная расположенность языка к словотворчеству открывает живому языку необозримые перспективы, и именно такая особенность речестроя позволяет ему достойно воспроизводить на родном языке все великие творения писателей

мира — Гомера, Данте, Шекспира, Гете, Толстого, Достоевского, Теккерея. Нет такой художественной, философской мысли, которую нельзя было бы адекватно передать средствами казахского языка. Знатоки казахского языка, которым я верю, не однажды доказывали мне, что по-казахски очень естественно звучат и Кант, и Гегель.

Казахский язык удивительно расположен и к разным филологическим, лингвистическим играм. Когда я учительствовал в школе (как давно это было!), в методических целях я вовлекал учащихся в увлекательные игры: придумывать, как можно больше, односложных слов на определенные буквы, или, наоборот, составить самые длинные слова. Помню, самым длинным казахским словом получилось: канағаттандыраалтағандықтарыңыздан, составленное по всем законам агглютинативных языков, т.е. посредством нанизывания на корневое слово бесконечное число разновидных суффиксов. По смыслу это слово-сороконожка означает: «из-за вашего неумения удовлетворить».

И еще была такая игра: взять одну букву и, присоединив к ней гласное или согласное, придумать как можно больше слов, имеющих смысл и значение. Скажем, буква «У». Получалось: у (яд), су (вода), бу (пар), ту (знамя), ту (яловая, ту бие), қу (хитрый, хитрец), қу (сухой), ру (род), гу (гул, шум), ау (сеть), жу (императив: мой!), зу (мгновенный звук), ну (заросли). Или: «Т» — ат (лошадь), ат (императив: стреляй!), от (огонь), ет (мясо, а также императив: сделай!), ит (собака), ұт (солнечный лучик, пробивающийся сквозь щель в юрту), ұт (императив: выпрай!), өт (желчный пузырь), өт (сквозняк), өт (императив: проходи!). Или ряд словообразований из трех букв: тақ, (трон), тоқ, (сытый), тұқ; (дробный стук), тұқ (шерсть, пух), тұр (встань, стоит), тұл (одинокий), тәл (плод, основной, коренной, изначальный), төк (вылей!), тіл (язык), тік (прямой), тіс (зуб), түс (окраска, цвет), түс (направление, сторона), тас (камень), там (плоскокрыший дом), тым (чересчур, излишне), те" (равно), то" (наледь, мерзлота), тон (шуба), том (толстая книга), тер (пот), тал (ива), тек (только, а также:

происхождение, гены), *түр* (вид), *тес* (пробей!), *төс* (грудь, грудинка), *төр* (почетное место), *тор* (сеть, силос), *тар* (тесно, узко). Кто больше?..

Или односложные слова на букву «Б»: *бал, бол, біл, бұл, бәл, бел, бұк, бык, бак, бок, бас, бәс, бар, бор, бұр, бұр, бір, бек* и т.д.

Очень увлекательная, заразительная и поучительная игра. Учащиеся были неустойчивы на выдумки и заметно обогащали свой словарный запас.

XII

Отыз тістен шыққан сөз
отыз рулы елге тарайды.
Слово из-за тридцати зубов выходит
и до тридцати племен доходит.

Казахская пословица

До сих пор речь шла, главным образом, о самом казахском слове, о его природе, структуре, словарном богатстве и особенностях. Разумеется, я указал лишь некоторые его грани.

Теперь, думаю, необходимо поговорить о современном состоянии казахского языка. И эта наша беседа, к большому сожалению, окажется окутанной туманом тревоги.

Приведу несколько цитат.

«Казахский язык, благодаря «мудрой» языковой политике, на грани исчезновения. Нет толковых ресурсов на казахском языке ни в традиционных медиа, ни в Интернете. Казахскоязычная пресса, ТВ и радио, кроме нытья по поводу непопулярности языка у «русскоязычных» казахов, жизнеописаний батыров, биев (как правило, родственников пишущих, акимов...), проблем выделки кож и валяния кошм, ничего не могут предложить, особенно молодому читателю (зрителю), слушателю, которого интересуют Интернет, шоу-бизнес, высокие технологии, международные финансы и т.п.»

(«Мегаполис», 28.03.01)

«... идею более широкого внедрения и развития казахского языка поддерживаю. Но при условии, что это не будет насильственной мерой. Государство должно оказывать максимально возможную финансовую поддержку любым разумным проектам его развития. И ни в коем случае не пытаюсь зажать другие языки».

(Там же)

А вот что говорит заместитель председателя президиума Всемирной ассоциации казахов писатель Калдарбек Найманбаев:

«Казахи сейчас живут в сорока трех странах мира... У всех живущих за рубежом свои проблемы. У российских, к примеру, главная беда — язык: молодые люди до 20 лет совершенно не знают родного языка. Дети узбекских казахов, которые вернулись на историческую родину, не могут никуда поступить учиться: там они обучались в школах, которые перешли на латинский алфавит. В Каракалпакии живет 350 тысяч. Недавно оттуда приезжала делегация стариков. Они плакали:..»Если нас не заберут оттуда, мы вынуждены будем незаконно перейти границу». Положение там страшное: не говоря о том, что нет возможности заниматься хлопководством и рисоводством, там нет даже питьевой воды.

В Китае, где очень много казахов, вопросами национальной политики занимаются на очень высоком уровне... При всем при этом у тамошних казахов нет будущего. Через 40-50 лет два миллиона наших соотечественников растворятся среди полуторамиллиардного коренного населения. Европейские казахи, чтобы сохраниться, вынуждены жить в своем закрытом, похожем на остров мире».

*(«Казахстанская правда»,
29 марта 2001 г.)*

Таковы некоторые болевые точки проблемы.

Живя в атмосфере казахского языка, как устного, так и литературного, вот уже шесть десятилетий, я все же не позволю себе судить о нынешнем его состоянии однозначно. Нередко приходится читать в «Қазақ әдебиеті», «Ана

тілі», «Алтын орда», «Түркестан», «Жас алаш», «Жас казак үні» и многих других казахских газетах отравленные горем и отчаянием статьи о тотальном упадке казахского языка, о катастрофическом сужении его сферы употребления, о потере его достоинства и чести, о пренебрежении к нему эшелонов власти, о нерадивости «козкуманов» и «манкуртов», напрочь отлученных от национальных корней, о нарочитом разрушении исконной природы родного языка, о разрушительном влиянии имперского поветрия в сознании иных граждан и т.д. и т.п. Этот «а-ляу-ляй», похожий на вселенский плач, слышится постоянно вот уже лет десять-пятнадцать. Более приглушенно он звучал и раньше. И признаемся: не без основания. Все вышеперечисленные мотивы имели (и имеют) место.

С другой стороны, бесспорно и то, что со времени обретения страной независимости, казахскому языку повсеместно, сверху донизу, сплошь и рядом, систематически и последовательно, наступательно, шаг за шагом уделяется все больше и больше внимания, ему придали статус государственного, о его болях и тревогах говорят повсюду во всеуслышание, сфера его влияния расширяется, общественная функция укрепляется, на нем говорят (или стараются говорить) все больше и больше, его осваивают большие слои населения, он становится предметом любви и обожания, он обретает функциональную мощь, у него все меньше и меньше недоброжелателей, он звучит все чаще и больше в школах, вузах, на радио и телевидении, на хорошем уровне выходят сотни казахских газет и журналов, а сколько издано в последние годы словарей, учебников, разговорников, пособий, словом, невозможно закрывать глаза на все эти очевидные благие тенденции, или, как выражаются казахи, не годится обтирать рот сухой травой, то есть прибедняться, и я, как немножко человек со стороны по своему этническому происхождению, вижу этот процесс совершенно явственно и определенно.

И все равно тревога о судьбе языка и нынешнем его состоянии остается, неизменно присутствует, и просто отмахнуться от нее никак нельзя.

Язык (любой!) всегда нечто большее, чем средство общения, орудие коммуникации. Верно говорят, что язык — душа народа. Язык — мировоззрение, миропонимание, духоустройство человека, племени, нации, народа. Его ментальность. Вот почему народы так болезненно, с таким катастрофическим ощущением теряют родной язык.

Генрих Манн: «За свободу борются словом и мечом. Но удару меча борцов за свободу всегда предшествовала рана, нанесенная словом».

Казахские пословицы: «Алмазный клинок на войне товарищ, доброе слово и на войне и на пиру товарищ».

«Первое из искусств — слово».

«Слово валит верблюда в котел, а джигита в могилу».

Конечно, человек продолжает жить и после утраты родного языка; для общения с подобными себе он может прибегнуть к другим — даже не менее выразительным и богатым средствам. Но, лишившись родного языка, он теряет нечто значительно большее, чем средство общения, он теряет свои истоки, свою личностную субстанцию, свою изначальную суть, свое лицо, свою душу, которая если и не совсем утрачивается, улетучивается, испаряется, исчезает, то, по крайней мере, сильно деформируется, облачается в иную оболочку, обретает иную форму. Можно, конечно, существовать в языковом инобытии (мало ли на свете людей, у которых язык и этническое происхождение не соответствуют?), но это в сущности жизнь на чужбине, тягостное ощущение неприкаянности, угнетенное состояние чужеродности, душевного разлада. Вероятно, настанут времена, когда все люди на земле вынуждены будут чувствовать себя чужаками среди чужих, все будут чувствовать себя подшибленными, несчастными, как звери в зоопарке. Судя по всему, к этому идет. Языковеды предостерегают именно этот неизбежный путь. И вряд ли от такого пути человечество будет счастливо в подобной языковой унификации.

Языки, как и цивилизации, страны, государства, общества и люди, в свой роковой срок исчезают, отмирают, уходят. Инерция отмирания, как мы видим, убыстряется с каждым годом. Знатоки утверждают, что в наши дни

человечество говорит на 5651 языке и диалекте. Одна лишь Индия пользуется 845 языками диалектами. Камерун — всего 10 млн. населения, а разговаривают на 262 языках. Сколько было языков и наречий на территории бывшего Советского Союза и сколько осталось ныне? Сколько из них существуют еле-еле душа в теле? Страшно представить! А рок, настигший быка, настигнет и теленка. И наоборот.

Вячеслав Иванов, крупный авторитет в области культурологии и языков, утверждает: «Из шести тысяч языков, на которых говорят на Земле, в будущем веке останется всего шесть сотен: катастрофа не меньше, чем экологическая...» («ЛГ», П.09.1996).

Будущий век, о котором говорит ученый, это XXI век.

Приходилось читать, что лет эдак через сто вообще останется всего языков пятнадцать. Утешаюсь тем, что я лично до этого скудного времени не доживу.

Поэтому надо воздать должное тем выдающимся, всяким национальным писателям, которые совершили подвиг, зафиксировав в своем творчестве язык своего народа, как главное его богатство, как символ, как пароль, как его живую душу. Потомки при всем старании могут и не сберечь это богатство в живом органическом действии или, точнее, действительности, но по крайней мере они обязаны стремиться к тому, чтобы сохранить это богатство как бесценный экспонат былой культуры. На худой конец, и это какое-никакое утешение на тропе тотального забвения.

Тема столь грустная, скорбная, что я вынужден сделать поневоле паузу и переключиться ненадолго на более радужный предмет разговора.

* * *

Несколько голых фактов для размышлений: Считается, что в английском языке примерно 240 тысяч корневых слов.

Словарь Шекспира составляет 15 тысяч слов. Байрона—15 тысяч. Маяковского—около того. Пушкин употребил 21197 слов. Науаи — 26 тысяч. Ленин—31 тысячу.

Мухтар Ауэзов только в «Пути Абая» использовал 16893 слова.

Четыре тома «Словаря» Даля вместили 200 тысяч слов, бесконечное количество поговорок, толкований. Над своим «Словарем» Даль работал 53 года.

В самом большом словаре — академическом 17-томном Словаре современного русского литературного языка зарегистрировано и объяснено 120 тысяч 488 слов. А узкоспециальных терминов, обозначающих особенности производства, науки, культуры и других областей человеческой деятельности, насчитываются миллионы, и сосчитать их хотя бы с относительной точностью невозможно. (См. Ф. Филин, «ЛГ» от 16.04.1975).

В тридцати четырех выпусках «Словаря говоров» оказалось больше 300 тысяч слов (а это еще лишь часть) — см. «ЛГ» N 10/2001.

В подготовленном в 1936-38 годах Садриддином Айни «Толковом словаре таджикского языка» содержится 15 тысяч слов.

В 1953 году, когда готовили к изданию первый одготомник казахского толкового словаря, в фонде (картотеке) Академии наук Казахской ССР, насчитывалось 180 тысяч слов, а уже в 1972 году эта картотека состояла из 2 миллионов 550 тысяч слов (Картотека казахских слов берет свое начало с 1937 г.).

В 70-х годах был издан 10-томник казахского толкового словаря. Ныне планируется его 15-томное издание. Поистине титанический труд и монблан слов! Сокровище!

* * *

Одно лишь слово «ае» (белый), оказывается, имеет в казахском языке 130 значений.

* * *

В уже упомянутом выше словаре профессора М.Машанова, изданном более ста лет назад, вы не встретите объяснений типа «вид орла», «вид травы» или «семейство куликовых». Там все переведено точно: стрепет — *безгелдек*, кречет — *сұңқар*, сокол — *лашын*, кобчик — *жагалтай*,

тұйғын, гриф — *күшіген*, чибис — *қызығи*, пигалица — *торғақ*. Словарь при этом разъясняет: ворона и ворон не одно и то же. Ворона — *шауқарға*, ворон — *құзғын қарға*. А вот в «Русско-казахском словаре», изданном казахской Академией наук девяносто лет спустя, ворон и ворона даже по родовым признакам не отличаются — оба оказываются мужского рода.

* * *

Вообще у меня такое ощущение, что нынешние словари в чем-то уступают старинным, дореволюционным словарям. Когда-то, находясь в аспирантуре, я занимался изучением старых учебников, программ русских туземных школ, мектебов и гимназий, методических пособий, трудов методистов-просветителей, и должен признаться, что в них я обнаруживал больше шарма, живости, души, искренней заинтересованности и предприимчивости, нежели в нынешних изданиях. Ей-ей, в тех изданиях при всей очевидной примитивности заключалась некая магия высокого просветительства и познания,

Не знаю, может, это заблуждение...

XIII

Сөз шынды табар.

Слово найдет правду.

Казахская поговорка

Давно замечаю: скудеют национальные языки. Это главная забота всех (без исключения!) национальных культурных центров. В иных, бывших республиках СССР, даже статус государственного не спасает язык. Писатели, языковеды — все бьют в колокола тревоги. Вот известная актриса Ада Роговцева пишет в «Известиях» (11.10. 2000): «В Киеве украинского языка тоже нет, здесь пользуются суррогатом, «суржиком».

С грустью констатирую: нередко «суржиком», суррогатом пользуются вместо полнокровного казахского языка и у нас. И это одно из печальных явлений нашего времени.

Когда-то казахский язык был чист, промыт незамутненной родниковой водой. Теперь его загрязнили, засорили, и он прямо-таки на глазах лишается былой прозрачности, духовности, благородства и силы.

Ныне сплошь и рядом безобразно портится казахская речь. Особенно в быту, в повседневном общении. Общество к русско-казахской мешанине привыкает, не всегда замечает, как уродуются языки. Языки превращаются в воляпюк, в «шара-бара», в «шәлдүр-шүлдір», в жаргон примитивной коммуникации. Корреспондент «Азаттык» спрашивает казахов на базаре о повышении цен. И торговцы говорят:

«Только үш-төрт сом костык. И все».

«Ия, шумиха болды».

«Бағаны көтерген жоқпыз, потому что ешкім алмайды». Госчиновники из высшего эшелона и некоторые депутаты отечественного Парламента строят свои предложения так: *«Мен ойлаймын, что положение жаман болмайды, өйткені бағытымыз реальный».* Или: *«Производство көтеріліп келе жатыр и мені» убеждением айтады, что аллага шүкір с колен тұрамыз деп».*

Чуждый казахскому языку синтаксис. Абракадабра! *Қойыртыла?!*

По утверждению авторитетного писателя, в нашем Парламенте только семнадцать человек в состоянии мало-мальски изложить свои мысли на родном языке.

Поневоле задумаешься.

* * *

Вот типичный разговор, записанный в больнице с натуры:

«Мынау нағыз ұйықтайтын погода екен».

«Иә, бірде қар, то дождь».

«Ау, телефондары” не работает қой».

«Бүгін целый день снег жауад деген».

«Снег па, дождь ба?»

«Снег деп айтты».

«Холод болады деп айтты ма?»

«Холод бола қоймас. Временами деді ғой».

«Саулеша, анау үшінші палатадағы старушкаға укол салды» ба?»

«Жо?, ол пока система алып жатыр».

«Сахарға анализ тапсырып па еді?»

«Кеше сдавать еткен».

«Онда хорошо».

Такая манера разговора вошла в плоть. Многие того и не замечают.

«Ата, ребаксин саламыз».

«Давай, айналайын, сала ғой».

«Обязательно!»

«Мейлін, положено болса?»

«Конечно, положено, ата».

«Онда вперед. Светті жак. Ой, больно!»

«Айттым ғой, «болючий» деп».

«Болючийің колючий болды».

* * *

Да, что есть, то есть. При всем отчаянном старании части национальных интеллигентов интерес к родному языку, скажем мягко, на недостаточной высоте. И не только в Казахстане. О том печалются везде. В 90-х годах в Белоруссии был такой государственный деятель — Дементей. Родным языком он владел едва-едва. На открытии сессии Верховного Совета республики его попросили говорить по-белорусски. Он сказал: «Добрэ» и заговорил на такой тарабаршине, что все лежали. Тогда-то и родился анекдот. «Как называется человек, который владеет многими языками?» Ученики отвечают: «Полиглот». «А как называется человек, который не владеет ни одним языком?» Дети задумались, а один мальчик встали сказал: «Дементей».

А сколько таких дементеев в нашем правительстве, в депутатском корпусе, в окружении Президента?! И пока таких дементеев большинство, о каком развитии и популярности казахского языка может идти речь?! В самом деле! И покуда по этой части не будет крутых перемен, государственный язык так и рискует остаться декоративным, бутафорским. Понятно, что в одночасье перелома не

добиться, но и десятилетиями ждать его весьма рискованно: поезд может уйти в современном динамичном мире.

* * *

Тревога о неудовлетворительном состоянии родных языков звучит во всем мире. Все языки оказались замутненными, засоренными варваризмами, размытыми чужеродными элементами, лишенными первозданного вида и природной окраски. Сравните современный русский язык с тем языком, на котором создана блистательная русская литература «золотого» и «серебряного» веков. Небо и земля! Современный русский язык — чудовищная мешанина акцентов всех народов и племен, воляпюк, ералаш, уродливая тень, «феня», жаргон. Носители подлинной, высокой культуры русской речи вымерли (или вымирают), как мастодонты.

Если бы воскрес в один прекрасный день Иоганн Вольфганг фон Гете, он мало что бы понял в современной немецкой речи. Сплошной молодежный сленг и адская смесь англицизмов и американизмов. Англичане жалуются на засилие «блэк-инглиш». Франция приняла закон о защите родной речи. За принятие такого закона все решительнее ратуют и в Германии. Необходимость такого закона горячо подтверждает Ассоциация немецкого языка и президент страны Иоханнес Рау. Могу засвидетельствовать: в иных германских городах ныне и порядочной немецкой речи не услышишь, а в глазах рябит от американизмов в рекламе и СМИ.

Одно время я следил за руссизмами в казахском, узбекском, киргизском, татарском, башкирском языках. Половодье! Кошмар! Происходит тотальное огрубление, деформация, деградация языков. И явление обретает зловещий глобальный оттенок.

На этом фоне тревога казахской общественности по поводу нынешнего состояния родного языка вызывает понимание и сочувствие. Если уж великие языки, на которых изъясняются миллионы, обеспокоенно бьют тревогу, то каково локальным языкам, очутившимся на неблагоприятных по всем параметрам островках?..

О тревожном состоянии современного казахского языка казахские газеты интенсивно пишут из номера в номер. Пока я работал над этими заметками, я насчитал в газетах не один десяток статей, в которых поднимаются насущные вопросы государственного языка. Обнародована «Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы». Читаешь эту программу — вроде бы все прекрасно, научно, толково, все предусмотрено, комар носа не подточит. Однако, кажется, что этот серьезный документ больше декларированный и к реальной жизни имеет лишь весьма приблизительное, косвенное отношение. Программа — благое намерение, а реальная жизнь диктует иные законы. И до этой Программы было принято немало программ, концепций, законов, заявлений, постановлений (к иным и я, грешный, приложил руку), однако, к сожалению, толк от них был невелик.

Журналист в «Алтын орде» констатирует: «Вот и новую программу, рассчитанную на десять лет, по развитию языка опубликовали, 3 миллиарда тенге выделено на нее... Хотелось бы надеяться, что спустя десять лет на почетном месте окажется все-таки казахский, а не иной язык».

«Мегаполис» (№ 10/ 2001) вопрошает: «Но готов ли казахский язык в нынешнем своем состоянии охватить все фундаментальные сферы жизнедеятельности человека и общества, производства и государства?» Газета подчеркивает основные мотивы «языковых» статей: «проблема размыва казахского начала, казахскости и рецептов остановки разрушительного процесса».

Писатель Куандык Туменбай в блистательном эссе, опубликованном в «Жас алаш» (№ 32/2001), с надрывом пишет: «Нужны ли вообще нашим властям «мамбеты», говорящие на казахском языке?»

Радиостанция «Азаттық» откровенно намекает на то, что немалые бюджетные деньги, выделяемые на развитие казахского языка, на самом деле становятся легкой добычей окоязыковых проходимцев и ловкачей.

Журналист Казне Тогузбаев беспощадно критикует «Государственную программу функционирования и

развития языков на 2001-2010 годы», обнаруживая в ней «самую настоящую эклектику, то есть мешанину идеализма с самым грубым и примитивным материализмом».

Он пишет: «Налицо националистически окрашенное политическое подстрекательство». «Язык есть все! — думают сегодня национально озабоченные идеологи и политики, а также те, кто кормится за счет языка или с его помощью оттирает «своего» соплеменника от корыта, а «несвоего» как бы даже положено ударить клыком, «...кажется, что казахский народ нужен разработчикам языковой Программы лишь в качестве подопытного кролика, а самому казахскому народу, наоборот, подобные и разработчики, и Программа вовсе не нужны» («Мегаполис», № 9/2001).

Писатель Смагул Елубай подчеркивает, что его коллеги по радиостанции «Азатты?», как правило, говорят на трех-пяти языках, но гордятся они не этим, а тем, что свободно изъясняются на родном («материнском») языке. А огорчен, встревожен он тем, что, по последним данным, в Казахстане 440 тысяч казахских семей (около 2 млн. казахов!) совершенно не владеют родным (государственным) языком. Таких «новых казахов», которые горланят по-русски, пугая местных жителей, он встречает толпами и на улицах Праги. В таких «казахах» писатель видит огромную опасность для национального будущего.

Я очертил лишь некоторые мотивы неизбежной тревоги за судьбу родного языка.

И факты эти, как говорится, имеют место. Но утешает меня уже то, что передовая, чуткая сердцем и душой казахская интеллигенция не желает мириться с печальным положением родного языка, бьет в даулпазы-барабаны, будит честь и достоинство, ар-намыс единокровников, а не проявляет пораженческие тенденции, не равнодушничает. Это вселяет надежду.

* * *

О том, что делается в области развития казахского языка, очень емко сказал бывший министр культуры,

информации и общественного согласия А. Сарсенбаев в одном из своих интервью: «Что касается академической грамматики казахского языка, то ее основы разработаны еще в 50-е годы. Сегодня этот многолетний труд, к которому были привлечены многие научные и педагогические институты страны, обретает свое конкретное воплощение. Работа уже завершена: и книга объемом в 130 печатных листов, думаю, уже во втором квартале попадет к читателям. Кроме того, выпущены «Казахский литературный язык XX столетия», «Основы культуры языка», подготовлен к выпуску 1-й том четырехтомника «Казахи в мире родного языка», «Справочник казахского языка», «Орфография и пунктуация казахского языка», «Орфоэпический словарь казахского языка», создается компьютерный фонд казахского языка» («Казахстанская правда», 23.03.01).

* * *

Я горячо и убежденно ратую за возрождение и развитие казахского языка. О том неустанно поют казахские струны моей души. Но я категорически не разделяю мнения, будто в бедах казахского языка виноват русский язык. Знание русского языка для всех нас, инородцев, — великое благо. Без русского языка любой национальный коржын заметно опустеет, отощает. И тут нечего лезть в бутылку и напрасно сотрясать воздух. На все лады проклинать разваливающуюся «империю зла». Унижением русского языка казахский язык не возвеличишь, не спасешь, не обогатишь. Русский язык тут ни при чем. Русский язык следует только благодарить. Причину бед необходимо прежде всего искать в самих себе. «Почитай родной язык» — вот нравственное кредо любого человека.

* * *

Судьба казахского языка в настоящее время находится как бы между Сциллой и Харибдой, как бы зажата в тиски между накопленным веками несметным богатством, огромной жизненной силой и стойкостью, с одной стороны, и явственным пренебрежением нерадивых потомков к

заповеданному аманату славных предков, к главному источнику народного Духа.

За многие века кочевой жизни на огромных пространствах казахи терпеливо и методично создали и отшлифовали две основополагающие ценности — язык и нравы-обычаи. И то, и другое является фундаментом национального Духа. Ныне этот фундамент находится в опасности под всеокрушающим напором всеразмывающей и унифицирующей цивилизации. Устоять перед этим мутным потоком забвения сложно. Необходимы мощные усилия вкупе с единством всего народа, всех тех, кто чтит свою национальную культуру, свое национальное обличье и не желает рухнуть, свалиться в яму тотального манкуртизма.

Я же всем сердцем уповаю на то, что природная мощь казахского языка, накопленная веками, не истает, не затеряется, не развется на излучистых и крутых дорогах грядущих веков.

И многонациональный Казахстан, и многострадальный, многотерпеливый казахский народ, и его своеобразный, самодостаточный язык достойны великой судьбы, как и его беспределная ширь.

2001г.

ЭССЕ

“Казахский аул всегда оставался источником потенциального национального возрождения и маркером национальной идентичности”.

Н. А. Назарбаев

(В потоке истории, с. 243)

*“Мой зеленый причал,
Мой островок тишины.
Мой аул...”*

А. Еженова

Это короткое, гулкое казахское слово властно и мощно ворвалось впервые в мое сознание и неожиданно всколыхнуло душу синеоким сентябрьским днем 1941 года. Долго петлявшая между пшеничными полями, ковыльным простором и березовыми колками дорога вдруг взметнулась на бурый косогор и в низине, недалеко от приречного тугая, темной полоской уходявшего за горизонт, как на ладони открылось истомленному взору невзрачное казахское селение с убогими, разбросанными там-сям плоскострельными домишками и чахлыми ивовыми пристройками. Неподалеку задумчиво взидало на нас, пришельцев из далекого Есиля, стадо тощих, малорослых коров, чуть поодаль пощипывали траву овцы, пастушонок в немыслимых отрепьях, притенив ладошкой глаза, неподвижно уставился вдаль. Ровный, неустоимый степной ветерок донес неведомые доселе запахи. Редкие лохматые псы в репейниках равнодушно пронеслись мимо, ленись даже обляять пас.

Тихо. Пустынно. Просторно. Безлюдно.

Незнакомый, неведомый мир. Огромный, непостижимый.

- Аул, — произнес возница, смуглый, скуластый, узкоглазый мужичонка в нелепой войлочной шапчонке на бритой голове.

- Казахишес дорф, — перевел отец.

- Аул, — эхом отозвалось в моей душе первое казахское слово.

Мне скоро исполнится семь лет. Буквы — и русские, и немецкие — мне уже знакомы. И считать умею до ста хоть по-русски, хоть по-немецки. И с начала, и с конца. Все вокруг мне интересно. Все впитываю жадно. Правда, мне непонятно, почему мы, дойче, так спешно покинули родной очаг на Волге, оставили обжитые, добротные дома, почему так долго ехали в тесных, смрадных товарных вагонах в сопровождении суровых красноармейцев, почему все, что ехали с нами, так встревожены, печальны, подавлены, отчего озабочены отец и мать. И почему мы, родные, разлучены: одних отправили в Сибирь, других — в Казахстан?

Это я пойму позже.

О том я буду думать и писать всю жизнь.

А пока в моих ушах звучит емкое, короткое слово — аул.

Какой же это “дорф”? Это совсем не дорф. Я хоть и родился в городе на Волге с громким именем Энгельс, но что такое дорф — село, знаю, ибо бывал и в отчем селе Мангайм, живал подолгу у бабушки Марии-Элизабет, у дядюшек Вильгельма и Фридриха, заезжал с сельскими музыкантами в соседний Зихельберг, перед войной мотался по центру кантона Гнаденфлюр. Дома там, на Волге, были сплошь деревянные, как на подбор, с палисадниками; подворья ухоженные, с бесчисленными пристройками, с обязательной летней кухней-бакхаузом. Улицы тянулись строгими рядами. Все опрятно, чисто. В каждом дорфе клуб, духовой оркестр, строгий, налаженный быт. А еще до приезда сюда, на берег Есиля, мы жили две недели, пока отец помогал колхозу косить сено, в русском селе Сергеевка. И там было все совсем по-другому. Поражали огороды и лес подсолнухов.

Здесь же — аул.

И знакомство с ним, постижение его — впереди.

А до осмысления его дойду лишь многие годы спустя.

* * *

Мы, спецпереселенцы, очутились в первозданно казахской среде. Аул в разное время назывался по-разному:

Кабай, Туяк, потом через дефис Кабай-Туяк, потом с образованием колхоза еще как-то, потом имени Ораза Исаева, потом долгие годы им. Ленина, одно время — Теренсай, ныне — им. Ибраева. Менялось и название района — Октябрьский, Сергеевский, Шал-акына.

А рядом с аулом Ленина расположились аулы Коктерек, Мектеп, Орнек, Жаргаин, Жана-жол, Жана-талап, Каратал, Алка-агаш, Аксу, Жанасу, Энбек. Отец заведовал фельдшерско-акушерским пунктом, и я вскоре познакомился со всеми этими аулами.

Несколько лет мы были единственной немецкой семьей в ауле. А русских было раз-два и обчелся. Но чужаками, пришельцами мы чувствовали себя лишь в первые недели. Казахи не чурались нас, а, наоборот, отнеслись дружелюбно, сочувственно. Как-то само собой наладились добрые человеческие контакты. Жили в ауле в общем-то скудно, бедно. Но у всех были коровы, кое-какой скот и живность, в ларях-сусеках, мешках-корджунах хранились небольшие запасы пшеницы, ячменя, проса, курта, иримчика. У нас же, спецпереселенцев, ничего не было. Отец, недавний санинструктор Рабоче-Крестьянской Красной Армии и заведующий кантонздравом на Волге, обладал офицерскими сапогами, брюками-галифе, шинелью и шапкой-буденновкой. Мать была одета по-городскому: беретка, жакетка, платье, туфельки. Я бегал в кепчонке, брючишках с ляжками, обшарпанных ботиночках. Двухлетняя сестренка в бумазейных платицах и штанишках. А уже осень. Уже задувают предзимние ветры. И ютимся мы в щелястой комнатке при медпункте. Дров нет. Печь дымит. Крыша протекает. Дома — шаром покати.

И что бы мы делали без внимания, заботы, сочувствия и помощи аулчан, казахов, о которых мы ничегошеньки и не знали?!

И вот уже одна соседка приносит кастрюльку молока, другая идет с миской айрана, третья угощает горстью-другой иримчика и курта, баскарма, председатель колхоза, расщедрившись несколькими килограммами пшеницы и ячменя, кто-то завез мешочек неочищенного проса, коктерекский уста-кузнец выточил из камня маленькую

ручную мельницу... Словом, аул в беде нас не оставил. Да и мы сами не оплошали: ловили в Ишиме и старицах рыбу, собирали в лесу и тугае боярку, шиповник, черемуху, костянику, смородину, вишню, выкапывали в степи солодовый корень. Зимой отец, случалось, охотился на беляков и куропаток.

Я быстро сошелся со своими чернявыми, скуластыми сверстниками, носился с ними по аулу, начал осваивать казахский язык, сердобольные тетки-апашки в длинных платьях, плюшевых безрукавках, белых жаулыках то и дело угощали меня аульными яствами, старики гладили меня по голове, говорили: “айналайн”, “неміс бала”, “першылды” баласы” (сын фельдшера), “бізді” Кира” (искаженное “наш Гера”). Никто не называл меня ни единым обидным словом. Никто не подчеркивал мое чужеродство.

Я скоро всем своим умишком понял и мальчишеским сердцем почувствовал, что аул - мой аул, моя опора, моя защита, мой дом, моя отрада, здесь я не пропаду, здесь обо мне позаботятся, в беде не оставят, я член этой общины, этого сообщества, аул в ответе передо мной, а я в ответе перед ним, и если я совершу что-нибудь постыдное, я опозорю не только своих родителей, а свой аул, мне будет стыдно смотреть в глаза дедушкам Абильмажину, Ергалию, Омару, Коспану, Жайлаубаю, Нуркану, Кали и Сейтходже и многим-многим другим.

А с годами я пойму, что всему хорошему и доброму в жизни я обязан, помимо родителей, моему аулу: там мои истоки, мои нравственные начала, мой стержень, моя основа, мой критерий, мои ориентиры, моя любовь, гордость и неизбывная печаль.

* * *

Любопытства ради заглянул в разные словари. Как они толкуют понятие “аул”? Пишут: селение. Поселок. Группа юрт кочевников. Или: селение на Кавказе и в Средней Азии. И приводят примеры: “В большом ауле, под горою, близ саклей дымных и простых...” (Лермонтов). “Белые и серые домики аула Веселого...” (Либединский). Интересно, что говорит древний, дотошный Даль? “Аул — почти у всех

азиатских народов наших (татар, башкиров, киргизов, многих кавказцев; у калмыков хатон), деревня, селение, поселок; оседлое или кочевое сборище жилищ; собрание изб, хат, мазанок, землянок, сакль или шалашей, шатров, балаганов, юрт, кочевых кибиток”.

Толковый словарь казахского языка (1974) уделил “аулу” четыре страницы убористого текста, пояснив, что это — по-старому — кочевое сборище кошомных юрт, поставленных в одно место, а — по-новому — сборище домов, объединенных коллективным хозяйством. Далее Словарь толкует слова “ауыл-аймақ”, “ауыл-ауыл”, “ауылдас”, “ауылнай”, “ауыл-сала”, “ауыл-село”, “ауыл-сй”, “ауылша”, “ауылшылау” и другие разные производные от слова “ауыл”, сопровождая их примерами из художественных текстов именитых казахских писателей разных времен.

И в принципе все верно. Возражать трудно.

И все же... аул не только сборище домов или юрт. Не только малое или большое селение. Это прежде всего люди, объединенные местом обитания, близкие по духу, ментальности, быту, нравам и укладу, живущие в постоянном и тесном общении, спаянные трудом и тягой, расположенностью друг к другу, единые или близкие нравственно, культурно, общественно, социально, имеющие единые или схожие цели, стремления, миропонимание и мироустройство. Аул — своеобразный мир. Со своей инфраструктурой. Экономической, социальной, психологической, этнокультурной. Это общность со сложной корневой системой. Случайное сборище из разных, как говорится, верховий и низовий, вольно или невольно оказавшихся вместе, — еще не аул. Это может быть поселком, селом, деревней, дорфом — чем угодно. Аул в первоначальном смысле другое. Это понятие более теплое, душевное, близкое, родное, сердечное. Аул — как родной очаг. Аул — как большая семья. Аул — родной кров на единой земле, под единым небом. Аул — твоя совесть, любовь, забота, гордость, зеленый причал, отрада. Аул — начало Родины.

Так воспринимают аул казахи.

Так воспринимаю аул и я.

Разумеется, в своем историческом развитии казахский аул претерпел разительные перемены. Нельзя, невозможно сравнивать аулы, скажем, абаевских времен, начала прошлого века, довоенной или послевоенной поры, или нынешней эпохи. Значение слова *аул* необычайно расширилось, приобрело новые оттенки. Случается, мы по привычке звоним близким, спрашивая: “Такойтович в ауле?”, имея в виду, в Алматы ли он или куда-либо выехал. И все понимает, о чем речь. “Я только что побыл в ауле”, — сообщает знакомый, хотя “аул” его — крупный поселок городского типа. “В благополучии ли твой аул?” — спрашиваем по привычке, намекая не на конкретное поселение, а на всю округу или регион.

А что представлял собой аул в изначальном смысле в жизни кочевого народа? О том исчерпывающе поведал Мухтар Ауэзов в авторских примечаниях к русскому переводу “Путь Абая”. Вот его пояснения:

“В кочевом быту казахов аул представлял группу юрт, объединенную по хозяйственному и семейному признаку. Аул имел свои постоянные урочища для кочевки: коктеу — весеннее, жайляу — летнее, кузеу — осеннее и кыстау — зимнее, где были выстроены деревянные и глиняные постройки. Урочища эти закреплялись за данным аулом по соглашению между старейшинами родов и были постоянной причиной раздора между отдельными аулами и целыми родами.

Хозяином аула являлся зажиточный человек, глава семьи, бай или старейшина, и аул назывался по его имени. Его “Большая юрта” ставилась на краю аула, за ней по дуге располагались отау (“Молодые юрты”) женатых сыновей, затем ближайших родственников, специальные “Гостинные юрты” для приезжающих и дальше — юрты “соседей”, обслуживающих аул. На этом краю аула устраивался котан — открытый загон для овец, жели — привязь для жеребят, ставились юрты для варки сыра и т. д.

Сыновья и ближайшая родня хозяина аула кочевали вместе с ним до тех пор, пока поголовье аульного стада не

превосходило установленного количества, когда общий водопой, пастьба и уход за скотом становились уже неудобными (так, например, нельзя держать в отаре более тысячи овец). Тогда члены семьи выделялись из “Большого аула” отца со своим скотом, юртами и “соседями”, образуя новый самостоятельный аул, кочующий и зимующий отдельно, но обычно по соседству.

Все хозяйственные работы в ауле несли “соседи” — бедная родня или батраки, получавшие натуральную плату в виде доли удоя, шерсти, обусловленного количества голов скота на убой: табунщики, пастухи, чабаны, доильщики, повара, водовозы и т.п. Беднейшая часть “соседей” — жатаки — не уходили с аулом в сезонную кочевку, оставаясь на зимовке охранять постройки”.

Я выписал столь длинное толкование старого казахского аула, живописно и исчерпывающе поданное классиком казахской литературы, так как подобное сжатое и объемное объяснение читатель не встретит ни в одном словаре, ни в какой энциклопедии.

Таких аулов, понятно, ныне нет. Они остались лишь в памяти древних старцев, а чаще всего известны по фольклору, этнографическим описаниям, кинокартинам на историческую тему, запечатлены в сотнях исторических романов, каковыми так богата казахская литература.

Конечно, в каждом таком ауле складывалась своя аура. Один аул выделялся своими певцами, домбристами, другой — акынами, сказителями, третий — борцами-балуанами, еще один — отменными обжорами, искусными наездниками, лихими барымтачами и т.д. Но в главном — в экономическом укладе, в традициях, нравах, обычаях, людских взаимоотношениях — они были весьма похожи друг на друга.

В том краю, куда мы прибыли в 1941 году, тех старопатриархальных кочевых аулов и в помине не было. И убогих юртешек можно было увидеть разве что на полевом стане. Аулы превратились в колхозы. И не было баев. Не было отау. Остались одни жатаки, бедные шаруа-колхозники, обитавшие в убогих, приземистых домишках, покрытых дерном, но почти каждый дом имел летнее

обиталище, конусообразное, на юрту похожее жилье, сплетенное из тала, называвшееся шошалай. В шошале главным образом и жили с ранней весны до глубокой осени. Шошала как бы заменяла юрту в оседлом ауле в условиях сурового северного климата.

Однако принцип организации аула сохранился. Только теперь в центре располагалась не “большая” шестивосьми-двенадцатистворчатая (-канатная) юрта с отау (“юртой для молодых”) по соседству, а аулсовет, школа, клуб или колхозная контора, а потом, как уж получалось, чаще всего вразброс строили себе жилье — кто на что горазд — остальные. Однако большинство аулчан находилось в дальних или близких родственных отношениях, каждый о каждом знал все, вплоть до седьмого колена. Говорили: “Э, Такойтович родился, когда у Тайшика корова пала”, “А когда Есенжан пошел в школу, у Сейтходжи пожар был”, “А у Анаса отец был поштабай, у него было сто овец”, “А Жайлаубай — орыс, принявший мусульманство”. И т. д. Никаких секретов в ауле не было и быть не могло.

Годы спустя, после школы, после института, я побывал в разных аулах областей бескрайнего Казахстана. И неизменно поражался тому, что по этнографической, социально-экономической, психологической характеристике казахские аулы оказались очень схожими, близкими: один язык, одни обычаи, нравы, манеры, быт, традиции, человеческие отношения, поверья, запреты, благодарности и благословения. Единство казахского духа поражало. Поражает и поныне. Я понял: в основе казахской жизни, казахской ментальности лежит аул. Все начинается там, в ауле. А аул един. Значит, и народ феноменально един. И то, что — особенное последнее время — начинают то и дело казахов делить по родам, под родам, племенам, жузам, коленам, ветвям и т. д. — абсолютный нонсенс, глупость, вздор и чепуха. В сущности до недавних времен казах — продукт и творение аула. Истинный казах в подавляющем большинстве аульный казах. Там вырос, там его корни. И корни эти едины. А потому потуги иных отделяться, выделяться, пускать пыль в глаза, называть одних

“мамбетами”, других “асфальтными”, делиться на “таза” (чистых), “шала” (неполноценных) и “ада” (отчужденных, перерожденных) просто-напросто смешно, опасная забава, которая может нанести единому по своим корням народу непоправимый урон. Необходимо всегда помнить о своих корнях, самобытных, истинных, первозданных, а они — пусть во втором, третьем поколении — уходят в аул, в единую нравственную почву, и этим следует всегда и всюду дорожить.

Я так понимаю.

* * *

Задумался: что больше всего воспето в казахской устной и письменной литературе? Степь? О да, о степи написан “монблан” произведений. И все же, похоже, больше всего воспет аул. Вдохновенно, взволнованно, искренне, любовно, проникновенно, задушевно, исповедально. Неведомый поэт посчитал нужным оповестить всю степь: “Мой аул у Кольменколя, возле чистого озера...” Другой вторил: “Мой аул ушел в летовку в пойму Сырымбет”. Невеста, перебираясь в аул суженого, печалилась: “Что меня ожидает в ауле чужом?” Ну, а где обитает возлюбленная? “Твой аул за холмом, за пригорками...” Скорбная песня “Корлан” уточняет: “В далеком степном ауле...”

Действительно, темы для серьезных исследований: “Аул в казахском фольклоре”, “Аул в казахском песенном искусстве”, “Аул в казахской современной поэзии”, “Аул в казахской исторической прозе”, “Аул в казахской живописи”. И т. д. Богатейший, интереснейший материал! Я вначале намеревался обильно оснастить свое эссе цитатами из современных русскоязычных казахских поэтов (большей частью городских) и полистал книжки-сборнички от Олжаса до Ардак Еженовой, но вскоре отказался от этого намерения, опасаясь, что эссе обернется трактатом не на одну сотню страниц. Ну, а если я еще потревожу неподъемный пласт исторического казахского романа от Ауэзова до Кабдеша Жумадилова, то я свой труд вообще не закончу.

“О мой аул...” — умиленно вздыхают поэты.

“О край родной, аул родимый...” — умиленно стонут песенники.

Незыблемую свою любовь, тягу к аулу, неизбывную тоску об ауле на все лады описывают прозаики.

Это стало наваждением. Неизменным мотивом казахской творческой интеллигенции. Об ауле писали, тосковали все, везде и всюду во всех жанрах как о далекой мечте, о желанном островке чистоты, тишины, благоденствия, отраде детства и юности, незамутненном роднике высокой нравственности, приюте отдохновения, вечно зеленом причале, источнике добра, света, уюта, очаге неистребимого народного духа. В рассказах, повестях, романах не одного казахского прозаика сквозило настойчивое противопоставление города и аула: город-порок, исчадие, суета, фальшь, грохот, соблазн, искушение, средоточие расчета, подлости, коварства, неискренних людских отношений, продажности, распушенности, беспредела, суррогата; аул — чистота, настоящее, доподлинное, тишина и покой, корни, дух предков, высокие порывы, истина. В городе — мокрые сосиски, свиная колбаса, прокисший кефир, казенный хлеб, капуста, мучные котлеты, разбухшая лапша, разбавленное пиво. В ауле — исконные натуральные яства: курт, иримчик, цельное молоко, сметана, чай со сливками, баурсаки, казы, карта, жал-жая, шужук, жирный бесбармак, пенистый кумыс, куырдак. Ой-хой, дуние! Сплошная идиллия, изобилие, благодать!..

Я не утрирую. Эти мотивы до назойливости повторялись десятилетиями из произведения в произведение (сам переводил таких не один десяток), превратились в клише, в прочную схему, на этом противопоставлении строились фабула, сюжет, зиждились интрига, конфликт. Критики внедряли в сознание читателя антитезу “корней и цветов”. Корни в ауле, цветы, разумеется, в городе.

Инерция была великой и, казалось, неистребимой, непреодолимой. Идеал, смысл жизни мерещились в ауле.

Живя в городе, поэты, прозаики упорно писали об ауле, идеализировали аульную жизнь. Выезжая в короткие или

длительные командировки в аулы, рвались в город, который продолжали видеть и изображать в дурном свете.

На это шаблонное представление впервые обратил внимание Олжас Сулейменов на каком-то пленуме Союза писателей Казахстана, едко высмеяв тех, кто неизбежно тоскуя по аулу, напрочь обосновался в городе, проложив верную тропу между Союзом писателей и ближайшим рестораном.

Действительно, времена менялись, и взхлеб воспетый казахский аул скудел, беднел, хирел, угасал на глазах его восторженных выходцев.

И я — один из свидетелей этого скорбного процесса.

* * *

Скромный, уютный, тихий, зеленый аул неподалеку от степной реки Есиль, окруженный березовыми перелесками, озерами- старицами, непаханными ковыльными полями, бугристыми холмами- жонами, становился мне с каждым годом все ближе, родней, и я уже горделиво говорил: “мой аул”. Я прирос к нему сердцем, я знал каждый дом, каждого жителя, каждый кустик по всей округе, каждую тропинку в овраге “Теренсай” и в зарослях приречного тугая, каждую каменную глыбу у брода “Тас-уткель”.

Аул стал “моим”. И я стал “своим” в этом ауле. Все мои разрозненные детские впечатления о Волге — о детской площадке в летной школе города Энгельса, о родительском селе Мангайме, о кантонном центре Гнаденфлуре, откуда нас в начале сентября военного лихолетья выслали по зловещему и клеветническому Указу от 28 августа 1941 года, поблекли, стерлись, отдаляясь все дальше в невозвратный и — порою чудилось — ирреальный мир, а казахский аул мерещился подлинным началом моей жизни, точкой ее отсчета, стартовой площадкой для большого — мнилось в мечтах — разбега.

Все радовало мою душу: и необъятный простор, и летние ливни с неистовыми грозами, когда, казалось, вот- вот обрушится небо на землю, и свирепые зимние бураны, после которых диковинные сугробы заваливали домики по самые печные трубы, и жуткие морозы, когда от деревьев

с сухим треском отламывались ветви, и дурманящий запах свежескошенного сена, и зыбкий, слоистый туман, волочащийся по степи, и невесомая дымка над Ишимом в предзакатный час, и буйство льдин в половодье, и кизячный дымок, вьющийся над очагами-треногами перед закатом, и все жители аула, от мала до велика, все добрые “ата”, сердобольные “аже” и “апа”, надежные “ага”, друзья-сверстники, сироты-интернатовцы, школьники из всех ближних право- и левобережных аулов, и школа, единственная во всем районе казахская средняя школа с ее чуткими “мугалимами”, и весь этот простой, неприхотливый быт с искренней заботой друг о друге и постоянным вниманием друг к другу, и... о, можно бесконечно говорить о достоинствах, милых приметах, особенностях родного аула и никогда эту тему не исчерпаешь, все равно все не выразишь, ибо это и не тема вовсе, а твоя жизнь, твоя любовь и радость, твоя память, все твое родное, близкое, сокровенное, неистребимое. Благодарность моя к ТОМУ аулу беспредельна. ТОТ аул и сформировал мою душу.

Летом 1955 года, окончив первый курс литфака КазПИ им. Абая, я на каникулы отправился в аул. Целый год я не был в ауле! И хотя отец регулярно писал мне письма, сообщал подробно все аульные новости, присылал приветы от аксакалов, я с нетерпением ждал того счастливого мгновения, когда я вновь окажусь в родном ауле. Добирались тогда трудно. Чаще всего — после Петропавловска — на попутном раздрызганном грузовике. И едва проехав Явленку, я уже поднялся в кузове, держась за кабинку, и с замиранием сердца, с дрожью нетерпения в каждой жилке жадно оглядывался вокруг, всей грудью вдыхая вольный степной ветер, настоенный на разнотравье, все вглядывался до рези в глазах в зыбкую даль, надеясь увидеть знакомый лесок, овраг, холм, поворот проселочной дороги и, наконец, после долгой тряски на ухабах и колдобинах грузовик вынырнул из низины, юркнул мимо колодца с журавлем, мимо старого погоста, вот мелькнули дома поэта Галыма Малдыбаева, учителя Ахметжана, старика-охотника Абилямажина, а вот и медпункт, вот и родительский дом...

Голова сладко кружится, сердце трепещет, в глазах все зыбится от слез. Грузовик, грозя развалиться, остановился на всем бегу у знакомого плетня, и я, ничего не соображая, слезаю с кузова, и вот уже бежит навстречу, радостно галдя, вездесущая малышня, а за нею — соседка Кульшара, дядя Есим, отцовский ровесник Беким, с посохом-палкой семенит Ергали-ата, еще какие-то апа и аже в платках, жаулыках, длинных до пят платьях и неизменных кебисах, радостно кричат: “Гера! Бізді” Гера келді!, т. е. “Наш Гера приехал”, и я уже попадаю в чьи-то объятия, что-то невольно бормочу, отвечаю на вопросы, и сердце мое вот-вот разорвется от счастья и любви к моему аулу, к моим аулчанам.

“Здравствуй, аул мой... родной и любимый!”...

* * *

Все это было, было... Все это осталось в прошлом. И нет тому возврата. И нет уже того аула.

И тут начинаются печальные строки моего эссе.

Какие-то перемены в аулах северных областей Казахстана явно наметились с середины 50-х годов теперь уже прошлого века. Необузданная стихия под названием “освоение целинных и залежных земель” хлынула на тихие, девственные казахские аулы, как горный мутный селевой поток. Боже! Что тут началось! Толпы неведомых башибузуков, словно несметные мамаевы полчища, обрушились на аул. Не секрет, осваивать целинные и залежные земли ехали чаще всего великовозрастные оболтусы из всех союзных республик.

Совершенно дикое, неуправляемое подобие людей неведомого племени, точно всесокрушающий вихрь, разнесло в пух и в прах все, что сложилось, строилось десятилетиями, а то и веками. Многолетние запасы “тройного одеколона” в сельпо были иссушены в один день. На другой день исчезли залежи дешевой пудры. Ее пили, разбавив водой. Обезумели куры на подворьях. Пух и перья летели по аулу, будто была метель. Молодки и девки боялись выходить на улицу. Ночью пришельцы устраивали по аулу гонки на тракторах. Лихачи ездили в

соседние аулы за водкой на комбайнах. Домашних гусей стреляли вместо диких. Рыбу в Ишиме глушили динамитом. Разведенных отцом карасей в котловане вычерпали бреднями за пару дней. Отца, заведующего фельдшерско-акушерским пунктом, буяны ловили на улице: “Эй, недобитый фриц! Спирт давай, если жить хочешь!” Почтенных аксакалов аула называли не иначе как кривоногими бабаями. Тихий аул оглушили отборными матюками. Все вокруг было истоптано, искорежено, опоганено. К счастью, продлилась эта вакханалия недолго. Схлынула мутная волна. Но аул был уже не тот. Появились новоселы, которые строили дома, кошары, баню, разбивали огороды, распахали ковыльную степь до самого аула, так что скотину можно было пасти только в тугае вдоль реки да в овраге. Среди пришельцев встречались и нормальные трудяги, но им все было чуждо, земля была им чужая, чужаками остались и местные жители.

Аул менялся на глазах. Расшатались нравственные устои, традиции, огрубели нравы, все, что искони было табуировано, считалось отныне дозволенным. Подлинно казахское размывалось, терялось, уходило. Аул превращался в разношерстное село, в сборище случайных людей. Бразды правления оказались у тех, кто чувствовал себя временщиком, знал, что через год-другой уедет, непременно уедет, а потому пусть все горит синим пламенем. Чужое — не свое.

О да, посевные площади увеличивались из года в год, росли урожаи, поднимались трудовые показатели, строились добротные дома, культурные объекты, жизнь стала динамичней, напористей, степь пробудилась от рокота моторов, прокладывались дороги, обновился мост в райцентр — все так. Но аул уходил за горизонт, таял, исчезал.

И все же, все же... фундамент, заложенный предками казахов, вся психо-физическая структура казахского аула, как воплощение народной нравственности, традиций, культуры, быта, сохранились в той или иной мере до недавних дней.

И вот парадокс: окончательный крах аула произошел с приобретением Казахстана политической независимости. К досаде и великому сожалению, это так.

Заброшенный, ненужный, забытый, преданный всеми, униженный, ограбленный, обескровленный аул чах быстро и непоправимо. Безработная молодежь, почувствовав надвигавшуюся катастрофу, подалась в город, устраивая как придется, как получится свою судьбу. За ней, продав все, потянулись старики. Заколачивались окна-двери, бросались дома, спасались кто как мог от бесперспективности, безнадёжья, безработицы, пьянства, воровства, дикости и распушенности, грабежа, произвола, подавленности, заброшенности.

Власть все это видела, знала, но и она оказалась бессильна спасти аул, ибо ее душили другие безотлагательные, повседневные проблемы. Надо было любой ценой отстоять независимость. Чью? Для кого?! Надо было строить новое государство. Надо было перед цивилизованным миром держать марку, не ударять лицом в грязь, пускать цветные пузыри. Чем-то надо было жертвовать во имя великой цели. И жертвой пал аул. То, что, в сущности, искони представляло основу Казахии. То, что питало, поддерживало, обогащало, кормило, облагораживало страну.

Жертвы оказались вообще неисчислимы. Фанфары фанфарами, но все же позволю себе здесь ограничиться одним лишь фактом. Зачем мне распространяться о том, что и так все знают и видят? Вслушайтесь: “За десять лет независимости численность населения республики сократилась с 17 млн. до 14 млн. 995 тыс. человек. Заметно снизились за этот период и экономические показатели. Например, добыча угля — от 131 до 69, 6 млн. тонн, железной руды — от 47, 1 до 7, 8 млн. тонн, посевные площади — от 35 182 до 15 169 га, зерно — от 28, 5 до 6, 4 млн. тонн, поголовье крупного рогатого скота — от 9, 8 до 3, 9 млн. голов. (См. “Известия” от 12.01.01). Не буду читателю докучать другими цифрами. Они ошеломляющи. Но статистика крайне неохотно говорит о крушении аула. А это не просто экономика, не просто

цифры. Это суть, феномен народа, издревле называющего себя казахами.

* * *

Чуткие поэты и писатели первыми заметили приближавшуюся агонию аула. Начали бить в колокола тревоги. Однако государственные газеты и журналы предпочитали о том помалкивать. Эка невидаль — аул! Ничего. Не впервой. Выдюжит. Оправится. Такие грандиозные свершения вокруг творятся. А эти горлопаны только и знают, что вопить: аул, аул. Ну и что? Свободу же дали аулчанам! Что еще им надо? Веками боролись за свободу, вот, наконец, обрели ее, а у этих крикунов один аляуляй: аул, аул. Постыдились бы хоть!

Дулат Исабеков опубликовал проникновенно-пронзительный очерк “Аул уходит в небо”. Тынымбай Нурмаганбетов обнародовал на тему аула не одну статью, не один рассказ. Хоть и очень поздно, но сказал-таки свое слово, высказал свою боль об ауле много разъезжающий по Казахстану и много замечающий Абдижамил Нурпеисов. О бедственном положении аула говорили мои коллеги по государственной Комиссии по национальной политике при Президенте Казахстана. О печальном состоянии аула из передачи в передачу вещают “Голоса” и “Азаттык”. Потоками идут корреспонденции журналистов, письма из глубиннок. Мотив один: плохо, ужасно, гибельно. Надо что-то делать. Что-то предпринять. Вмешаться в этот разрушительный процесс. Необходимо сберечь основу народа, опору страны. Так больше жить нельзя. Замелькали на страницах газет стихи: “Ауыл-аза” (“Скорбь аула”), “Айран, ауыл” (“Бедный аул”). Писали: “Плачь, аул, плачь, сиротинушка!”. Или: “Воры шастают по аулу. Ночь темна. Не слышен даже лай собак”. Или: “Что за время настало? Что стало с аулом родным?!” Академик Кенжегали Сагадиев горько сетует: “Сердце разболелось при виде бедного облика родного аула. Помочь нечем. Руки коротки”. (“Ана тілі”, № 24 /02). Ему вторит прозаик Баккожа Мукай: “Когда бываю в своем ауле, душой изнываю. Раньше мы тосковали об ауле, рвались к

нему. Теперь спешим скорее из него уехать. Невозможно и нечем утешить сбитых с толку усталых земляков. Аул изнурен, скудная жизнь, нищета прочно оседлали аулчан” (“Парасат” № 6 /02). О том же говорит поэт Кастек Баянбаев: “Мой родной аул практически исчез с лица земли. Там осталось немного домов. Он опустел” (“Книголюб”, №11-12/02). Кадыр Мырза Али в своей поэме “Не сказать мне обо всем, не пересказать” (“Егемен Қазақстан”, 17.02.01) поэтически и сатирически, с болью в сердце, едко и открыто указал на все бесчисленные язвы нашего больного общества. Он пишет: “Иные перемены нашей жизни напоминают нам легенды о конце света”.

Об угасании аула, о его распаде, гибели пишут мне письма из северных и южных областей, рассказывают друзья, знакомые, земляки (мои земляки и североказахстанцы, где я вырос, и джамбулцы, где работал после института), многое я видел и сам в своих поездках (о незавидном положении аула поведали мне все акимы районов, когда я, баллотируясь в депутаты, объездил все районы Павлодарской области; о том же всюду шла речь и в Семипалатинске, где я бывал неоднократно в бытности его областным центром; то же видел и в некоторых регионах Южно-Казахстанской области). Свои впечатления я использовал в пока что неопубликованном романе “Туюк су”. А здесь, в данном эссе, я заключаю свои всем известные в общем-то мысли словами поэта Кадыра: “Не сказать мне обо всем, не пересказать”...

* * *

В начале 60-х годов прошлого века советская власть обрушила на аул очередной удар. Вообще аул все время находился под градом социальных, экономических, идеологических, этнокультурных ударов. Над аулом проводили эксперименты все кому не лень. Большевистские преобразования следовали одно за другим. И с каждым волевым вмешательством самодурной власти аулу становилось все хуже. Лишь отдельные нововведения (радиофикация, электрификация, медицинское обслуживание, “красные юрты”, читальни, библиотеки, школы)

обернулись во благо. “Реформатор” Н. Хрушев решил аулу продемонстрировать “кузькину мать”. Мало что заставил распахать вековые пастбища, навязал еще земледельцам сеять кукурузу, горох там, где они сроду не росли, лишил казахов скота. Стон и отчаяние прокатились тогда по всей степи. Коров, забредавших невзначай на чахлые кукурузные поля, загоняли бдительные охранники в общественный загон и держали впроголодь по нескольку дней, штрафуя хозяев, заставляя их просить, умаливать отпустить аллаха ради родную скотинушку. Аулчане были в одночасье поставлены в униженное положение. Были объявлены строгие ограничения: на подворье следовало держать одну корову, или одну кобылу, или трех овцематок, шесть-семь годовалых овечек. Что творилось тогда в аулах — пером не описать. Скот резали напропалую, а мяса сдавать было негде. Ревели недоенные коровы. Блеяли ошарашенные овцы. Отцы семейств толпились у аулсовета, уговаривая местную власть записать буренку на жену, овечек на детей, при этом на разные фамилии, чтобы придать хотя бы видимость законности своего не очень-то и внушительного состояния. Ой-хой, бывали же дурные времена! Без здравого смысла, без такта и деликатности, без оглядки на традиции, без учета реальности. Своеволие и разгул. А страдал народ, хирел аул. И вся эта вакханалия трактовалась алиллуйщиками-идеологами как еще одна яркая победа родной партии и правительства. Мотивы этой социально-политической бестолковщины и экономического головоутиательства нашли тогда отражение в “Одинокоем доме” С. Жунусова и “Черном старике” А. Сулейменова. “Реформы” Хрущева нанесли аулу сокрушительный урон, выбили аульный люд из колеи на долгие годы.

* * *

Но как же быть с аулом? Да, жизнь не стоит на месте. Урбанизация взяла высокий (стихийный) темп. Но хочешь — не хочешь, а почти половина всего населения страны обитает на земле. Судьба большинства казахов все еще связана с аулом. Казах вообще верен и привержен родной земле, месту предков, месту, где капнула первая капля

крови от пуповины. Казах продолжает жить в Приаралье, в пустыне, в заброшенных бесперспективных безводных, безтравных регионах и не спешит покидать отчий край. Казах презирает тех, кто ищет лишь сытое, доходное место, оставляет родную землю. Казах считает это недостойным для человека поступком, это доля бродячей собаки. И продолжает казах жить в невыносимых условиях и при этом еще благодарит Создателя за все его благодеяния.

Власть долго и упорно отмахивалась от аульных проблем. Старалась их не замечать. Вообще о том не думать. Лишила аулы мало-мальских очагов цивилизации. Подорвала экономически. Растоптала физически. Расшатала нравственно. Унизила психологически. Даже в годы независимости не представляла, как с аулом быть. В досаде и раздражении смотрела на аул, как Ленин на буржуазию.

Наконец, когда уж все обрушилось в пучину безнадежья, власть спохватилась: апырай, дела в аулах, оказывается, и в самом деле жаман, ой, жаман, дальше некуда. Надо что-то срочно предпринять. Что будет, если вся эта гольтьба ринется в города?! Надо поддержать, вкладывать инвестиции. По пути Запада не пойдешь: не те размеры, не те горизонты, не та ментальность. Не та инфраструктура. Всех в город не переселишь. Огромное пространство страны необходимо как-то удержать, осваивать. Иначе хлынут такие орды келимсеков, что независимость зашатается и будущее народа, нации станет проблематичным, все величественные горизонты фантастической программы 2030 рухнут.

* * *

Так родилось последнее по времени Послание Президента страны к народу, в котором главное внимание уделено — наконец-то! — аулу. Что и говорить, Послание верное, продуманное, правильное. Акценты расставлены точно. И пути намечены разумные. Все так. И, бесспорно, если вложить серьезные (почти немыслимые) средства, что-то еще можно сделать. Ну, дома построить, дороги, культобъекты. Можно воздвигнуть агрогородки, фермы,

фирмы, наладить крупные хозяйства, удержать людей на земле, внести лад и склад в порушенное бытие. И при многолетней заботе, государственной помощи, внимании и терпении все это может быть, скорее, даже будет. Но то, что будет, будет чем угодно, только не прежним аулом, коим он был, скажем, в минувшем веке. Аул в своем изначальном понимании уходит с арены национальной истории навсегда. Как ушла конно-кочевая цивилизация. Ничего не поделаешь. Такова истина. Таков круговорот бытия.

2002

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ГАРМОНИИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ У МОНУМЕНТА НЕЗАВИСИМОСТИ

I

Этот стройный золотой витязь в островерхом шлеме, подтянутый юный воин-охотник на покорно распластавшемся крылатом барсе, объявился на главной площади страны не столь давно, однако дух его, неукротимый и дерзкий, мирный и бесстрашный, пришедший из туманных глубин тьмы-темь веков, витал над Великой Степью всегда, волнуя сердце и будоража душу ее разнородных и разноязыких племен.

Не знаю, кто — как, а я именно так воспринимаю впечатляющее творение моего давнего друга — импульсивного и неумного чингизиды Шот-Амана Валиханова.

Вобрав в себе энергию, жизнестойкость, упорство, терпение, волю, созидательный потенциал несметных поколений диких этносов, он, охотник с орлом, со своей умопомрачительной выси, чутко внимает упругим струям Времени, прислушивается к ветрам Востока и Запада, Юга и Севера и всматривается зорко, как мне мерещится, в грядущий век (или века), стараясь провидеть все извивы рока над страной и народами.

Он, золотой витязь в островерхом шлеме-дулыге, всем своим обликом и статью воплощает изначальную гармонию человеческого духа и силы природы, обретенную в мечтах номадов, волна за волной обрушивавшихся на бескрайние азийские пространства. Царь природы —

могучий крылатый барс подчинился его всесокрушающей воле; сам охотник в напряженном порыве устремлен к небесам, в космогонические дали; взор из глубин сарматских времен путешествует по закоулкам истории; юноша весь объят желанием понять и осознать себя — говоря словами Чаадаева — “в общем порядке мира”. Три стрелы в колчане символизируют целостность трех сфер, трех регионов, трех цветов времени, единство территории, трех казахских жузов -понимай, как хочешь.

Облака веков проплывают над его головой. Ветры времени бушуют над ним. Он купается в ослепительных лучах вечного солнца. Он слышит гул эпох, яростный разноязычный клич полузабытых племен. Тени далеких предков зыбятся в мареве предгорий. Прошрое, настоящее, будущее — все слилось в нем неразрывно. Он обитает в неведомой нам, смертным, сфере и живет по божественным законам вечно движущейся и самообновляющейся природы, которая, разобщая, вновь соединяет жизнь и, соединяя, в вечном борении снова ее разъединяет. Он, золотой юноша с орлом, вызванный к жизни фантазией человека, является очевидцем стольких эпох, катаклизмов, множества пластов культуры. Он, пришелец из тюркских миров, пребывает в пространственно-временной запределности, плывет над миром и временем, над судьбами людей и эпох, а я смиренно стою у его подножья, погруженный в думы, раздираемый и смущенный противоречиями настоящего, и не осмеливаюсь вызвать его на доверительную беседу... Вспоминаются строки Н. Гумилева:

*“Я вежлив с жизнью современной,
Но между нами есть преграда...”*

Да, лежит огромная преграда между этим золотым, вечно молодым охотником-жигитом и мною у его подножья — он Дух вверху, я камень внизу. Услышит ли он мои душевные тревоги, пойму ли я его сквозь толщу эпох и судеб?

II

Откуда этот неизъяснимый зов Востока? Каким образом свет Востока проник в душу этнически западного

человека? Юношеской моей мечте — стать тюркологом — не было суждено осуществиться. Жалеть теперь о том — дело пустое, однако душа и поныне трепетно отзывается на маняще-чарующие звуки восточных имен и названий: массагеты, саки, сарматы, гуны, скифы, великий тюркский эль, Тюркский каганат, государства огузов, караханидов, кимаков, кипчаков, Жусуп (Юсуф) Баласагуни — “Кутадгу билик”, Махмуд Кашкари — “Диуан-и лугат ат-турк”, Ахмет Яссауи — “Диуан-и хикмет”, Мухаммед Хайдар Дулати — “Тарих-и Рашиди” — причудливая смесь разных эпох и культур.

Сердце испытывает сладостную дрожь от самой музыки этих слов. Вслушайтесь: “Китаб аль-Идрак ли-Лисан аль-трак” (пояснительная книга о тюркском языке), написанная, кстати, в XIII веке Аль-Гранати (то есть, автор жил в Испании — Гранаде); “Китаб булгат аль-муштак фи лугат ат-турк вал-кыпшак” (книга, написанная для желающих хорошо изучить тюркский и кипчакский языки) — XIII — XIV вв.

Смутная тяга к неведомому азийскому миру, к Востоку зародилась подспудно во мне, должно быть, рано, еще в детстве. Я родился в г. Энгельсе Саратовской области; мои родители, мой дед и прадед — уроженцы ныне стертого с лица земли села Мангейм в бывшей автономии немцев Поволжья, которая граничила с “Киргизерштеппе”, т. е. с казахской степью. Сохранился послужной лист моего деда Фридриха Генрихова Бельгера, 1861 года рождения, из которого явствует, что он уволен из армии на жительство села Мангейм Караманской волости Новоузенского уезда Самарской губернии. Поволжская степь, на диких, запущенных просторах которой обосновались со времен Екатерины Великой немцы-колонисты, выходцы из германских, точнее, европейских княжеств, была сплошь всхолмлена таинственными курганами, называвшимися в народе то “киргизскими”, то “калмыцкими”.

В двадцатых годах там интенсивно велись археологические раскопки, из древнейших, еще до новой эры, захоронений извлекались разные диковинные предметы — наконечники стрел, копья, железные ножи с деревянными

ручками, останки людей и домашних животных, черепа, покрытые красной краской (мумией), глиняные горшки, коробки из берестовой коры, разные черепки, точилки из песчаника, примитивные орудия труда и украшения (бусы из стекла, розового коралла, сердолика, янтаря, перламутра, пирита, кости), обломки железа, бронзовые скобочки — все это можно было лицезреть в Энгельсском государственном музее, созданном рано ушедшим из жизни талантливым археологом, фольклористом, бытописателем Паулем Давидовичем Рау. Вся поволжская земля была густо усеяна предметами сарматской культуры. Руссейший писатель немецкого происхождения Борис Пильняк (Воган) в своих рассказах впечатляюще описывает мифический страх немецкого колониста, натывшегося при рытье колодца и погребя на скелеты древних обитателей заволжских степей. “Киргизские” мотивы присутствовали в фольклоре немцев Поволжья, в быту, в рассказах бывалых людей и писателей, разумеется, в разной интерпретации и тональности. При всей первоначальной замкнутости, настороженности немцев-колонистов, какие-то житейские, хозяйственные контакты со Степью, с номадами имели место. А вокруг текли степные речки с нерусскими и уж тем более ненемецкими названиями — Еруслан, Караман, Карамыш, Торгун. Да и историко-культурный центр этого края — город Саратов — со своими немецкими улицами, кирхами, магазинами, лавками, гимназиями означал по-тюркски Желтая гора.

Многие десятилетия спустя, в конце 80-х, начале 90-х годов, когда российские немцы надеялись возродить свою автономию, распушенную в августе 1941 года, на Волге началась хорошо организованная истеричная антинемецкая кампания под лозунгами: “Поволжье — исконно русская земля”, “Немецкой автономии — нет!”, “Не отдадим немцам ни пяди русской земли!” Слушать это было горько и гадко. Еще не существовало слово “Русь”, когда на этих землях обитали этносы, никакого отношения не имевшие ни к русским, ни к тевтонам. Дремучее невежество отнюдь не способствует развитию исторического самосознания. Но не о том сейчас речь.

Во многих немецких селах Поволжья в двадцатые-тридцатые годы скот пасли казахи. С местным населением они общались по-немецки, однако и своим внешним видом, и одеждой, и манерами они, естественно, выделялись, привлекали внимание, вызывали любопытство, как бы намекая на то, что где-то за горизонтом, за степным маревом, обитает народ, далекие предки которого некогда безраздельно владели этим беспредельным пространством. Франц Шиллер, известный литературовед, репрессированный в конце тридцатых, одним из первых с большой симпатией описал в повести “Боевые эпизоды из степного края” судьбу казаха Кошентая и этнографические своеобразия жизни кочевников. С любовью выписан и образ казаха-юноши Киндебая в романе “Своими руками” Герхарда Завацки, “киргизскими” мотивами пронизаны и рассказы Христиана Эльберга. Словом, под боком немецких колонистов находился загадочный народ, о котором мало кто ведал, но тайна которого манила, влекла.

Пройдет совсем немного времени, и немцам Поволжья, Крыма, Кавказа, Украины державной волей будет уготована горькая судьба спешно оставить насиженные и обихожанные места и жить вразброс на необъятных просторах того народа, о котором они либо ничего не ведали, либо знали лишь понаслышке.

Но это уже другая страница в истории сближения потомков тюрков и тевтонского племени. Человеческие и духовные контакты сложились довольно быстро и естественно, со временем они вошли в плоть и кровь: униженные, посрамленные народы (а таковыми были не только российские немцы, но в сущности и казахи) всегда легко находят общий язык для взаимопонимания и взаимопостижения.

В 1953 году я окончил казахскую среднюю школу в Северном Казахстане. На выпускной экзамен по немецкому языку приехал из района инспектор — высоченный стройный немец по фамилии Мерфурт. После экзаменов он долго разговаривал со мной на зеленой лужайке возле интерната и посоветовал: “Вам надо избрать восточную ориентацию”.

Как он уловил мою смутную, подспудную тягу — для меня и поныне тайна.

III

Неравнодушие и любопытство, неистребимая тяга к другим мирам, к другой культуре есть бесспорный двигатель прогресса, парадоксальная основа самопознания и начало сближения иноязычных духов добра и благородства.

“Все народы когда-то откуда-то пришли, кто-то кого-то победил”, — заметил Лев Гумилев. Это верно, как верно и то, что все народы всегда друг к другу тянулись, друг друга узнавали, постигали, мучительно преодолевая вражду и ненависть, уповая на дружбу, взаимопонимание, духовное согласие. Тому свидетельство мировая история культуры.

“Мне не столь важен твой русский, сколько твои немецкий и казахский, — сказал профессор Сарсен Аманжолов мне, студенту первого курса русско-казахского отделения литфака КазПИ им. Абая. — Немцы оставили глубокий след в тюркологии, в изучении языка и культуры казахов. И тебе бы не мешало развиваться в этом направлении. После окончания института я мог бы взять тебя на свою кафедру...”

Лестно это было слышать вчерашнему аульному юнцу, гипотетическая перспектива приятно кружила голову, но особую, неосознанную гордость мне, только что вырвавшемуся из унижительной опеки комендатуры еще беспаспорточному спецпереселенцу, навевали слова профессора о заслугах немцев в изучении истории, языка и культуры казахов. Российские немцы, депортированные и репрессированные, изгнанные из родных мест, развееванные по всей стране, на одну треть загубленные в трудармии, ГУЛАГе и ссылках, все еще были заложниками гнусной советской идеологии, а немецкие имена упорно замалчивались везде и всюду; впервые в истории КазПИ им. Абая в 1954 году пятеро немцев были — после немалых мытарств — зачислены студентами, и вдруг из уст казахского профессора я слышу доброжелательные слова, вызывающие радость и гордость за своих единокровников, соплемен-

ников, давних, еще не ведомых мне. Короткая беседа профессора С. Аманжолова зажгла в моей душе свечу надежды и как бы направила мои смутные порывы в некое русло, определила интерес к взаимосвязям, взаимовлияниям культур, настраивала на духовную созидательную связь разных народов. Мои первые студенческие работы, опубликованные в научных сборниках, — “Русские предлоги “в”, “на” и их эквиваленты на казахском языке”, “Структура вопросительного предложения в русском и казахском языках”, “Ночная песнь странника” Гете в переводах Лермонтова и Абая” — являлись отражением того еще зыбкого душевного настроения, навеянного благодатным вниманием знаменитого казахского профессора.

Весной 1958 г. профессор С. Аманжолов скоропостижно скончался, и юношеская моя мечта разбилась в одночасье, в жизни произошли крутые повороты, вышло все не так, как было задумано, но стержневая идея, штандпункт, доминанта — служить духовным контактам между народами — остались.

Было приятно сознавать, что казахская степь, казахская история и культура притягивали взор немецких ученых, исследователей, путешественников издавна, издревле, и это было отнюдь не праздным любопытством, а искренним, осознанным стремлением служить истине, науке, духовному взаимопроникновению, сближению, благородным общечеловеческим контактам.

Лет тому, наверное, уже пятнадцать назад ныне Народный писатель Казахстана Абиш Кекилбаев, работавший тогда над своим романом “Еле”-ала””, принес мне фотокопию хранящейся в Рижской библиотеке рукописи путевых записок Джона Кэстли, английского путешественника, посетившего в 1736 г. ставку хана Абулхайра. Записи были сделаны по-немецки, естественно, готическим шрифтом, я их прочел и устно изложил содержание Абишу, который потом использовал некоторые детали в своем романе. В качестве толмача сопровождал Джона Кэстли подросток-немец, подмастерье из Оренбурга Дитрих Юстус. И я тогда подумал: уж не стоял ли этот отрок, Дитрих Юстус, у истоков немецко-казахских отношений?

Оказалось, нет. Корни значительно глубже.

Более тридцати лет тому назад, работая над переводом на русский язык книги академика Ахмета Жубанова “Соловьи столетий”, я впервые узнал от автора, что именно немцы были пионерами в собирании, изучении казахской музыки. А. Жубанов поведал мне, что в 80-е годы прошлого века в казахскую степь выехал музыковед Аугуст Эйхгорн, который записывал казахские песни и собирал образцы казахских народных инструментов. Ему очень понравились казахские песни, и он написал на немецком языке исследование “Казахская музыка” объемом в 196 страниц. В свой труд он включил нотные записи нескольких казахских песен и кюев. По мнению академика А. Жубанова, труд А. Эйхгорна — первое научное исследование казахской музыки. Как-то листая энциклопедический справочник “Ташкент”, я узнал, что А. Эйхгорн жил в Ташкенте и руководил военно-гарнизонным оркестром.

В предисловии к книге “Соловьи столетий” А. Жубанов упоминает еще действительного члена Оренбургской Архивной Комиссии В. Карлсона, опубликовавшего в 1906 году статью “Народные певцы-киргизы в архивной комиссии”. В ней приводятся любопытные сведения о казахских импровизаторах, песнях, домбре, манере исполнения. Здесь же назван и Г. Пфенниг, сделавший нотную запись двух казахских песен в “Этнографическом обозрении” в 1889 г.

Попалась мне случайно на глаза интересная книжица под названием “Russland. Einrichtungen, Sitten und Gebräuche”(Leipzig 1884, Wien und Prag) Фридриха Майера фон Вальдека. В ней я обнаружил много сведений о российских немцах, о казахах, описания их обычаев, нравов, одежды, обустройства и т.д.

Напомню еще один любопытный факт. Многим известно, что хан Аблай находился в джунгарском плену, однако редко кто знает, что вызволил его из плена Карл Миллер. Его дневник — “Журнал поездки майора Пензенского гарнизонного пехотного полка Карла Миллера к Джунгарскому хану Галдан Цэрену” (3 сентября 1742 — 14 мая 1743 г.) — с предисловием кандидата исторических

наук И. Ерофеевой “Землепроходец и дипломат” перепечатан недавно в альманахе “Феникс” (№ 16).

Говоря о роли немцев в истории культуры Казахстана, можно назвать не один десяток имен. Степь манила ученых. Она была своеобразной *terra incognita*. Любознательных исследователей поджидали на каждом шагу поразительные открытия. В изучение Казахстана внесли свой ощутимый вклад военный губернатор Отто Генрих фон Игельстром, врач Эдуард Эверсман, зоолог Эдуард Эйхвальд, геолог и географ Гр. Гельмерсен, ботаник А. Шренк, служащий Фридрих Герман (автор очерка “О киргизах” в “Вестнике Европы”, 1821, №22), Г. К. Гинс, описавший казахский быт Семиречья в начале XX века в очерках “В киргизских аулах”, редактор газеты “Русский Туркестан” И. И. Гейер, автор книги “Туркестан” (1909).

А разве мыслимо пройти мимо “Путешествия по разным провинциям Российской империи” (1773, Франкфурт и Лейпциг) знаменитого Петера Палласа, приведшего немало сведений о быте, нравах и обычаях казахов! О жизни этого выдающегося ученого, неумолимого путешественника опубликовал недавно блистательную документальную повесть “Из мглы забвения” Владислав Владимиров (“Феникс”. № 13).

По свидетельству историка И. Ерофеевой изучение нынешней территории Казахстана немцами берет начало с первых сведений бравого баварского солдата Иоганна Шильтбергера (1379 — 1427), барона Сигизмунда Герберштейна (1486 — 1576), писателя Адама Олеария Эльшлегера (1599-1671).

Дабы не утомлять читателя, я, пожалуй, прерву здесь длинный ряд немецких фамилий — тех людей, чей вклад в изучении Казахстана неоспорим, но упомяну еще Василия Васильевича Радлова. Собственно, звали его Фридрих Вильгельм и был он крупнейшим востоковедом-тюркологом, этнографом, переводчиком, одним из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков. Он расшифровал совместно с В. Томсеном Орхонские надписи, издал более 200 работ, в т. ч. “Опыт

словаря тюркских наречий” в 4-х томах. В “Образцах устной литературы тюркских племен” (в предисловии к пятому тому) Радлов точно и вдохновенно описал культ казахского речестроя: “...как кара-киргизы, так и казак-киргизы отличаются от соплеменников тюркского происхождения необыкновенным умением говорить. Действительно, нельзя не удивляться тому, как киргизы владеют своим языком! Киргиз всегда говорит бегло, не останавливаясь и не запинаясь. Излагая свои мысли точно и ясно, он умеет придать своей речи известную долю изящества, и даже в самом обыкновенном разговоре при построении фраз и периодов у него является часто ясный ритмический размер, так что предложения следуют друг за другом в виде стихов и куплетов и производят впечатление стихотворения. Понятно, что народ, который до такой степени наслаждается красноречием, смотрит на ритмическую речь, как на высшее искусство в мире. Поэтому народная поэзия у киргизов достигла высокой степени развития”.

Чтобы так и такое сказать об устной речи народа, нужно не только его проникновенно знать, прочувствовать, но и глубоко любить. Напомню еще здесь, что академик Радлов, записал “Козы Корпеш” из уст народных сказителей, в 1870 г. впервые издал ее на казахском и немецком языках.

Подобное пристальное, целенаправленное внимание одного народа к другому, конечно же, похвально и достойно. Не это ли имел в виду маститый казахский профессор-тюрколог Сарсен Аманжолов, когда он меня, несмышленного студента первого курса, наставлял на благодатный путь, ведущий народы к сближению, к духовному родству? И не на этот ли единственно верный путь указываешь Ты, умудренный истиной предков золотой витязь в островерхом шлеме древних саков?..

Не утас интерес немецких ученых к казахам и поныне. На абаевские торжества в 1995 году приезжали из Германии немецкие тюркологи доктор Марсель Эрдаль и Марк Кихнер. Они работают во Франкфурте-на-Майне в университете им. Гете и являются ведущими тюркологами в Германии. Они

также знатоки казахского языка и культуры. Ими создан совместный труд “Абай и истоки тюркской поэзии”, написанный на английском и казахском языках.

Неоднократно бывал в Алматы Томас Хеман, автор пособия по казахскому языку, изданного в ФРГ, переводчик произведений Абая.

Подобные культурные контакты следует всемерно углублять и впредь.

VI

...Высоко взметнулся Ты, золотой жигит в островерхом шлеме, далеко смотришь, свидетель неисчислимых потрясений, горестей народных. Тебе, устремленному к божьей обители, многое ведомо в отличии от нас, суесящихся у твоего подножья. Так скажи, что нас, казахстанцев, ждет впереди? Нет, не завтра или послезавтра, это и мы, грешные, близорукие, в состоянии представить, несмотря на набившие оскомину сладкие заверения правителей разной масти, а, скажем, в середине XXI века или в конце его. В состоянии Ты это провидеть с вышины твоего крутого рукотворного пьедестала? Или тоже прибежешь к занудливому “аляулай” о грядущем благоденствии и начнешь призывать к смирению и терпению?

Ответ: удастся ли сохранить страну под названием Казахстан в своих исконных границах? И что это будет за страна? Меня, золотой витязь, конституционные формулировки не прельщают: слишком много их было на моем веку, и конституций, и формулировок. В них нынче даже дети рыночного периода не верят. Хотелось бы знать, во что превратится Казахстан — в запущенное, истерзанное, разграбленное, как древний скифский курган, малолюдное пространство или все же в более-менее упорядоченное государство, вписывающееся в современную цивилизацию? И какое место в этой огромной стране уготовано собственно казахам? Смогут ли они стать полновластными хозяевами на своем атамекене, на земле предков, или им, стиснутым зубастым драконом и неуклюжим медведем, предназначена судьба северо-американских индейцев?

Неужто неведомые народы, диковинная смесь этносов, начнет терзать огромное беспомощное тело страны, а казахов загонят в резервации, отравленные атомными отходами? Можешь ли Ты, далекий предок вольного степного народа, со своей одинокой выси ответить вразумительно на мою тревогу, полагаясь не на фольклорные мотивы, не на субъективные импульсы, не на мнимопатриотические судороги, а на строго научные этногеографические, этно-социальные, этно-политические, этно-демографические раскладки? Какие катаклизмы ожидают нашу страну и народы, населяющие ее? Какие геополитические ураганы пронесутся над ней — всесокрушающим смерчем или благодатным дождем? Как будут взирать народы с перенаселенных континентов на эти просторы? Захотят ли их облагородить, привести в божеский вид, или превратят в гигантскую свалку радиоактивных отходов, в бескрайний полигон для испытания всевозможных оружий, в арену низменных человеческих страстей? Достаточно ли жизненной энергии, упорства, воли и духа, потенциала исконного народа, чтобы не только удержать необъятные пространства, но и дать мощный заряд, который вынесет страну на орбиту будущего? В чем и где эти источники жизни, позволяющие обрести веру, стойкость и надежду? Есть ли испытанная твердь, верная основа, на которых зиждется вожаемое будущее? Насколько велика сила аруахов, дух предков, накопленная впрок энергия добра и созидания, внушающие бесстрашие и убежденность? В каком направлении и в какой степени произойдут трансформации в ментальности коренного народа? Сможет ли он подчинить своей воле разрушительную стихию времени или хотя бы разумно приспособиться к неотвратимым катаклизмам? И приноравливаясь, приспособливаясь к новым веяниям и влияниям, в какой мере удастся сохранить себя — свое национальное обличье, язык, веру, дух, ментальность, нравы и обычаи, заповеданные предками? Или выживание и вхождение в грядущее связано с потерей собственного “Я”, с лишением, стиранием родовых черт и основополагающей сути?

Прославленный американский терапевт, лауреат Нобелевской премии Бернард Лаун говорит о своих российских впечатлениях так: “Идет ужасающий процесс истощения энергии нации. Это беда, от которой хочется разрыдаться... Сегодня идет наглое выкачивание богатств и природных ресурсов. Перемены, происходящие в России, беспрецедентны и трагичны. Продолжительность жизни у мужчин упала с 67 до 57 лет! Такого никогда не было в истории человечества! Русские вымирают, вымирают, вымирают... Почему? Из-за невероятных стрессов, лишений, нищеты, бессилия, из-за постоянного отравления токсичными отходами...”

Не то ли самое, золотой витязь на распластанном крылатом барсе, мы видим в Казахстане? Не то ли — может, даже в большей степени — происходит ныне на наших глазах? Деградирующие и вымирающие аулы, еще недавно воспеваемые их городскими чадами как зеленый причал надежды, не являются ли грустной приметой повсеместной энергетической усталости?

Вот о чем поневоле думается у подножья твоего грандиозного монумента на главной площади независимого государства, великий предок разнородных и разнопородных племен, обитающих ныне на необъятных просторах великой Степи, которую Ты, вольный сын ее, взлетевший на могучих крыльях барса, олицетворяешь.

Что было в прошлом — ближнем и далеком, мы в какой-то мере представляем. Всякое намешано в нем — и трагическое, и героическое, и великое, и подлое, высокое и низменное, свободное и рабское, достойное и ничтожное. Знаем, знаем... А что в грядущем?

То, что под видом реформ происходит в настоящее время на твоих просторах, вызывает больше сомнений и тревог, больше настораживает, нежели дает основание для оптимизма и благодушествования.

Ну, сам подумай, золотой жигит, вознесенный на пьедестал. Раскол общества по социальному признаку с каждым днем углубляется. Разоренные села и аулы выталкивают в города нескончаемые потоки безработных. Нет сил, чтобы укротить преступность. Наука хиреет.

Искусство унижено. Дух разъедает ржа торгашества. Разрушительная стихия вышла из берегов, как река в половодье. Растерянные люди ввергнуты в хаос. Былые ориентиры и ценности утеряны. Происходит ломка в сознании людей. Вековые устои катастрофически размываются крутыми волнами надуманных преобразований. Утешения и обещания власть предержащих никого уже не убеждают, ибо всем видно, что они сами ничему уже не верят. Хорошо, что хоть можно все списать на нескончаемый переходный период.

Неужто Тебе, охотнику в островерхом шлеме, все это неведомо? Или для Тебя, свидетеля множества потрясений и немыслимых жертв, все это лишь проходящие мелочи бытия? Значит, Ты мыслишь другими масштабами и категориями?

На память приходят строки Максимилиана Волошина:

*“Чтобы мы его — Царство Русское
В гульбе не разгуляли,
В пляске не распятали,
В торгах не расторговали,
В словах не разговорили,
В схватке не расхватали!”*

Ах, как эти сокровенные пожелания относятся и к нам! Достаточно “царство Русское” заменить, скажем, на “степи казахские”...

V

Тебе, славному предку тюркских племен, гордо стоящему на крылатом барсе, должно быть тревожно и больно оттого, что твои некогда единые, на безраздельном пространстве друг друга отлично понимавшие потомки, став заложниками нечистоплотной политики и идеологии, разбрелись Бог весть по каким географическим закоулкам и отсекам, нагородив массу причин для взаимоотчуждения. Великий тюркский эль — уж Ты-то, золотой витязь, взметнувшийся на главной площади страны, это прекрасно знаешь — объединялся некогда единым пространством,

единым языком, единой верой, единой историей и культурой. Существовала даже общая грамматика тюркских наречий. Конгломерат племен от северо-востока Африки, в Европе, до юга Сибири и Гобийских пустынь говорил на тюркском языке с ощущением всебратства, всеединства, духовного родства. На этом языке творили туркестанец Ходжа Ахмет Яссауи, самаркандец Темир-хан, аль-Фараби, Шайбани-хан, Юсуф Баласагуни, Махмуд Кашкари, которых патристические потомки ныне тщатся растаскивать по поздним национальным нишам, упорно считая одного узбеком, второго казахом, третьего уйгуром, четвертого кыргызом и т. д., закрывая глаза на то, что у всех у них был единый язык, единая культура, литература, родственные миропонимание и духоустройство.

Вникая в историю великого степного народа, в труды выдающихся тюркологов, поневоле поражаешься, с одной стороны, духовной мощи мира тюрков (tsprk ёлемі, tsprk ааламы), и с другой стороны, многочисленности его врагов, всегда старавшихся из единого народа сделать, как пишет Мурад Аджи, автор популярной книги “Полюнь половецкого поля” (Москва, 1994), “маленькие народики”. Прав Мурад Аджи, когда с болью утверждает — “нашу историю унизили и оболгали”. Обвинять в этом исключительно российскую империю и великодержавный шовинизм было бы, однако, слишком односторонне, хотя и отрицать это абсолютно невозможно. Унижению и оболганию истории, культуры роли и значимости в мировой цивилизации мобильного пассионарного народа великой Степи способствовало множество исторических внешних и внутренних факторов, в том числе и подспудно назревавший в течение веков самоликвидирующий, самоуничтожающий раздрай, раскол, разброд, а также гордыня и спесь иных племен и их не в меру амбициозных, погрязших в эгоистических вожделениях предводителей. Велика “заслуга” и историков, литераторов, политиков в унижении, искажении истории народов, обитавших в бескрайнем половецком поле, в откровенном глумлении над “дикими”, “варварскими” племенами, якобы, носившими, подобно всесокрушительному смерчу, повсюду лишь разруху, хаос

и гибель. В эмоциональном, иногда бесшабашном разоблачении и отрицании этого давным-давно сложившегося предвзятого и заведомо ложного постулата и заключается пафос известных работ наших современников О. Сулейменова, М. Аджи, А. Сейдимбекова, Т. Журтбаева, К. Салгарина и многих других. Но и перехлест при определении “момента истины”, на мой взгляд, имеет место.

Когда, например, Мурад Аджи пишет: “Вот и стала Степь в глазах людей неким проходным двором, сборищем кочевников и беглых русских уголовников”, то это, скорее, обида, нежели чистая правда.

Когда, скажем, Мурад Аджи пишет: “Мудрые все-таки правители были у кипчаков, прозорливые... Они создали сильную страну, с которой в IV веке познакомился европейский мир”, то в этом слышится не только констатация, но и неприкрытая похвальба.

Когда, к примеру, Мурад Аджи говорит: “Кипчакский народ духовно еще не весь умер, кое-кто остался и помнит былое, так что растаскивать его культурное наследие не к лицу бы другим народам, особенно претендующим на звание “великий”. Истинно великий народ не будет вести себя как шакал на дороге Времени”, то в этом пассаже мне чудится не столько истина, сколько раздражение, ущемленное честолюбие и эпатаж.

Когда в экстазе тотальной кыпчакизации всего и вся, явно увлекшись, Мурад Аджи утверждает: “Саксонцы и баварцы — целые народы, — оказывается, в XVI веке еще говорили на тюркском языке, потому что это их родной язык... Антропологически эти народы — бесспорные кыпчаки”, то я поневоле впадаю в недоумение, ибо даже мои скудные познания в германистике, при всей моей восточной ориентации, никак не являются тому свидетельством.

Книгу “Полюнь половецкого поля” я прочел с интересом, удовольствием и пользой, о чем при встрече с автором искренне поведал, заметив, однако, что порой его все же немного “заносит”. “А фамилия канцлера Германии вам ни о чем не говорит?” — спросил вдруг меня Мурад Аджи. “О, Алла... неужто и он кипчак?!” — изумился я. “А вы подумайте об этимологии слова “коль”, — посоветовал

профессор “О, я знаю, что көл в тюркских наречиях означает “озеро”, но к господину канцлеру это никак не относится, ибо он Kohl, что значит “капуста”, то есть, по-русски он был бы просто-напросто “Капустинным”.

Мы оба дружески рассмеялись, и Аджи подписал мне свою книгу: “Кипчаку Герольду от кипчака Мурада”. Я, конечно, был польщен, хотя и сознавал, что кипчаком мне уже никак не стать, как — по казахской поговорке старому урусу — мусульманином.

В разъединении, взаимоотчуждении тюркских народов помимо политиков, историков, правителей “славно” потрудились и казалось бы безобидные ученые-лингвисты. Начали делить, дробить единый язык, насаждать дисгармонию, углублять диалектные, фонетические различия, удалять письменный язык от устного, разрывать орфоэпию и орфографию (например, и казах, и кыргыз, и узбек говорят “су”, а пишут один “су”, другой “суу”, третий “сув”. Или все произносят “тау”, а пишут по разному — “тау”, “тоо”, “тоғ” и т.д.), прибегая — в угоду геополитических поползновений то к старо-арабскому алфавиту, то к реформированному (гражданскому) арабско-казахскому алфавиту, то к латинице, то к кириллице, все время отрывая народы от первоисточника, от единых корней, от системы пракультуры и тем самым разъединяя их все больше и больше. В результате за несколько десятилетий пришли к тому, что родственные по языку, культуре, вере, истории народы при встрече общаются по-русски, а литераторы переводят друг друга через русский язык.

Многие годы тому назад, встретившись с переводчицей нурпеисовской трилогии на узбекский язык, я был несколько удивлен, узнав, что она переводит “Кровь и пот” не с оригинала, а с московского переводного издания. “Так мне легче, проще”, — сказала она. Потом я убедился, что некоторые казахские поэты даже кыргызских, каракалпакских, татарских коллег предпочитают переводить с русского, а не непосредственно с оригинала. Говоря по-казахски, я от удивления “схватился за воротник”. О, Аллах, дожили! Брат брата не понимает! “Моя твоя не понимай!”

Вот он, плачевный результат нашей недавней “достославной” национальной политики.

Задумаешься ли Ты, золотой витязь в островерхом сакском шлеме на центральной площади страны, об этом поистине катастрофическом явлении, не видится ли Тебе в том гибельная аномалия, неужто кажется Тебе нормальным, что главы независимых родственных государств, потомки славных тюрков, собравшись в блистательном дворце на расстоянии брошенной палки от Тебя, ведут высокие переговоры на инородной речи и скрепляют своими подписями судьбоносные документы на русском языке?! И разве один лишь этот факт не свидетельствует красноречиво об утраченной былой гармонии, без которой все нынешние высокие речи о братстве, духовной близости и интеграции — пустой звук?!

К чему я клоню? К бесспорной истине о том, что народы должны объединяться, неумоимо искать общие корни родства, подчинить высший смысл человеческого бытия единению, братству, духовной солидарности наперекор всем природным и историческим катаклизмам и проискам амбициозных политиков, которые в большинстве своем исповедуют древний и циничный тезис “разделяй и властвуй”. Этой банальной истине — “объединяйтесь, миллионы!” — должны особенно следовать родственные народы. И на пути к утраченной гармонии одну из несомненных возможностей я вижу в единстве письменности — в единстве алфавита. К латинице, к которой вернулись многие тюркские народы, должны присоединиться и те, кто это еще не сделал. Ради высоких целей, ради глобальных задач будущего, ради приближения к утраченной гармонии великого тюркского эль и интеграции в ряды цивилизованных народов сделать это просто необходимо и неизбежно. Разумеется, путь этот непрост и поначалу неизбежны потери, но потери эти ведут к тем обретениям, без которых само выживание некоторых тюркских народов кажется мне весьма проблематичным. Здесь не место вдаваться в подробности технологии этого культурного процесса, но совершенно очевидны его перспективы в глобальных масштабах. Единый алфавит

даст мощный импульс для сближения родственных культур, для углубления духовных контактов, для постижения единых корней, укрепления самосознания в диалектическом единстве прошлого, настоящего и будущего, в обретении ныне заметно поблекшей славы исторического и цивилизованного народа.

И, видимо, нельзя откладывать неизбежный, как мне думается, переход к латинице на десятилетия. Без единого сближающего, унифицирующего, максимально соответствующего орфоэпии, настроенного на лексическое взаимопроникновение и взаимообогащение — алфавита, боюсь, через пятьдесят-сто лет тюркские народности в такой степени разойдутся во времени и пространстве, что окончательно станут чужаками и вовсе перестанут понимать друг друга.

VI

Стоя у подножья представителя сакского племени — пращура казахов, невозможно не думать о казахском языке — о нынешнем его положении и месте в содружестве народов в грядущем. Немыслимо даже вообразить, сколько — примерно за последние десять лет — произнесено речей об этом, со сверканием глаз, с дрожью в голосе, а то и с угрозой, сколько статей написано, сколько нервов и душевных сил изведено! Я не только свидетель бурных “языковых” баталий и страстей, сам активно участвовал в этом вихре и как давний любитель и радетель казахского языка, и как один из разработчиков законов о языках, как член разных комиссий, как публицист.

Сердце ноет, когда начнешь думать о судьбах языков. На моих глазах в тяжких конвульсиях гибнет этнос российских немцев. Причина гибели — потеря языка. Развеянный, раздробленный, обреченный на ассимиляцию, поруганный и униженный народ, лишенный школы, оторванный от своей культуры, заповеданной предками, он доживает ныне свой короткий исторический век. То, чего не мог добиться в течение двух веков царизм, запросто достигла за несколько десятилетий советская власть.

Рок, обрушившийся на быка, настигнет и теленка

Человек в свой срок умирает, языки — отмирают. Это неизбежно. Но все живое отчаянно сопротивляется тлену. Так и языки.

Вячеслав Иванов, крупный авторитет в социолингвистике, утверждает: “Из шести тысяч языков, на которых говорят на земле, в будущем веке останется всего шесть сотен: катастрофа не меньшая, чем экологическая...”

Приходилось читать и такое: через полвека-век функционировать будут на Земле главным образом языков пятнадцать-двадцать, все остальные, дескать, обречены на медленное вымирание.

От такой “перспективы” становится не по себе. Однако история языков и диалектов подтверждает эти грустные прогнозы. Да мы и сами видим и слышим, как скудеет, например, современный русский язык. Для этого достаточно читать Лескова, Бунина, Набокова, заглянуть в словарь Даля. Проснулся бы сейчас Гете, вряд ли бы он что понял в современном американизированном, англицизированном, сленгизированном немецком языке. Читая поэзию акынов XVIII-го века, мне трудно говорить о прогрессе в современном казахском языке, хотя его и насыщают сверхусердно разными неологизмами не в меру радивые благодетели-радетели.

Думаю, подобное оскудение языкового слоя в национальной культуре характерно для многих, если не для большинства.

Не осмеливаюсь делать глобальные выводы, но субъективно чудится мне, что человечество деградирует, а языки, теряя изначальную природную живость, все более примитивизируются.

На этом фоне тревога казахов за свой родной язык закономерна и актуальна. Так уж получилось, что разные “измы”, политические кампании, искусственное разжижение коренного населения, усилия рыцарей орального (от слова орать) искусства, ложные лозунги и постулаты, усердие разномастных “шолок бельсенды” и “жандайшапов”, довели за несколько десятилетий исконно богатый, полнокровный, сочный казахский язык до едва ли не лингвистического пережитка. В результате сознательных

искривлений и неосознанных перекосов казахский язык незаметно, но планомерно оттеснили на обочину цивилизации и культуры, искусственно и искусно сузили сферу его бытования, но — слава Аллаху — ныне дружно спохватились и все эти перекосы с переменным успехом, “медленным шагом, робким зигзагом” выравниваются.

Большинство казахстанцев, кажется, уяснило для себя: о казахском языке следует всемерно заботиться. И это должно быть национальной, государственной политикой. Против того, что казахскому языку конституционно придан статус государственного, ныне возражает разве что дремучий башибузук. Однако очевидно, что государственный язык обязан быть прежде всего средством общения, средством сближения, взаимодействия культур, выразителем этнической души, а не дубинкой для вытеснения “инородцев”, для проведения мнимонациональных, узко эгоистических интересов, для насаждения дискомфорта среди народностей, волей судьбы обитающих на территории Казахстана.

Какой разговор: Казахстан — стан казахов, земля казахов, атамекен, исконная обитель предков, где должен развиваться и процветать родной язык. Следовательно, за это и ратовать достойно и благородно, только ясно, что вопрос не решается одним законом, каким бы хорошим он ни был, не решается за один год или до 2000-2005 года, как предлагают иные знатоки в нашем Парламенте.

Реальная жизнь сама все по-разумному расставит по своим местам. Жизнь умнее и справедливее политиков, идеологов и встречных-поперечных горлопанов.

Разумеется, самую активную роль в сохранении, развитии и процветании казахского языка должны играть прежде всего его носители. И русские, и другие неказахские народности не могут и не должны быть тому помехой. И уж никак не являются преградой в сбережении и благоденствии казахского языка русская культура и русский язык. Трезво рассуждающий человек это прекрасно понимает.

Оттого, что русские, немцы, корейцы и т.д. будут (или не будут) свободно говорить по-казахски, думаю, самому

казахскому языку не особенно холодно или жарко. Русские дворяне когда-то блистательно говорили по-французски и даже стихи сочиняли на “франсэ”, но вряд ли от этого он стал изящнее и богаче. Кто только из “инородцев” не пишет ныне по-русски, однако, полагаю, не от них исходит главный импульс в процветании русской речи. В Германии все больше и больше турок и эфиопов пишут свои произведения на немецком языке, но представителями немецкой литературы их признают нескоро. Так и в развитии казахского языка все зависит не от Закона о языке (при нашей ментальности от парламентских законов вообще мало что зависит), не от исключительной доброжелательности или особой благосклонности тех или иных обитателей Казахстана, а прежде всего от самих казахов, от их исторической памяти, от имана, нравственного склада души, от чести и достоинства, от страстного желания сохранить себя как народ в мировой цивилизации. Опираясь на иман, на высший нравственный постулат, на этнический разум, на родовую совесть, можно достичь всего. И в первую очередь — сохранить родной язык.

VII

Гляжу я на Тебя, стройный юноша-кипчак, вознесенный потомками на высоченный пьедестал, и думается порой, что Ты самоотстранился от неисчислимых бед людских, что Ты всматриваешься в даль — прошлого или грядущего, собрался на вожденную охоту в предчувствии удачи и нет Тебе дела до настоящего, до повседневных забот и тревог страждущих у твоего подножья.

Между тем, чудится мне, в этой огромной стране, над которой Ты возвысился волей потомков, наиболее тяжкую и драматическую участь испытывают ныне казахи, которые, как сказал поэт, тысячу раз погибли и тысячу раз возрождались. Нельзя бесконечно испытывать судьбу народа. Известный и извечный гамлетовский вопрос: “Быть или не быть?” стоит ныне острее, чем в годы “Великого бедствия”, в пору сокрушительных джунгарских нашествий. Ныне испытания стали изощреннее, коварнее, искуснее, многомернее, опаснее. Боюсь, и Ты, великий

прашур тюрков, при всем твоём историческом опыте не все в состоянии провидеть и уразуметь. Растерянный народ на крутом повороте зыбких и мнимых реформ уповает не на властолюбцев-сластолюбцев, рыцарей хапужных инстинктов, случайных политических побрякушек, а на твой объединительный и созидательный дух, великий прашур.

Трагичность положения казахов выражается еще и в том, что по самым грубым подсчетам 4,5 млн. соотечественников обитает ныне за пределами своей страны. Иначе говоря, каждый третий этнический казах, не найдя себе места на необъятных просторах своего исторического атамекена, под голубым шанраком своей родины, испытывает судьбу и счастье “за бугром” уже много десятилетий — в Китае, Турции, Пакистане, Монголии, Афганистане, Индии, Иране, в Европе и Америке — всего в 44 странах мира. Цифры эти поражают, потрясают, угнетают душу. Не всем дано сердцем понять весь трагизм такой судьбы. Российским немцам это понятно: им уготована Всевышним схожая судьба.

Иногда приходится слышать: ну и что ж... живут себе казахи за рубежом не хуже наших — и язык, мол, сохранили, и нравы, и обычаи, склад души, манеры. Увы, не все так. Живя десятилетиями в других странах, казахи, как и все национальные меньшинства, подвергаются неизбежной ассимиляции, аккультурации, понемногу растрачивают себя, размываются, теряя национальное своеобразие. Разительные примеры об этом болезненном процессе мы находим в основательном труде шведских ученых Линды Бенсон и Ингвара Сванберга “Казахская диаспора” (проблемы этнического выживания), выпущенная в этом году на средства Фонда Сороса издательством “Атамура”. Это наиболее обстоятельный, с любовью и сочувствием созданный труд в зарубежной диаспорологии о казахах.

Проблема миграции населения (эмиграция и иммиграция) — наиболее острая и тревожная в Казахстане. Власть предрежающие об этом неохотно говорят, отмахиваются от этой проблемы, как от назойливой мухи, или делают вид, что процесс этот естественный, закономерный, имеет

место и в других странах, а потому, мол, оснований для особых тревог нет. Статистики также всячески изощряются, вычерчивая динамику внешней и внутренней миграции, по дальнему и ближнему зарубежью, подсчитывая проценты выбывших и прибывших, демографы тоже, не покладая рук, манипулируют цифрами, прогнозируя рождаемость разных этносов и строя радужные прожекты, утешая “своих” и пугая “чужих”, но факт остается фактом, из Казахстана уезжают не только немцы, евреи, греки, но и русские, и казахи, и многие другие, и отрицательное сальдо по всем параметрам миграции уже не скроешь, так как в 1991 — 1995 годах это самое сальдо превысило 1 миллион человек.

Нельзя сказать, что тревожные миграционные процессы тотально замалчиваются. Никак нет! И писатели вызывают к казахстанскому патриотизму, и публицисты бьют в колокола, выявляя причины этого грустного явления, и в Парламенте горячо обсуждают проекты Закона “О миграции населения”, и в Национальном Совете по государственной политике при Президенте Республики Казахстан пытаются всесторонне вникнуть в суть проблемы и определить пути ее решения.

Бесспорно одно: пустить этот щепетильный процесс на самотек, самоутешаясь и самообманываясь невозможно. Ясно также, что огромные территории Казахстана в наш перенаселенный век долго пустовать не будут, несмотря на экологические бедствия, постоянный спад производства, рост безработицы и преступности, идеологические благоглупости и ложные выпады крикунов-радикалов. Свято место пусто не бывает. Уедут немцы, русские, евреи, хлынут китайцы, вьетнамцы, таджикские цыгане, разномастные шуршуты и очень быстро “размоют” общество, ставя под вопрос и суверенитет, и независимость, и самостоятельность, и национальное будущее, и прочие милые соблазны. В любом цивилизованном государстве миграционный процесс берется под строгий контроль, ограничивается определенными рамками, управляется четким законодательством, сдерживается квотой. То, что делается ныне в Казахстане по этой части,

явно недостаточно, далеко не все тщательно продумано и регламентировано. Уже то, что разработка проекта “Закона о миграции населения” передана в руки малоомощного министерства, которое, как мы убедились, не в состоянии управиться с основными своими функциями, очень настораживает. Неслучайно проект вышеназванного закона при обсуждении на Национальном Совете по госполитике был единодушно признан засушенным, малокровным, анемичным, обтекаемым и, наоборот, в альтернативном проекте мажилисмента Акима Искака были замечены живая боль, кровная заинтересованность и кардинальная постановка вопросов. Заниматься столь архиважным делом, как миграция, с полной отдачей сил и пользой должен специальный орган при Президенте, а не какое-либо министерство или худосочный департамент или отдел.

4,5 миллиона казахов, имея свой исторический атамекен, слагая о нем прекрасные, как заветная мечта, песни, по-прежнему проживают за рубежом. Далеко не все преуспевают. Иные и не спешат возвращаться на историческую родину. Одни не могут, другие не осмеливаются, ибо знают, что богатый Казахстан пока что беден и не в состоянии заботиться о всех своих соплеменниках. Но проблема эта стоит и вечно стоять не может. Национальная рана кровоточит. И без мощной диаспоры зарубежных казахов край казахский неполон, неполноценен, недостаточно самостоятелен. Призывать соплеменников в лоно родного отечества и романтично, и патриотично, и исторически разумно, и демографически оправданно, но осуществить эту благородную идею крайне сложно — и материально, и психологически, в чем мы убеждаемся на примере цивилизованной, благоденствующей Германии, куда в последние годы хлынули потоки этнических немцев из стран Европы и СНГ.

Часто слышу я надрывно-печальную песню казахской диаспоры за рубежом — “Қайт, қазақ, еліңе!” (“Возвращайся, казах, в край родной!”). Песня эта родилась недавно и поразительно перекликается с “Елим-ай!”, возникшей два столетия тому назад после сокру-

шительного поражения казахов от джунгар. И эти скорбные мотивы будут, думаю, звучать в душе каждого казаха, в каком бы уголке земного шара он не жил, до тех пор, пока не осуществится заветная мечта народа о свободе и единстве.

Слышишь ли ты, славный предок тюрок на крылатом барсе, эту затаенную скорбь и вечный призыв, исторгающийся из груди твоих неутешных потомков?!..

VIII

Эй, стройный, ладно скроенный жигит в островерхом шлеме, пришелец из сакских времен, олицетворение свободы и независимости юной страны, к Тебе я взываю.

Тебе, полагаю, в твоей выси должно быть одиноко, а одиночество, как известно, украшает одного Бога. Ты же не Бог — дух человеческий, прекрасный и возвышенный, сотворенный памятью людской — дух великого тюркского эль...

Надеюсь, водружен Ты сюда не ради декоративного украшения главной площади страны, не для заполнения пустоты пространства. Тебе ведь ведомо, какие неисчислимые жертвы принесены тысячью поколений во имя твоей славы и величия, во имя твоего животворящего духа, укротившего крылатого барса. Не пристало Тебе равнодушно торчать в вышине, точно слепоглухонемому истукану, тупо взирающему денно и нощно на вершины гор и проплывающие над твоей дульгой тучи, лишенные ясной и четкой перспективы.

Тебе надобно осознать: в том, что Тебя сюда водрузили, заключен великий потаенный смысл. Ты — символ. Аруах. Воплощение духа предков. В Тебе сконцентрированы ум, воля, память, дерзость, честь и достоинство, мечты и чаяния священных предков — бесстрашных сынов вольной степи, и потому с Тебя и спрос велик. Неслучайно у Твоего подножья толпится народ от восхода солнца до заката; неслучайно сюда стекаются люди разных племен отовсюду в дни бедствий и торжеств; неслучайно власть предрежащие и у нас в стране, и в других державах-государствах идут к Тебе

на поклон, возлагают венки и склоняют головы; неслучайно над Твоим островерхим шлемом расцветаются яркие огни праздничных салютов и громяхают раскатистые оружейные залпы...

Ответь, славный тюркский предок, отчего и чем ныне так встревожены и опечалены Твои потомки? Какие думы гложат их сердца? И куда сам-то путь держишь? На какие великие деяния вдохновляешь своих единокровников? Какие ценности кочевых племен Ты утверждаешь? Ясны ли Твои ориентиры в туманных далях? Какие испытания еще ждут многострадальный народ Твой? Провидишь ли Ты ренессанс новой эпохи? Сколько лет еще намерен Ты вести соплеменников своих в неведении и растерянности по бескрайним просторам некогда великой Степи? Может, Ты конституируешь новое время евразийства или Ты о том и понятия не имеешь? Видно ли Тебе с твоей вышины, что потомки на распутии бытия и духа? Слышишь ли Ты на вершине своего пьедестала ропот и рокот разноплеменной толпы? Кто толпится у подножья твоего — народ или прохожие переходного периода? Вольные граждане или хилые цветы, выросшие на неунавоженной культурой предков бесплодной почве? Символизируя свободу, чувствуешь ли Ты себя подлинно свободным и самостоятельным? Улавливаешь ли гул грядущих эпох? Под силу ли Тебе сберечь целостность страны и живую душу своего народа? Из века в век взывая к терпению, чувствуешь ли Ты, что терпение твоих потомков на исходе? Ведь запредельное терпение, как Ты знаешь, ведет к неизбежному перерождению самого народа, к деградации его нравственного обличья, к неотвратимым, невосстановимым потерям духа...

Ответь, блистательный воин-охотник!

Ответь, великий пращур тюркского эль!

Молчишь?!

О, неужто нет у Тебя ответа?!

В тягостном молчании Ты говоришь: “Ложь убивает духовность. Когда в обществе есть ложь — оно задыхается”.

Воистину так!

Ты говоришь: “Уступка злу умножает горе”.

Бесспорно!

Ты говоришь: “Слово *тюрк* значит крепкий, мощный, выносливый, а *казахи* означает — неподчиненные никому люди”.

Знаю!

Ты утверждаешь: патриотизм, насаждаемый с помощью мифов, — ложен, уродлив.

Несомненно!

Ты учишь: истину следует черпать из неотравленных источников.

Верно!

Ты повторяешь фразу Аттилы, дошедшую из глубины веков: “Идущего к победе не достигают стрелы”.

И это правда!

Ты уверяешь: мне знаком пьянящий запах степных трав.

Это вселяет надежду!

Ты безмолвно шепчешь: наши заблуждения затянулись.

Очевидно!

Ты озабочен: многие из твоих далеких потомков стали ленивы, вялы, квелы, трусливы, мелочны, малодушны, а иные и вовсе пьянчужками, взяточниками, мздоимцами, лиходеями и сутенерами.

Увы, и это есть...

Ты предупреждаешь: “Но нельзя ведь все время смотреть в прошлое”.

Точно так выразился и наш Президент в Москве на закрытом заседании глав государств СНГ (28.03.97.).

Да, нельзя! Ибо это неперспективно. Тупик.

И еще Ты постоянно, неустанно наставляешь: без согласия нет созидания.

Все мы в том убедились.

Все это бесспорная правда. И мы благодарны Тебе за то, что внушаешь нам эти великие истины.

Но я хотел бы услышать ответ на мои вопросы-терзания.

Дай ответ, великий пращур тюрков!

Нет ответа...

IX

Разум ищет правды. Разум взыскует истину.

Мы, суетливые существа, привыкшие жить мгновениями, не в силах понять молчание таинственного пришельца из славного племени саков.

Я долго, до головокружения, гляжу на него, застывшего, точно загипнотизированного прошлым, в напряжении на крылатом барсе.

Снежные вершины Алатау плавают в золотистых лучах южного солнца. Легкие перистые облака неприкаянно проплывают над островерхим шлемом молодого охотника. Мимо Монумента ошалело несутся взад-вперед спесивые иномарки. Им нет дела до одинокого пращура тюрков. И ему нет дела до этих прытких жучков, мелькающих у его подножья.

Если долго вглядываться в охотника на крылатом барсе, то чудится, будто вся скульптура понемногу оживает. Крылатый барс, наливаясь упругой силой, кажется, готовится к прыжку-полету через импозантные каменные дворцы перед ним. И охотник словно вот-вот подкинет к голубым небесам истомившегося беркута и тоже устремится вдаль — из тисков каменного града в вольную, бескрайнюю ширь степей.

Он, пришелец из туманных исторических далей, воплощает не только память предков и потомков, не только рацио, но и вмещает в себя и трансцендентальное, иррациональное, интуитивное начало, то, что свойственно чувственному Востоку. Именно этим своим качеством он мне близок и дорог.

Он, точно сверхчувствительный радар, слышит то, что других минует.

Может, его ныне утомили все эти общественные потрясения и людские беды-горести? Может, он чувствует, что разноплеменный люд вконец устал от демонстраций и митингов, от политической чехарды, от перестроек и реформ, от оглушительного пустозвонства, от вселенского развала и дикой, гнусной коррупции, от всех бесчисленных пакостей, чему он был многовековым свидетелем.

Может, потому он и молчит, что в самом деле онемел в тысячелетних колебаниях от боли, потрясений, неверия и готов сорваться на волю в поисках нравственного ориентира, высоких целей, утраченной гармонии бытия и духа?..

1997, май

ИСПОЛИНЫ ДУХА

ГЕТЕ-ПУШКИН-АБАЙ

В дни душевного разброда, суетумудрия и уныния для нас, пребывающих из-за вселенского разлада в растерянности и шоке, едва ли не единственной отрадой, утешением и верой, надежными вешками в пустыне захлестывающей нас тотальной бездуховности остаются титаны человеческого Духа — Гете, Пушкин, Абай.

По воле Судьбы-насмешницы разбрелись мы, неразумные божьи создания, по независимым, как возмнилось, нишам-квартиркам, кукуем, кудахчем, верещим каждый на свой салтык в национальных закутках, и уже затхлостью и застоєм отдает в нашем суверенно-изолированном раю, и только вольный Дух этих великих мужей, как вольный степной ветер, вдохновляет и воодушевляет иногда наши черствеющие души.

Уходят целые пласты времен, сменяются поколения, на карте мира появляются новые границы, исчезают государства, рушатся империи, но

неподвластные бесконечным общественным, социальным и политическим катаклизмам, гордо и победно манят человечество земные избранники Гете, Пушкин, Абай, как неистребимо-желанные Свобода, Любовь, Жизнь.

И в этом залог нашего спасения.

И сознавая это — все равно, разумом или инстинктивно, — благодарное человечество всеместно отмечает славные даты их рождения — двухсотпятидесятилетие, двухсотлетие, стопятидесятилетие. Это означает, что шесть-восемь-десять поколений живут на земле, внимая

животворящей и мудрой гетевской, пушкинской, абаевской поэзии, и звук их речей услаждает слух и облагораживает сердца и души их далеких потомков от колыбели до рокового часа, и поныне поддерживая в нас пламя любви и добра — нетленный источник вечного и прекрасного в жизни.

Каждый из них — целый мир, который человечество тшится открыть, познать и освоить. И мир каждого из них самодостаточен. И каждый из них это прекрасно знал, создавал и без ложной скромности о том посчитал нужным оповещать мир. И вслед за Горацием, древнеримским поэтом, еще до новой эры обратившимся к Мельпомене, одной из девяти муз, с гордыми словами “*Exegi Monumentum*” — “Я памятник воздвиг”, один из них, Иоганн Вольфганг фон Гете, написал “*Vermächtnis*” (“Завет”), утверждая:

“Кто жил, в ничто не обратится!

Повсюду вечность шевелится,

Причастный бытию блажен!

Оно извечно...”

то есть, видя высший смысл бытия в слиянии с мировой душой, с вечностью; а второй, Александр Пушкин, не сомневался в том, что к его нерукотворному памятнику не зарастет народная тропа, что весь он не умрет, а будет “славен, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит”; третий же, Кунанбая сын Абай, призывал потомка постигнуть его суть — “*Жүрегімнің түбіне терең бойла...*” — “В глубины сердца моего проникни глубоко”.

И что поразительно, каждый из них, будучи национальным гением, носителем и выразителем национального языка, духа, идеи и менталитета, смог вырваться из сугубо национальных тенет и воспарить над сферой всечеловеческих идеалов и ценностей. И именно в этом заключается, на мой взгляд, феномен этих поистине избранных Земли.

Я думаю, “колоссально великому немцу” (Фридрих Энгельс) Гете было в этом смысле, может быть, проще и легче: на мощь его универсального таланта работали несколько поколений немцев и вся европейская культура, эпохи Классицизма, Просвещения и Ренессанса, которые

и “вывели” его на орбиту мировой цивилизации, толкнули его в объятия “Weltliteratur”. Труднее было, вероятно, степняку Абаю, физически ограниченному пространством Чингисских гор, но за ним, Абаем, стояли гены неординарных, славных предков, могучий, живописный материнский язык и своеобразная культура номадов, яркий, страстный, чувственный и всегда загадочный Восток, которые в конце концов позволили таланту-самородку, человеку-загадке, вырваться из патриархальных пут и выйти на звездную тропу мирового Духа. Но достичь этих наднациональных высот труднее и сложнее всего было, пожалуй, Александру Пушкину, человеку причудливо смешанных кровей, глубоко русскому по отцовской родословной, полуэфиопу, полунемцу по материнской линии, французу по изначальному воспитанию, но тем не менее вопреки, а может, благодаря этому всеохватно сумевшему выразить уникальное явление, называемое загадочным русским духом.

Меня лично это всегда поражает, как и то, что так называемый русский дух в идеале, в высоком, чистом смысле отнюдь не сугубо, не узко национальное, а нечто всеобъемлющее, всечеловеческое. Не этим ли объясняется властная тяга к великодушной и благотворящей ауре подлинно русской культуры и не в этом ли заключается неотразимая, колдовская магия пушкинского гения? И вообще не это ли именно свойство названных мною титанов делает их близкими и родными всем сущим языкам планеты?

Теперь, когда человечество, перенасыщенное и отравленное злом, зависло, как чудится, над гибельной пропастью, его великие сыны — Гете, Пушкин, Абай — всей своей жизнеутверждающей сутью, гуманистической доминантой, устремленностью к вечности ограничивают, обуздывают Зло в наших душах, и эта их сущность и является тем самым основополагающим “этическим императивом”, о чем писал философ Иммануил Кант.

Хочется верить, что у этих горных вершин спасительного Духа и Культуры — Гете, Пушкина, Абая — нет или, точнее, не может, не должно быть врагов, и на огромном пространстве земного шара эти светлые имена, наряду с

другими конгениальными светочами цивилизации, и являются теми рассеивающими мрак мощными притягательными лучами, которые еще в состоянии объединять растерявшиеся народы.

Впрочем, один враг у Гете, Пушкина, Абая есть и всегда будет: это невежество и национальное самодовольство, спесь, чванство, что почти одно и то же.

Гете-Пушкин-Абай — вечная категория, бессмертная сущность человека.

Как Свобода. Как Любовь. Как Жизнь.

* * *

Казахское слово “тек” — из разряда высоких понятий. Означает оно “происхождение”, “родовитость”, “родовые корни”, “нравственные истоки”, “благородство”. “Тексіз адам” — “человек без тека”, “без достойных корней” имеет в казахском языке презрительный, уничижительный оттенок — все равно, что “Иван, не помнящий родства”.

Пушкин не желал быть безродным. Он упорно доискивался до своих корней, гордился своим древним дворянским происхождением, над чем, случалось, близкие друзья подсмеивались и подтрунивали.

Но Пушкин понимал: гении на бесплодном такыре не рождаются. Понимал это и тайный советник, министр фон Гете, сын имперского советника города Франкфурта Иоганна Каспара Гете, внук Иоганна Вольфганга Текстора, шультгейса (главного юриста) Франкфурта и тем самым главы города-республики, официально считавшегося наместником императора. Уместно напомнить, что предком Гете в десятом колене был замечательный художник XVI века Лукас Кранах Старший (1472-1553), а в каком-то колене, как недавно выяснилось, стыкуются предки Гете и Гегеля, о чем они сами и не ведали.

Вот на каких генах взращен Гете!

О происхождении своем знал и помнил, естественно, и Абай — сын, внук, правнук, потомок сплошь предводителей народа, батыров и влиятельных биев.

Пушкин гордился не только древними русскими корнями, но и тем, что его прадед по матери был арап Петра

Великого Абрам (Ибрагим) Ганнибал — сын абиссинского князя (“салтана”). Однако о прабабушке — Христине Регине, дочери бравого капитана фон Шеберга, — в своей неоконченной повести поведать не успел. Известно, что генерал Абрам Ганнибал и Христина Регина прожили в браке 45 лет и умерли в один год — в 1781 году. Одного из их сыновей звали Януарий Иосиф или просто Осип — человек ветреный, беззаботный, буйного нрава. Его дочь — Надежда Осиповна — мать великого русского поэта.

Никто не скажет, в какой мере это диковинное сочетание разнородных генов отразилось на становление редчайшего явления по имени Пушкин, но сбрасывать со счетов этот факт биографии, думаю, не стоит. И, разумеется, для меня, этнически поволжского немца, лично Пушкин дорог не потому, что одна из его прабабушек была немкой, однако и пройти мимо этого — может, незначительного — факта не могу, ибо меня всегда занимал и занимает феномен национального, инонационального, интернационального и наднационального в творческом преломлении и проявлении. Из ничего ничего не бывает. Не бывает и ничего случайного. Во всем присутствует своя строгая закономерность. И тайна гения объясняется не только востребованностью обстоятельств и всевластного времени, не только воспитанием и средой, но и причудливым сплетением генов, взрывом родовой или многородовой энергии в одной конкретной личности.

Есть, полагаю, какая-то закономерность и внутренняя духовная связь в том, что на склоне лет обремененный мировой славой Гете вдруг воспылал любовью и страстью к поэзии Востока, в результате чего родился уникальный и во многом загадочный “Западно-Восточный диван”, а зрелый Абай испытал вдруг властную тягу к Западу, заявив, что отныне Восток для него обернулся Западом, ну, а Пушкин, как истинный евроазиат, одинаково интересовался духовной субстанцией обоих материков, прибегая в своем творчестве как к западным, так и восточным мотивам.

В том, что Гете, Пушкин, Абай стали исполинами Духа, взломав национальную скорлупу и достигнув всечеловеческой значимости, явственно доказывая родство

поэтических душ, сыграл очевидную роль их “ТЕК” — родовые корни, благородство, нравственные истоки. Иван, не помнящий родства, и гений — поистине понятия несовместные.

* * *

Велик литературоведческий соблазн максимально сблизить германского и русского поэтических гениев, выставляя духовной предтечей первого и выявляя степень его творческого влияния на второго.

Такие попытки были.

Но надо признать: это как раз то, что немцы называют — “an den Haaren herbeziehen” — насильно притягивать за волосы.

Гете это не нужно. Пушкин в том не нуждается.

Томас Манн назвал Пушкина — Гете Востока. Мы иногда говорим: Абай — казахский Пушкин.

Всякое сравнение хромает. Метафоры придумываются для облегчения нашего ограниченного восприятия.

Ясно, что Пушкин не Гете, а Абай — не Пушкин. Я уже сказал, что каждый из них автономен и самодостаточен. Другое дело, что в высоких сферах Духа — они братья.

Да, Пушкин имел представление о Гете и говорил о нем в статьях и письмах своих всегда уважительно. Не однажды делал ссылки на “Фауста”, “Геца фон Берлихингена”, “Вертера”. Говорил: “великий Гёте”, “наш германский патриарх”. Говорил: “...предпочитаю Гёте и Шекспира”. Писал: “Фауст есть величайшее создание поэтического духа”. Создал Сцены из “Фауста”, по-своему транспонируя легенду.

Но о прямом влиянии Гете на Пушкина говорить некорректно. Академик В.М.Жирмунский утверждает, что немецкая поэтическая стихия была чужда Пушкину. В отличии, скажем, от Лермонтова он и немецким языком владел слабо. И вообще, можно сказать, не ориентировался на немецкую литературу. Особенно в молодые годы он тяготел духовно к французскому Просвещению и к бунтарскому Байрону. Знатоки-пушкинисты приводят

строки из черновых набросков “Евгения Онегина”: “Он знал немецкую словесность по книжкам госпожи де Сталь” и усматривают в них автобиографическую самооценку.

Имя Пушкина было Гете известно. О нем “веймарскому олимпийцу” рассказывали наверняка и В.А.Жуковский, и В.К.Кюхельбекер, может, и еще кое-кто из русских путешественников. В пушкинское время Гете был очень популярен в России, и его много и многие переводили на русский язык.

Знал Гете и о “Сценах из Фауста” Пушкина, и существует легенда, что взволнованный и благодарный Гете передал — то ли через Жуковского, то ли через другого русского посетителя — свое перо в дар русскому поэтическому собрату. В иных воспоминаниях упоминается красивый футляр с пером с надписью “Подарок Гете”. Уверяют, что видели в кабинете Пушкина. Может, это и не легенда вовсе. Если факт, то красивый и символический.

А вот еще один любопытный факт, характеризующий многогранность интересов Гете. Известно, что в России предполагалось открыть “Азиатскую академию”, и с этим проектом в 1811 году товарищ министра народного просвещения России С.С.Уваров обратился и к Гете. И тот заинтересовался этим проектом. А в 1826 году Гете был избран в почетные члены Российской Академии наук.

Не о влиянии Гете на Пушкина следует говорить, а о созвучии духа, поэтическом родстве, сходстве мироощущения двух гениев двух народов.

Это корректно и плодотворно.

* * *

В эпосе “Путь Абая” Мухтара Ауэзова читаем: “Пушкин и Лермонтов... Оба они прошли свой жизненный путь вдаль от степей, где жили его деды, и кончили жизнь в неведомых даях, чуждые и неизвестные казахам. Но за эту зиму оба стали так близки Абаю... Явились из другого мира, изъяснились на другом языке, а отнеслись к нему приветливо, как родные. Двойники его в огорчениях и грусти, они, разгадав его душу, как бы говорили ему: “И ты своими мыслями подобен нам!”

В зрелом возрасте Абай почувствовал неизбывную тягу к творчеству Пушкина. Можно себе представить, как внимательно, вдумчиво он вчитывался в роман “Евгений Онегин”, с одной стороны, изучая по нему русское общество, русскую жизнь, язык, душу, культуру народа, который его, степняка, властно манил, с другой, тщательно выбирая из “энциклопедии русской жизни” такие фрагменты и мотивы, которые в переложении на казахский язык были бы доступны, понятны и действенны в эстетическом, воспитательном смысле для казахской среды конца XIX века. Преследуя эти цели, Абай весьма творчески своеобразно — то точно, то вольно, то следуя оригиналу, то позволяя себе некоторые отклонения, оправданные восприятием степняка, — перевел, переложил, воспроизводил, воссоздал семь отрывков из “Евгения Онегина”, из которых такие, как “Письмо Татьяны Онегину” (“Амал жоқ, — қайттым білдірмей...”) и “Песня Татьяны” (“Тәңірі қосқан жар едің, сен...”), положенные к тому же Абаем на музыку, стали шедевром казахского поэтического искусства и мгновенно распространились по всей степи, как кровно близкое, национальное творение.

Широко популярна среди казахского народа уже более ста лет и “Ночная песнь странника (“Wanderer’s Nachtlied!”) Гете, которую Абай блистательно перевел через Лермонтова (“Торные вершины”) и положил на музыку. Этот напев — “Қаранғы түнде тау қалғып...” — также стал уникальным явлением в культурной жизни казахов. Об этом мною написан очерк-эссе “Созвучие. Үндестік. Gleichklang”, изданный отдельной красочной книжкой.

Параллели поэтических мотивов Гете и Абая, их духовное созвучие, перекличка через века и расстояния тем и мыслей в их творчестве, великое животворительное братство великих личностей стали объектом посильных исследований в моих книгах “Гете и Абай”, “Земные избранники”.

Все, что только способствует взаимопониманию, сближению, объединению людей и народов, властно влекло к себе и Гете, и Пушкина, и Абая, и именно в этом заключается их непреходящая значимость и именно эта

твердыня их бессмертного духа восхищает и манит уже столько веков человечество.

Любимая мысль Томаса Манна: “Любые творческие силы должны служить высокой цели гуманизма, поискам истинной человечности жизни, достойной Человека”.

В служении этой цели Гете, Пушкин, Абай величественно созвучны.

* * *

Неостановим, стремителен бег Времени. Гете прозорливо увидел:

“Запад, Норд и Юг в крушеньи,
троны, царства в разрушении”

и убеждал:

“В ничто прошедшее не канет,
Грядущее досрочно манит,
И вечностью заполнен миг”.
Пушкин неколебимо верил:

“Нет, весь я не умру.
Душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит...”

Абай уверял:

“Мир — океан, время — веяние ветра, ранние волны — старшие братья, поздние волны — младшие братья. Поколения сменяются чредой...”

Да, поколения сменяются чредой. Но остаются Гете, Пушкин, Абай как вечные духовные наставники и нравственные ориентиры человечества в взбаламученном, бушующем океане бытия.

1999, апрель

СОДЕРЖАНИЕ

А. НУРПЕИСОВ. ЧЕРЕЗ ВЕКА И РАССТОЯНИЯ	5
ГЕТЕ И АБАЙ. Очерк-эссе.....	11
СОЗВУЧИЕ. Эссе	105
КАЗАХСКОЕ СЛОВО.....	132
ЭССЕ	218
В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОЙ ГАРМОНИИ	
РАЗМЫШЛЕНИЯ У МОНУМЕНТА НЕЗАВИСИМОСТИ	238
ИСПОЛИНЫ ДУХА	
ПУШКИН-ГЕТЕ-АБАЙ	268

Герольд Бельгер
ГАРМОНИЯ ДУХА

Ответственный за выпуск *Г. В. Кулагина*
Художественный редактор *Ш. М. Байкенова*
Корректор *Г. Бельгер*

Подписано в печать с оригинал-макета 04.08.03.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 12,62.
Тираж 3000 экз. С-17.
Заказ № 3344.

ФГУП Издательство "Русская книга"
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38.

Отпечатано на ФГУП Издательство "Известия"
127994, Москва, Пушкинская пл., 5.

**Издательство «Русская книга»
продолжает выпуск многотомного
Собрания сочинений**

ЗИНАИДЫ ГИППИУС –

**классика русского символизма,
выдающегося поэта, критика,
публициста, драматурга Серебряного века
и русского зарубежья.**

Впервые современному читателю представлено все многообразие творческого наследия Гиппиус: 5 романов, 6 книг рассказов и повестей, 6 сборников стихотворений. Отдельный том займет литературно-критическая публицистика Антона Крайнего (псевдоним Гиппиус-критика). В собрание войдут три мемуарных тома «Живые лица» – дневники Гиппиус, ее воспоминания и письма, а также документы и свидетельства современников о ней самой. Большинство из этих материалов публикуются в России впервые.

Уже вышли 8 томов:

I — «Новые люди»

II — «Сумерки духа»

III — «Алый меч»

IV — «Лунные муравьи»

V — «Чертова кукла»

VI — «Живые лица»

VII — «Мы и они»

VIII — «Дневники. 1893—1919»

*По вопросам приобретения книг издательства
обращайтесь по адресу:*

107996, Москва, Новая Басманная, 19.

Издательство «Русская книга».

Телефоны: (095) 261-83-00 факс,

265-01-34, 261-88-65 (доб. 113), 261-88-63 (доб. 113).

**Издательство «РУССКАЯ КНИГА»
завершило выпуск Собрания сочинений**

АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

в 10 томах

В него вошло почти все созданное этим классиком Серебряного века и русского зарубежья, изобретательным речетворцем и блистательным стилистом, ярчайшим продолжателем традиций Гоголя, Лескова и Достоевского. О нем с восторгом отзывались Блок, Волошин, Белый. Иван Ильин из десятков крупных писательских имен выделил четырех, по его мнению, выдающихся ясновидцев и художников: Бунина, Ремизова, Шмелева, Зайцева. В их творчестве глубоко и ярко отразились главные особенности развития русской литературы XX века.

Собрание сочинений включает многие доселе неизвестные произведения писателя, открывает русскому читателю многоцветную поэтическую прозу, которая удивительно современна и близка людям, шагнувшим в новое тысячелетие.

«Пруд»

«Докука и балагурье»

«Оказион»

«Плачужная канава»

«Взвихренная Русь»

«Лимонарь»

«Подстриженными глазами. Иверень»

«Учитель музыки»

«Ахру»

«Петербургский буерак»

*По вопросам приобретения книг издательства
обращайтесь по адресу:*

107996, Москва, Новая Басманная, 19.

Издательство «Русская книга».

Телефоны: (095) 261-83-00 факс,

265-01-34, 261-88-65 (доб. 113), 261-88-63 (доб. 113).

**Издательство «РУССКАЯ КНИГА»
завершило выпуск первого в мире
10-томного (в 12 книгах) Собрания
сочинений выдающегося русского философа
И. А. ИЛЬИНА.**

В него вошли не только философские труды, но и философско-художественные произведения, работы, относящиеся к философии права и государства, нравственной философии, философии искусства и литературной критике, статьи по истории и культуре России, публицистика, лекции, выступления.

Учитывая огромное количество полученных в процессе работы нигде не опубликованных архивных материалов и то, что часть основополагающих трудов философа не вошла в Собрание сочинений,

издательство приняло решение о выпуске дополнительных томов. В настоящее время их издано уже 13.

Вышли в свет две книги уникальных материалов из отечественных и зарубежных архивов, в которых представлено эпистолярное наследие Ильина, его воспоминания, дневники, документы; трехтомник *«Переписка двух Иванов»* — И. Ильина и И. Шмелева за 1927—1950 годы. Опубликовано фундаментальное исследование в 2-х томах *«Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека»*; не известные в России работы о политике, экономике и культуре в коммунистическом государстве; книга *«Мир перед пропастью»* (в 2-х книгах); публицистические статьи из русских и зарубежных журналов, уникальное исследование по философии религии *«Аксиомы религиозного опыта»* (в 2-х томах).

В качестве приложения к Собранию сочинений издан фотоальбом *«Иван Ильин и Россия. Неопубликованные фотографии и архивные материалы»*.

По вопросам приобретения книг издательства обращайтесь по адресу:

107996, Москва, Новая Басманная, 19.

Издательство «Русская книга».

Телефоны: (095) 261-83-00 (факс)

265-01-34, 261-88-65 (доб. 113), 261-88-63 (доб. 113).

**Издательство «РУССКАЯ КНИГА»
приступило к выпуску Собрания сочинений**

ЕВГЕНИЯ ЗАМЯТИНА

в 5 томах

Здесь впервые собраны известные и
изданные только за рубежом
повести, рассказы,
роман-антиутопия «Мы», пьесы,
киносценарии, сатирические произведения,
сказки, публицистика, лекции, воспоминания,
биографические очерки,
полностью «Записные книжки».

С выпуском настоящего издания
и рядовые читатели, и специалисты
получат наиболее полное представление
о ярчайшем, самобытном писателе – классике
русской литературы XX столетия.

Уже вышли:

том I – «Уездное»

том II – «Русь».

*По вопросам приобретения книг
обращайтесь по адресу:*

107996, Москва, Новая Басманная, 19.

Издательство «Русская книга».

Телефоны: (095) 261-83-00 (факс)

265-01-34, 261-88-65 (доб. 113), 261-88-63 (доб. 113).

В издательстве «Русская книга»

к 100-летию со дня рождения известного
мастера русской прозы

В. А. КАВЕРИНА

(1902-1989)

издан двухтомник его мемуаров,

в который вошли

«Освещенные окна» и «Эпилог».

*

Вышли письма и дневники
ЛЮДМИЛЫ ТАТЬЯНИЧЕВОЙ

«Мне бы только успеть...».

Ранее в этой же серии изданы книги:

О. БЕРГГОЛЬЦ

«Встреча. Дневные звезды»

А. ТВАРДОВСКОГО

«Я забыть того не вправе...».

По вопросам приобретения книг издательства
обращайтесь по адресу:

107996, Москва, Новая Басманная ул., 19.

Издательство «Русская книга».

Телефоны: (095) 261-83-00 (факс)

265-01-34, 261-88-65 (доб. 113), 261-88-63 (доб. 113).

Издательство "Русская книга"
продолжает выпуск серии
"ПОЭТИЧЕСКАЯ РОССИЯ"

Изданы сборники стихотворений и поэм

Николая Рубцова
Николая Заболоцкого
Николая Клюева
Вероники Тушиновой
Юлии Друниной
Роберта Рождественского
Эдуарда Асадова
Ольги Берггольц
Александра Твардовского
Ярослава Смелякова
Алексея Фатьянова
Давида Самойлова
Николая Доризо
Юнны Мориц
Владимира Соколова
Леонида Мартынова
Марии Петровых
Николая Тряпкина
Юрия Левитанского
Бориса Слуцкого
Олега Хлебникова
Александра Яшина

По вопросам приобретения книг издательства
обращайтесь по адресу:

107996, Москва, Новая Басманная, 19.

Издательство «Русская книга».

Телефоны: (095) 261-83-00 (факс)

265-01-34, 261-88-65 (доб. 113), 261-88-63 (доб. 113).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКАЯ КНИГА»

в рамках «Библиотеки для детей и юношества»
начинает выпуск серии

«Великие русские путешественники»,

рассчитанной на самый широкий круг читателей. Предполагается, что выходящие в ней книги в первую очередь будут хорошим подспорьем в изучении географии. Сослужат они также добрую службу и всем тем, кто, вне зависимости от возраста и профессии, интересуется историей русских географических открытий, русских приоритетов в изучении и освоении новых земель и хочет познакомиться с биографиями, дневниками и мемуарами известных русских ученых, путешественников, флотоводцев, делами своими прославивших Россию.

В 2003 году выходят книги:

Н. Н. Миклухо–Маклай

В. А. Обручев

Г. И. Невельской

Ю. Ф. Лисянский

Ф. П. Литке

По вопросам приобретения книг издательства
обращайтесь по адресу:

107996, Москва, Новая Басманная, 19.

Издательство «Русская книга».

Телефоны: (095) 261-83-00 (факс)

265-01-34, 261-88-65 (доб. 113), 261-88-63 (доб. 113).

**Издательство «Русская книга»
продолжает выпуск
«БИБЛИОТЕКИ
РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА».**

**В последнее время вышли в свет
«Обрядовая поэзия» (в 3-х книгах),
«Исторические песни»,
«Баллады»,
«Детский фольклор».**

Готовятся к печати тома

**«Духовные стихи»
и
«Городские песни».**

По вопросам приобретения книг издательства
обращайтесь по адресу:

107996, Москва, Новая Басманная, 19.
Издательство «Русская книга».
Телефоны: (095) 261-83-00 (факс)
265-01-34, 261-88-65 (доб. 113), 261-88-63 (доб. 113).

В издательстве «Русская книга»
вышли первые тома новой серии

«РУССКИЕ МЕМУАРЫ» —

малоизвестные воспоминания, записки, письма
обер-прокурора Святейшего Синода

К. П. Победоносцева

«Тайный правитель России»,

писателя-изгнанника

Вас. И. Немировича-Данченко

«На кладбищах» и

философа, литературоведа, дипломата

К. Н. Леонтьева

«Моя литературная судьба».

Продолжением, составной частью этого проекта
является его важное ответвление —

«Русские мемуары: Москва и москвичи»,

в составе которого вышли следующие книги:

И. А. Белоусов. Ушедшая Москва.

Ф. И. Буслаев. Мои досуги. Мои воспоминания.

Готовятся к выпуску:

И. С. Аксаков. Дневник в письмах. В 3 т.

М. П. Погодин. Исторические афоризмы

и другие издания.

*По вопросам приобретения книг серии
обращайтесь по адресу:*

107996, Москва, Новая Басманная, 19.

Издательство «Русская книга».

Телефоны: (095) 261-83-00 (факс)

265-01-34, 261-88-65 (доб. 113), 261-88-63 (доб. 113).